ВОЕННЫЙ

175-5-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 7

ІЮЛЬ

1870

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ О НАРЫНѢ И КАШГАРѢ.

7-го октября 1867 года, послѣ десятидневнаго путешествія отъ г. Вѣрнаго къ Кашгару, частью по трактовой дорогѣ (до г. Токмака), частью по караванной и койджолами (*) (до Нарына), я подъѣзжалъ къ нашей границѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился отрядъ, назначенный для устройства на рѣкѣ Нарынѣ моста, казармы для жительства передовыхъ войскъ и укрѣпленія, обезпечивающаго объ эти постройки. Тутъ проходитъ главный караванный путь изъ нашихъ владѣній въ Кашгаръ, перерѣзывая рѣку Нарынъ, въ большую часть времени года въ бродъ непроходимую, почему черезъ нее и былъ до настоящаго времени перекинутъ киргизами, или китайцами—хорошенько не разберешь кѣмъ—весьма простой и оригинальный, а вмѣстѣ съ тѣмъ столько же ветхій и опасный мостъ. Существованіе здѣсь моста, можетъ быть, и было одной изъ главныхъ причинъ, почему мѣсто для постоянной стоянки войска было избрано именно это, а не выше и не ниже по теченію. Съ Нарыномъ я познакомился еще въ іюлѣ мѣсяцѣ: тогда такъ называемый китайскій мостъ существовалъ еще во всей своей полнотѣ и дѣйствовалъ, т. е. позволялъ ходить и ѣздить по себѣ, причемъ отъ каждаго шага пѣшаго и коннаго потряхивался, нагонялъ на душу страхъ и затѣмъ опять успокоивался, хотя никогда не переставалъ безмолвно жаловаться, что ножки его въ колѣнкахъ сводитъ и просто уже мочи нѣтъ стоять. Мостъ этотъ, построенный по кавказскому способу, соединялъ берега Нарына въ самомъ узкомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка бѣжитъ какъ въ трубѣ, точно бѣшеная. Нѣтъ сомнѣнія, что лучшаго мѣста для моста, имѣющаго цѣлью пропускать лишь караваны,

(*) Кой-джолъ въ переводѣ съ киргизскаго языка „баранья тропинка“, т. е. такой ширины дорожка, пролегающая по обрывамъ, что лошадь проходитъ по ней небезопасно.

и желать было нечего, и если бы только это имѣли въ виду русскіе, водворясь на Нарынѣ, то не зачѣмъ бы было и думать о другомъ мостѣ, а стоило бы только исправить этотъ; но какъ весьма близкое положеніе моста отъ крѣпости или, лучше, условіе, чтобы мостъ прикрывался крѣпостью, сдѣлалось задачей нашей, а здѣсь возлѣ моста не оказалось удобнаго мѣста для крѣпостныхъ построекъ, то и пришлось старому мосту преклониться предъ судьбой. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ бытность мою тамъ въ первый разъ, мнѣ доставляло большое удовольствіе стоять на крутомъ берегу Нарына и смотрѣть, какъ по рѣкѣ пролетали бревна сплавляемыя сверху, и какъ охотники изъ солдатъ, стоя на берегу, нагіе, съ накинутыми лишь полушубками, очередуясь, кидались, съ веревкой въ рукѣ, въ эту пучину, ныряли, выныривали, хватались за бревна, стрѣлой проносились съ ними подъ мостомъ, затѣмъ, ухватившись за выкидываемые имъ съ берега причалы, бревно за бревномъ пріобщали къ посильнымъ своимъ лептамъ на сооруженіе новаго моста. Бывало, солнце уже на закатѣ, повѣетъ холодный вѣтерокъ, а 6—7 человѣкъ, все еще очередуясь, кидаются въ воду, какъ водолазы, боясь упустить напрасно хоть одно бревно, такъ какъ оно дорого стоитъ ихъ товарищамъ, съ неменьшимъ самоотверженіемъ работавшимъ надъ этими же бревнами въ лѣсу, выше линіи облаковъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ я отходилъ тогда отъ берега: мнѣ казалось, что не успѣютъ эти люди окончить къ зимѣ свои постройки и, послѣ усиленныхъ трудовъ въ теченіе всего лѣта, проведутъ суровое время года въ палаткахъ. Можетъ быть, это думали и сами солдаты, а потому куда ни заглянешь—вездѣ кипѣла работа. Въ щеляхъ окрестныхъ горъ не умолкалъ стукъ топоровъ; въ глиномятныхъ ямахъ и возлѣ нихъ не переставало шлепаніе; верблюды, оторванные отъ своего домашняго быта и привычные ничего не дѣлать, таскали лѣсъ громадныхъ размѣровъ и не затихали, почти съ утра начавъ свой ревъ то пронзительнымъ, то хриплымъ голосомъ. Не успѣвали они, дотащивъ свою ношу до мѣста, перевести духъ и, вытянувъ свои шеи къ землѣ, щипнуть хоть какой-нибудь прутокъ вмѣсто травы, а не то хоть щепку, какъ уже затягивались солдатами надъ той же ношей «дубинушка» и—«разъ, два, три». Снизу солдатъ, сверху солдатъ, на бревнѣ солдатъ, въ лямкѣ солдатъ; стонъ стоялъ надъ лагеремъ точно на фабрикѣ.

Долина, по которой протекаетъ Нарынъ, и гдѣ строилось наше укрѣпленіе, сжата съ сѣвера и юга горами на столько, что не малой задачей было выбрать на ней такое мѣсто для укрѣпленія,

чтобы имъ не командовали окрестныя высоты съ юга и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не отходило бы отъ караваннаго пути; съ сѣвера же горы спускаются къ рѣкѣ прямо обрывомъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, стоя на правомъ берегу Нарына противъ моста, можно было видѣть такой хаосъ, въ которомъ не только незнакомый съ планами предполагаемыхъ построекъ, но и сами работавшіе, кажется, не разбирали ничего. Впрочемъ это и понятно, потому что въ то время еще не было разбито укрѣпленіе. Теперь же, въ октябрѣ, подъѣхавъ къ тому мѣсту, гдѣ я съ замирающимъ сердцемъ смотрѣлъ прежде на охотниковъ ловившихъ бревна, я видѣлъ только скелетъ отъ китайскаго моста, да стаю галокъ, рывшихся въ заброшенныхъ очагахъ, гдѣ когда-то варился солдатскій обѣдъ, и только вдали, по старому, тянулись вереницы верблюдовъ. Рѣка шумѣла, но меньше чѣмъ три мѣсяца назадъ и, заглушая все внѣшнее, безсильна была заглушить въ душѣ какую-то непонятную тоску, рождавшуюся отъ одного вида этого непривѣтливаго мѣста. Перекладины съ моста были сняты: это значило, что отрядъ построилъ уже другой мостъ и перешелъ на новое мѣсто, то самое, гдѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, среди грудъ натасканныхъ матеріяловъ, нельзя было ничего разобрать. Я поѣхалъ медленно внизъ по рѣкѣ, стараясь предначертать себѣ пріятную картину, которая носила бы на себѣ оттѣнокъ спокойствія и довольства—награду солдатъ за трудовую ихъ жизнь въ теченіе лѣта. Такъ я подъѣхалъ къ вновь продѣланному спуску и очутился передъ широкимъ и прочнымъ на видъ мостомъ, упирающимся въ подошву обрыва лѣваго берега. Боже мой! отсюда виднѣлся на другой сторонѣ все тотъ же хаосъ, что и прежде, еще хуже того: недоконченныя стѣны будущихъ казармъ смотрѣли какъ развалины, а груды разныхъ матеріаловъ и ямы рядомъ съ ними, изъ которыхъ торчали человѣческія фигуры, еще больше старались убѣдить въ этомъ мой глазъ. День хотя былъ ясный, но довольно холодный: верхушки горъ уже побѣлѣли и со всего выдающагося въ лагерѣ только-что стаялъ иней, оставивъ по себѣ сырыя пятна. Теперь было видно уже не лихорадочное движеніе, а просто сраженіе съ трудностями и препятствіями. Я нашелъ отряднаго начальника среди работъ. Зная его самолюбіе, я боялся коснуться вопроса о времени окончанія построекъ; но меня крайне удивили его самоувѣренность и веселость.

— Что проѣхали по мосту, по русскому мосту? каковъ? былъ его первый вопросъ.

— Отличный, отвѣчалъ я.

Распросивъ меня о цѣли моего пріѣзда въ отрядъ и о предстоящей поѣздкѣ въ Кашгаръ, онъ повелъ меня по лагерю, показывая что сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ я не былъ въ отрядѣ.

— Нельзя еще мѣсить, ваше превосходительство, докладываетъ ему на дорогѣ унтеръ-офицеръ.

— Вздоръ! отвѣчалъ ему отрядный начальникъ. Пойдемъ, я покажу тебѣ, что можно.

Мы пошли вмѣстѣ къ глиномятной ямѣ. Внутренность ея состояла изъ кочекъ замерзшей глины, едва лишь оттаявшихъ сверху.

— Лопату сюда! крикнулъ отрядный начальникъ.

Подали лопату; онъ вскочилъ въ яму и началъ собирать съ кочекъ отмякшія верхушки.

— Что, глины нѣтъ? а это что? пока употребишь ее въ дѣло, тутъ еще оттаетъ.

— Работать!

Мы пошли далѣе по постройкамъ и мастерскимъ; тогда я увидѣлъ, какъ много уже сдѣлано и какъ не мало однако остается еще.

— Будетъ окончено, говорилъ отрядный начальникъ шопотомъ, озираясь кругомъ. Будетъ. Я сказалъ 2-й ротѣ, что не уйдемъ отсюда, пока для 3-й роты не окончимъ, какъ слѣдуетъ, помѣщеніе, и посмотрите что будетъ. Они знаютъ меня и вѣрятъ, что я не уйду отсюда, пока не исполню, что взялъ на себя. Что за молодцы народъ! вѣрите ли, что только недѣлю назадъ они перестали кидаться въ воду ловить бревна, и то потому, что больше не нужно лѣсу. И все это ради молодечества.

— Я слышалъ, еще бывши въ г. Вѣрномъ, что у васъ утонулъ одинъ изъ ловившихъ бревна; это, должно быть, сильно подѣйствовало на прочихъ охотниковъ, сказалъ я.

— Да, утонулъ, проговорилъ со вздохомъ отрядный начальникъ— но что они за молодцы!

Отрядный начальникъ былъ человѣкъ добраго сердца; при напоминаніи моемъ по лицу его скользнула печальная мысль.

— Всѣ мы здѣсь на волоскѣ. Это не работа, а сраженіе; солдаты знаютъ это... Вы вѣдь видѣли, что никакая бона не въ состояніи была задерживать лѣсъ, вы видѣли, что бревно не плыветъ, а летитъ по водѣ.... Было полноводье, страшно было стоять на берегу, а охотники не желали упускать напрасно лѣсу; они, какъ всегда, очередуясь, кидались по одному въ ту отчаянную струю, въ которой неслось бревно; на этотъ разъ одинъ оплошалъ не успѣлъ схватить брошеннаго ему причала и... теперь ужь онъ

вѣрно въ Аральскомъ Морѣ (Нарынъ есть верховье рѣки Сыръ-Дарьи). За этимъ бревномъ, черезъ обычный промежутокъ времени, показалось у моста другое бревно, и что же бы вы думали? очередной не задумался ни на минуту, кинулся туда же, схватилъ слѣдующее бревно и доставилъ къ мѣсту. И очередь не измѣнилась....

Мы шли къ одному изъ флигелей. Вѣстовой открылъ дверь и меня пріятно поразила неожиданность: это была совсѣмъ отдѣланная квартира, предназначенная для будущаго коменданта. Въ ней пылалъ каминъ, была мебель и колекція роговъ дикихъ животныхъ, служившая и для сидѣнья и вѣшалками.

Отрядный начальникъ былъ озабоченъ этотъ день однимъ обстоятельствомъ, но, кажется, не желалъ мнѣ этого показать, и я замѣтилъ только потому, что, говоря со мною о весьма разнообразныхъ предметахъ своего отряднаго быта, онъ вдругъ прерывалъ рѣчь, посылая вѣстоваго то за тѣмъ, то за другимъ офицеромъ и, въ ожиданіи прихода ихъ, терялъ нить своихъ разсказовъ, а съ приходившими, по его требованію, говорилъ объ одномъ и томъ же предметѣ, только съ разныхъ его сторонъ. Дѣло вотъ въ чемъ: въ лагерѣ былъ покойникъ, солдатъ, котораго убило камнемъ въ горахъ, гдѣ онъ работалъ съ прочими. Офицеры были нужны отрядному начальнику для присмотра за работами, а тутъ приходилось отрывать одного изъ нихъ для производства слѣдствія. Хотя слѣдствіе въ этомъ случаѣ не могло быть продолжительнымъ, но тогда оно и не могло быть вполнѣ точнымъ: смерть постигла солдата почти мгновенно, причемъ онъ свалился въ обрывъ и былъ поднятъ уже съ разбитой головой. Не знаю навѣрно, но мнѣ пришло на мысль, что въ головѣ отряднаго начальника рождался вопросъ: камень-ли сверху разбилъ солдату голову, отчего онъ и повалился внизъ, или съ нимъ случился внутренній ударъ, отъ котораго онъ прежде свалился и при паденіи разбилъ себѣ голову? Во второмъ случаѣ, въ отрядѣ было однимъ несчастіемъ меньше, а въ первомъ, успѣхъ построекъ сопрягался съ одною лишней, противъ бывшихъ уже жертвъ.

Какъ обогрѣло солнце, работы пошли поуспѣшнѣе; солдаты спѣшили оканчивать уроки, чтобы сходить въ баню и помыться наканунѣ праздника.

Выйдя отъ отряднаго начальника, я отыскалъ моего товарища-сослуживца; онъ пріютилъ меня у себя въ землянкѣ, если не обширной, за то теплой и совершенно сухой. Усталость не позволяла мнѣ въ тотъ же день побывать у прочихъ офицеровъ, съ которыми я познакомился здѣсь въ первый мой пріѣздъ, и даже съ нѣкоторыми

еще раньше, а потому я отложилъ это до слѣдующаго дня, надѣясь, на праздникѣ у одного изъ нихъ, встрѣтить сразу все общество.

Жилище имянинника, Якова Кузьмича, очень походило на землянку, хотя размѣрами было гораздо больше той, въ которой я гостилъ у товарища. Чтобы попасть къ Якову Кузьмичу, я, выйдя изъ своего помѣщенія, пошелъ по указанію солдата на сѣверъ, лавируя между солдатскими землянками, похожими на норки сурковъ; затѣмъ обошелъ складъ провіянта, попалъ въ обозъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и коновязью, перепрыгнулъ черезъ веревку, причемъ напугалъ привязанную къ ней лошадь, наткнулся на овцу, наступилъ на хвостъ толстаго, претолстаго пса, который чуть меня не укусилъ, перескочилъ черезъ длинный ровъ, предназначенный для фундамента, и взбѣжалъ на бугорокъ.... Виднѣлась впереди землянка: эта-то, я и думалъ, принадлежитъ имянинннику; я готовъ былъ уже направиться туда, какъ изъ-подъ бугорка, гдѣ я стоялъ, показался подпоручикъ В*. Онъ догадался, что я ищу Якова Кузьмича, и поторопился свести меня съ крыши, сказавъ, что я стою надъ головой имянинника и, переминаясь съ ноги на ногу, дѣлаю сотрясеніе, отъ котораго известка отскакиваетъ отъ потолка и падаетъ въ чашки съ налитымъ чаемъ. Входъ къ Якову Кузьмичу былъ устроенъ нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается въ домахъ: нужно было не подняться 5—6 ступенекъ, а спуститься внизъ. Сдѣлавши это, я очутился въ сѣняхъ; направо и налѣво было по двери; одна въ пріемную, а другая въ людскую. Бѣлый некрашеный и ничѣмъ непокрытый столъ былъ выдвинутъ на середину комнаты и заставленъ чайнымъ приборомъ, съ кипящимъ самоваромъ, а вокругъ стола и на кроватяхъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ, сидѣли гости.

Деревянный, плохо-сколоченный, но чисто вымытый полъ заходилъ подо мною, какъ клавиши на фортепіано. Я не ошибся, мѣряя на свой аршинъ и полагая найдти этотъ праздникъ въ лагерѣ похожимъ на подобные же, бывшіе въ томъ отрядѣ, гдѣ я служилъ два года раньше. Всякій съ любовью къ г. Вѣрному распрашивалъ меня о тамошнихъ новостяхъ; я удовлетворялъ всякаго сколько могъ. Бесѣду нашу безпрестанно прерывали вѣстовые, приходившіе то за тѣмъ, то за другимъ изъ гостей, которыхъ съ того времени я ужь не видѣлъ до обѣда.

Ни одной жалобы на судьбу и ничего подобнаго мнѣ не приходилось слышать, можетъ быть потому, что завѣтрѣвшія и почернѣвшія лица и руки офицеровъ говорили сами за себя всякому, кто показывался изъ города. Противъ ожиданія даже разговоръ не вертѣлся вокругъ одного и того же обыденнаго: точно имъ ужь надоѣло свое до-смерти. Кирпичъ, известь, бревна, мостъ, вотъ и все, о чемъ они могли бы говорить и спорить; но какъ и эти отдѣлы были розданы разнымъ лицамъ, а слѣдовательно на каждый предметъ былъ свой спеціялистъ, то и тутъ исчезала возможность какихъ-нибудь споровъ.

Терять времени было нечего, а потому самоваръ былъ замѣненъ закуской. Еще весной, имянинникъ, предвидя невозможность пріобрѣсти въ лагерѣ вина, взялъ съ собою въ отрядъ одну завѣтную бутылку мадеры, которую и хранилъ секретно до 9-го октября. Теперь ей суждено было разыграть ту завидную роль, которую не съумѣлъ выполнить кувшинъ рижскаго бальзама, также взятый къ этому дню, но не подъ силу, вѣрно, искушеніе выбралъ себѣ имянинникъ: кувшинъ отъ бальзама тоже былъ на столѣ и даже полонъ, да только не тѣмъ, чѣмъ былъ налитъ сначала.

— Бальзаму, господа, прошу откушать, бальзаму и мадеры— спрашивалъ имянинникъ, зная кому что пріятнѣе.

— Хорошъ, слышались похвалы бальзаму, весьма хорошъ, только немножко будто скипидаромъ пахнетъ, замѣчали гости.

— Въ этомъ-то и суть, весь букетъ, отвѣчалъ хозяинъ.

Я тоже попробовалъ бальзамъ, и не сразу угадалъ, что это вересковая смола, распущенная въ спирту, или просто настой вереска.

Подошли пѣсенники къ окошку и грянули военную; лица всѣхъ оживились, пирогъ сталъ разбираться усерднѣе, разговоръ погромче, стало слышаться: «когда пріѣду въ Вѣрное, непремѣнно постараюсь....» или ....«а что? развѣ не отпустятъ въ Вѣрное? хоть на недѣлю?» или: «эхъ! кабы я былъ теперь въ Вѣрномъ....»

Отрядный начальникъ имѣлъ много хлопотъ, а я добавилъ ему еще: нужно было написать письмо правителю Кашгара съ увѣдомленіемъ о томъ, что я ѣду въ его владѣнія съ порученіемъ отъ военнаго губернатора; нужно было назначить для меня конвой, помочь мнѣ искупить лошадей для поѣздки въ Кашгаръ, придумать, что бы послать со мною Якубъ-беку въ подарокъ, и много еще нужно было сдѣлать разныхъ распоряженій прежде, чѣмъ отправить меня изъ отряда. У меня тоже были свои хлопоты: перебрать и уложить хорошенько вещи, приладить вьюки, прокипятить барометръ, нанять вожака и лаучей (*). Никто не завидовалъ моей командировкѣ въ Кашгаръ; всѣ пророчили мнѣ слишкомъ долгую разлуку съ Россіей,

(*) Лаучей называется киргизъ, ведущій вьючныхъ лошадей или верблюдовъ.

а подъ-часъ, не сдержа своихъ секретныхъ предположеній, сулили мнѣ и много горя. На это имѣлись у нихъ свои основанія: въ Кашгарѣ былъ правителемъ коканецъ Якубъ-бекъ, человѣкъ крутаго нрава, а къ тому же самодуръ и фанатикъ. Опасаясь съ нашей стороны непріязненныхъ дѣйствій, въ скорости которыхъ его убѣждали приходъ русскихъ на рѣку Нарынъ и постройка тамъ моста и казарменныхъ помѣщеній, онъ сталъ смотрѣть на насъ волкомъ. Хотя притязаній на рѣку Нарынъ онъ не обнаруживалъ, но тѣмъ не менѣе ему было бы пріятнѣе, еслибы Нарынскій край оставался попрежнему пустыней, обитаемой лишь кочевыми киргизами, почти магометанами, народомъ готовымъ и нашимъ, и вашимъ, судя по тому, кто сильнѣй, и имѣющимъ бо́льшую склонность къ мусульманамъ, чѣмъ къ намъ; словомъ, такимъ народомъ, часть котораго Якубъ-бекъ уже угналъ къ себѣ, чтобы получать отъ него подать, и, при нашемъ движеніи къ Кашгару, поставить его на дорогѣ и хоть сколько-нибудь замедлить тѣмъ приходъ незваныхъ гостей.

Какъ бы то ни было, лишь только въ щеляхъ Тіаньшана раздался стукъ топоровъ, онъ принялся тоже за постройку крѣпостей по трактамъ ведущимъ въ его владѣнія.

Обстоятельства, предшествовавшія моей поѣздкѣ въ Кашгаръ, были слѣдующія: торговый караванъ нашего купца Хлудова, шедшій туда, былъ встрѣченъ выстрѣлами и долженъ былъ вернуться. Послѣ этого купецъ Хлудовъ послалъ Якубъ-беку подарки и просьбу о пропускѣ его каравана; подарковъ Якубъ-бекъ не принялъ, а на письмо его отвѣтилъ письмомъ, запрещавшимъ показываться съ торгомъ въ его владѣнія. Такъ какъ недружелюбную встрѣчу каравана купца Хлудова кашгарцы объясняли неизвѣстностью того, что караванъ былъ купеческій, то военный губернаторъ Семирѣченской Области далъ купцу Хлудову письмо къ Якубъ-беку, въ которомъ свидѣтельствовалъ, что купецъ Хлудовъ ѣдетъ въ Кашгаръ лишь съ торговыми цѣлями. Это, при новой попыткѣ Хлудова, помогло ему: онъ самъ былъ пропущенъ въ Кашгаръ, а караванъ задержанъ на дорогѣ. Всевозможныя убѣжденія г. Хлудова въ миролюбивыхъ отношеніяхъ нашихъ къ Якубъ-беку склонили послѣдняго повѣрить его словамъ, хотя не вполнѣ, но на столько однакожь, что онъ рѣшился отпустить съ Хлудовымъ въ Ташкентъ своего родственника, муллу Шади-мирзу, для заключенія съ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ торговыхъ условій, а караванъ обязалъ ждать на дорогѣ отвѣта, который долженъ былъ привезти его посолъ.

Обѣщаніе свое доставить Шади-мирзу въ Ташкентъ Хлудовъ

выполнить не могъ, потому что признать родственника Якубъ-бека посланникомъ и отправить его въ Ташкентъ военный губернаторъ не рѣшился безъ предварительнаго разрѣшенія на это генералъ-губернатора. Задержка Шади-мирзы въ г. Вѣрномъ стала извѣстной Якубъ-беку, и онъ сдѣлалъ на основаніи этого предположеніе, что русскіе арестовали его посла. Въ одномъ изъ писемъ его къ военному губернатору онъ даже выразился такъ: «одинъ мой человѣкъ, куда-ни-шелъ! у меня много еще людей! дѣлайте съ нимъ, что хотите». Въ это время пришло отъ генералъ-губернатора распоряженіе о предложеніи Шади-мирзѣ ѣхать въ Петербургъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о командированіи меня въ Кашгаръ. Шади-мирзѣ очень не хотѣлось, чтобы я ѣхалъ туда; мнѣ казалось, что онъ боялся, чтобы Якубъ-бекъ не сдѣлалъ бы со мною чего нибудь такого, что должно было-бы потомъ отразиться на немъ, какъ на уполномоченномъ. Онъ предлагалъ военному губернатору командировать вмѣсто меня кого нибудь изъ киргизовъ, но судьбѣ было угодно удовлетворить моему любопытству. Отправляясь въ Петербургъ, Шади-мирза оставилъ мнѣ одного своего человѣка, прося доставить его въ Кашгаръ. Я былъ очень радъ этому и берегъ моего спутника Сапахуна, видя въ немъ человѣка, который лично могъ засвидѣтельствовать Якубъ-беку, что посолъ его содержался у насъ хорошо. Въ Вѣрномъ, собираясь въ дорогу, я былъ веселѣе,чѣмъ на Нарынѣ; здѣсь, независимо того, что я слышалъ отъ знакомыхъ, мнѣ приходилось видѣть на каждомъ мелочномъ обстоятельствѣ недовѣріе киргизовъ къ успѣху моей поѣздки. Когда я хотѣлъ нанять въ дорогу лошадей, съ меня просили за лошадь въ мѣсяцъ почти столько-же, сколько она вся стоитъ; охотниковъ быть моимъ вожакомъ вовсе не оказалась, лаучей—тоже.

При всемъ желаніи моемъ отправиться поскорѣе, въ два дня, прожитые на Нарынѣ, я еще не могъ собраться; а между тѣмъ тяжелыя тучи надъ горами и падавшій снѣжокъ все больше и больше пугали меня, обѣщая завалить проходъ Богушты, по которому я полагалъ перейдти Тіяншанскій хребетъ. Киргизы начали мнѣ подводить для продажи лошадей и верблюдовъ, но съ такими промежутками, что я и въ недѣлю не набралъ бы нужнаго числа ихъ, еслибы мнѣ не помогли офицеры, уступая своихъ собственныхъ, у кого были лишніе. На третій день подошелъ къ отряду изъ Кашгара караванъ съ бязями (*) и начальникъ его сообщилъ, что перевалъ Богушты уже непроходимъ на верблюдахъ. Я пожалѣлъ, что избралъ Богушты, но поправить ошибки уже не было возможности,

(*) Грубая бумажная ткань, замѣняющая полотно.

такъ какъ отрядный начальникъ, въ письмѣ своемъ къ Якубъ-беку, увѣдомилъ, что я отправляюсь по этому пути, а слѣдовательно измѣненіе маршрута могло навести мнительнаго правителя Алтышара на какое нибудь подозрѣніе. Не желая однако попасть въ безвыходное положеніе въ горахъ и подумывая о проходѣ Ташъ-Рабатъ, какъ объ удобнѣйшемъ, я попытался подѣйствовать на моего спутника Сапахуна, чтобы сдѣлать его, такъ сказать, свидѣтелемъ того, что безразсудно съ моей стороны топуть въ снѣгахъ Богушты, когда можно гораздо легче пройти по другому проходу. Сапахунъ, съ того часа, какъ разбили мою палатку въ отрядѣ и уложили въ ней вещи, вколотилъ вблизи ея колышекъ, привязалъ къ нему свою лошадь, повѣсилъ ей на морду торбу, а самъ усѣлся на кошмѣ возлѣ; въ такомъ положеніи я заставалъ его всегда, когда случалось проходить мимо. Видя въ немъ нѣкоторую защиту отъ Якуба-бека, если послѣдній заподозритъ, что посолъ его содержится у насъ дурно, я ничего не жалѣлъ для моего спутника; зная что онъ не прочь выпить, я ему давалъ спирту, сколько онъ хотѣлъ, и дарилъ по нѣсколько разъ въ день деньги по 20 и 30 коп. на покупку пильменей, приготовляемыхъ въ отрядѣ однимъ торговымъ мусульманиномъ. Мяса нашего колотья онъ не ѣлъ сперва. Проходя мимо палатки и видя Сапахуна сидѣвшимъ съ поникшей головой, точно въ дремотѣ, я окликнулъ его; онъ вскочилъ и, какъ всегда въ моемъ присутствіи, снялъ шапку. Распросивъ его, сытъ-ли онъ и достаточно-ли пьянъ, и получивъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты, я показалъ ему на горы.

— Какъ-то пройдемъ по Богушты? Не знаешь ли, какой дорогой лучше идти?

— Нѣтъ, не знаю, отвѣчалъ онъ коротко.

— А какой дорогой ты шелъ сюда съ Шади-мирзой?

— Не помню.

— Отрядный начальникъ написалъ Якубу-беку, что я ѣду черезъ Богушты, а проходъ этотъ уже занесло снѣгомъ, такъ не поѣхать-ли намъ черезъ Тузъ-Ашу, или Ташъ-Рабатъ? какъ думаешь?

— Нѣтъ, ничего не скажу. Поѣдемъ куда хотите.

По лицу Сапахуна было видно, что онъ трусилъ вмѣшиваться въ дѣло. Я почти даже предвидѣлъ, что эта попытка не удастся, слышавши раньше, какъ много нужно кашгарцу имѣть осторожности, чтобы доносить на плечахъ свою голову.

Теперь зѣвать ужъ было нечего; не только день, но и часъ промедленія могъ много повредить путешествію.

11-го октября, по моимъ расчетамъ, посланные 8-го числа два киргиза съ письмомъ къ Якубъ-беку уже были на мѣстѣ, слѣдовательно, тамъ уже извѣстно, что я ѣду. Лошади, сѣдла, уздечки торбы были закуплены, вещи упакованы, Сапахунъ сытъ, полупьянъ и снабженъ на дорогу нюхательнымъ табакомъ, который онъ кладетъ себѣ въ ротъ за щеку; овесъ на дорогу купленъ; носокъ мѣднаго чайника, сломавшійся въ дорогѣ, припаянъ; лошади подкованы; конвой готовъ и мнѣ только сѣсть на лошадь. Оставалось перѣшеннымъ, кому ѣхать со мною вожакомъ. При отрядѣ находилось десять человѣкъ киргизовъ въ качествѣ почтарей, которые возили бумаги и въ Кашгаръ, но, не имѣя права ни на одного изъ нихъ, до послѣдней минуты я пріискивалъ себѣ вожака изъ киргизовъ свободныхъ, пріѣхавшихъ въ отрядъ съ провіянтомъ. Охотниковъ не находилось ни за какія деньги; память о вожакѣ, служившемъ полковнику, нынѣ генералъ-маіору Полтарацкому, при его рекогносцировкѣ, еще не изгладилась въ ордѣ. Вожакъ тотъ, черезъ годъ послѣ своего путешествія съ генераломъ Полтарацкимъ, попалъ въ Кашгаръ и съ того времени о немъ никто не знаетъ ничего положительнаго, хотя ходятъ слухи, что Якубъ-бекъ его зарѣзалъ. Всякій изъ киргизовъ думалъ, что и его, какъ вожака, постигнетъ та же участь, и я не имѣлъ права разувѣрять въ этомъ, будучи много наслышанъ о произволѣ и фанатизмѣ Якуба-бека и о неспособности его додумываться въ подобномъ случаѣ, виноватъ-ли человѣкъ, что показываетъ дорогу, которую знаетъ почти всякій тамошній киргизъ. Начальникъ отряда, чтобы дать мнѣ, наконецъ, возможность выѣхать, назначилъ вожакомъ состоящаго на службѣ почтаря. Съ своей стороны я обласкалъ этого киргиза, далъ ему денегъ, пообѣщалъ халатъ и напомнилъ, что въ Кашгарѣ онъ найдетъ еще четырехъ своихъ товарищей по службѣ, изъ которыхъ двое уѣхали туда уже недѣлю назадъ съ письмомъ отъ военнаго губернатора, а двое 8-го ноября, съ увѣдомленіемъ отряднаго начальника о моемъ слѣдованіи.

День 11-го октября былъ ясный и теплый; снѣгъ, выпавшій ночью, стаялъ на долинѣ. Простясь съ офицерами и отряднымъ начальникомъ, я приказалъ своему каравану трогаться. Путь мой лежалъ сперва на югъ, нѣсколько въ гору, до того мѣста, гдѣ изъ щели выбѣгаетъ рѣка Чаръ-карытма, на одномъ изъ арыковъ которой стояла русская мельница.

Тутъ, отдавши честь пикетному посту и окинувъ взоромъ еще разъ лагерь, я завернулъ за мысокъ и пошелъ по рѣчкѣ, весьма извилистой на всемъ протяженіи ущелья и почти на каждомъ шагу

оказывавшейся мнѣ какъ-то поперекъ пути. Мы ѣхали молча, безпрестанно останавливаясь для перевьючки лошадей. Сапахунъ, принарядясь въ чалму и халатъ, подаренные ему въ Вѣрномъ, съ ружьемъ повѣшеннымъ на плечѣ, ѣхалъ стороной; я старался разговориться съ нимъ о предстоящей дорогѣ, узнать, какія замѣчательныя мѣста встрѣтятся намъ на пути, но онъ отговаривался полнымъ незнаніемъ....

Первый переѣздъ мнѣ казался чрезвычайно продолжительнымъ, можетъ быть потому, что ущелье по р. Чаръ-Карытма однообразно. Дорожка разбилась на двѣ: одна пошла на западъ къ отрядному хутору, на долинѣ Атбаши, а другая прямо на югъ, на перерѣзъ той же долины. Солнце закатывалось. Мы остановились ночевать у рѣчки Чары, которая, впрочемъ, называется рѣчкой только потому, что здѣсь нѣтъ настоящихъ рѣкъ, а все горные ручьи. Чары шириною около $1^1/_2$ аршинъ, а глубина ея не позволяетъ почерпнуть ведромъ воды безъ того, чтобы не задѣть за дно. Холодъ заставлялъ позаботиться о дровахъ. Изъ щели, откуда выбѣгаетъ Чары, выглядывалъ еловый лѣсъ; туда отправились конвойные за хворостомъ, а я, между тѣмъ, улегся на разостланный на землѣ войлокъ и слушалъ вожака, киргиза Тума. Сколько я замѣтилъ, чай въ полѣ не нагоняетъ безсонницы. Я проснулся на другой день, когда солнце уже порядочно поднялось надъ горизонтомъ и спряталось за облака.

Скучно было ѣхать по щебню, перевалами, похожими одинъ на другой, и вдобавокъ въ пасмурный день; но мѣстность скоро стала выравниваться и тропинка вышла на долину Атбаши. Тутъ подулъ на насъ вѣтеръ съ юга и полетѣли снѣжные хлопья. День становился все темнѣй и темнѣй. Скалы Тіяньшана, посинѣлыя, точно озябшія, угрюмо смотрѣли черезъ долину намъ прямо въ лицо и не столько скрадывали дѣйствительное разстояніе до нихъ, какъ пугали своей неприступностью. Пропустивъ впередъ караванъ, я остановился съ переводчикомъ и съ однимъ казакомъ близъ могилы киргиза Сарыка. Могила эта построена въ видѣ двора, съ толстыми сплошными стѣнками, имѣющими на углахъ комки глины, изображавшіе первоначально какія нибудь фигуры, но размытые впослѣдствіи дождемъ и растрепанные голодными птицами, которымъ служили любимымъ сѣдалищемъ въ этой долинѣ.

Пока я, усѣвшись на землѣ, выжидалъ, чтобы караванъ мой скрылся изъ виду и, потирая руки, отогрѣвалъ ихъ для работы при барометрѣ, прошло съ часъ времени. Долина спускалась къ рѣкѣ легкими уступами до самой подошвы Тіяньшана, и потому потерять

изъ виду кого нибудь на ней было невозможно, тѣмъ болѣе, что, кромѣ невысокой травы, сколько я могъ видѣть на западъ и востокъ, не выдавалось ни кустика, ни большаго камня. Когда я останавливался для барометрическихъ наблюденій, урядникъ всегда вступалъ въ особенно-интересный разговоръ съ моимъ спутникомъ Сапахуномъ и тотъ ѣхалъ поэтому не оглядываясь. Какъ, однакожь, я ни довѣрялъ способности урядника заговорить подозрительнаго кашгарца, тѣмъ не менѣе не считалъ нужнымъ торопиться, потому что барометръ, вынутый изъ чехла, и находившійся при немъ термометръ требовали нѣкотораго время для принятія ими температуры воздуха. Посматривая по сторонамъ, я увидѣлъ влѣво, вдали, черную точку. Первая моя мысль была, что это всадникъ. Въ бинокль я разсмотрѣлъ, что это цѣлое стадо рогатаго скота или табунъ лошадей, а въ сторонѣ отъ него еще такое же собраніе живыхъ существъ. Видя на долинѣ достаточно корму, я не удивился бы присутствію здѣсь скота, если бы не зналъ раньше, что, пока вопросъ о границѣ невозбужденъ, долина эта, за исключеніемъ нижней части, гдѣ находился нашъ хуторъ, остается необитаемой ни нами, ни кашгарцами. Пока я раздумывалъ, чей бы могъ быть скотъ, табунъ подвигался ко мнѣ и я могъ уже пересчитать до одиннадцати головъ: всѣ онѣ были одной черной масти. Скоро затѣмъ я уже не сомнѣвался, что это кабаны. Изъ каравана моего тоже увидѣли добычу и нѣсколько казаковъ бросились къ нимъ, но у кабановъ ноги здоровыя, а сами они такіе рослые, что, когда, испуганные, побѣжали въ мою сторону, я перетрусилъ еще больше ихъ. Послѣ этого, пересѣкая долину, я замѣчалъ въ разныхъ мѣстахъ ея площадки, взрытыя такъ глубоко, будто были вспаханы: это была работа кабановъ. Показываясь цѣлыми косяками то съ той, то съ другой стороны, они развлекали насъ и давали казакамъ тему для нескончаемыхъ разсказовъ про охоту.

Мы подъѣзжали къ горамъ; уже былъ слышенъ шумъ рѣчки Атбаши, пробѣгающей у подошвы ихъ и подмывающей обрывы, а рядъ горъ, казавшійся издали сплошнымъ, все еще не давалъ даже приблизительно понять, по какой щели мы начнемъ царапаться. Вожакъ Тумъ мнѣ указывалъ на логъ; но логовъ тамъ такъ много и всѣ они поросли лѣсомъ, и всѣ такъ круты, что я охотнѣе предполагалъ тотъ разъ, что я близорукъ, чѣмъ то, что мы полѣземъ на 45° покатости, вдобавокъ по снѣгу, которымъ были полузавалены логи. Тумъ зналъ хорошо окрестности; онъ называлъ мнѣ замѣчательныя мѣста, повторялъ нѣсколько разъ и экзаменовалъ меня

въ этомъ, пока я не успѣвалъ тѣ свѣдѣнія записать въ свою дорожную книжку. Онъ не придерживался строго тропинокъ, а вывелъ насъ прямо къ тому пункту, гдѣ сходились всѣ дороги, идущія отъ Нарына къ избранному мною проходу. Этотъ узелъ путей приходится противъ того мѣста, гдѣ рѣка Богушты, простясь съ узкимъ и глубокимъ ущельемъ, по которому бѣжитъ изъ-подъ облаковъ, спрыгиваетъ съ послѣдняго уступа прямо въ рѣку Атбашу. День былъ на половинѣ; снѣгъ не переставалъ идти; вѣтеръ не утихалъ. Мнѣ, и, я думаю, всякому изъ насъ, хотѣлось ѣсть, а тутъ и дрова для варки при устьѣ Богушты и, можетъ быть, послѣдняя травка, такъ какъ вверху ущелья ее придавилъ уже глубокій снѣгъ. Я долго былъ въ раздумьѣ что дѣлать: оставаться-ли тутъ ночевать, или идти дальше. Люди, бывшіе со мною, поговаривали между собой, что хорошо бы ночевать; Тумъ даже желалъ этого и сулилъ мнѣ, что завтра мы успѣемъ перевалить хребетъ, на томъ основаніи, что онъ всегда въ одинъ день съ почтою проѣзжалъ изъ отряда прямо черезъ перевалъ на южный его склонъ. Можетъ быть, я и послушался бы его, если бы снѣгъ не валилъ такъ усердно; на этотъ разъ я боялся, что снѣгъ, въ теченіе ночи, окончательно занесетъ проходъ. Караванъ остановился, ожидая приказанія. Долго думать было некогда; получивъ отъ Тума свѣдѣніе, что по ущелью будетъ лѣсъ, я рѣшился идти. Возлѣ воды прохода не было; дорожка шла по лѣвому берегу, который, чѣмъ дальше, тѣмъ былъ выше надъ русломъ и круче; хотя тропинка была завалена глубокимъ снѣгомъ, но потерять ее было невозможно, потому что свернуть съ нея было некуда, кому жизнь дорога: слѣва обрывъ, справа непроходимыя груды камней. Правый берегъ совершенно похожъ на лѣвый; глядя на скатъ его къ рѣкѣ, можно было безошибочно рисовать себѣ и скатъ того берега, по которому подвигались мы и по которому пришлось бы катиться тому изъ насъ, кто оборвался бы съ него.

Правый берегъ представлялъ больше мѣстъ непокрытыхъ снѣгомъ, особенно тамъ, гдѣ голые камни свѣшивались надъ обрывомъ и наиболѣе подвергались вѣтрамъ. На такихъ мѣстахъ виднѣлись рѣзко обчерченныя дорожки, сходившіяся и расходившіяся въ разныя стороны. Дорожки тѣ ничѣмъ не отличались отъ такъ называемыхъ койджоловъ, по которымъ спокойно ѣздятъ киргизы и русскіе, привыкшіе къ путешествіямъ въ горахъ. Пробираясь съ замирающимъ сердцемъ по опасному косогору лѣваго берега и видя на правомъ берегу одну изъ такихъ тропинокъ, начерченную какъ по шнуру, я досадовалъ, что пошелъ не той стороной, и, случись возлѣ меня Тумъ, я бы, быть можетъ, и упрекнулъ его, какъ вожака, въ недостаточности соображенія; но Тумъ былъ отъ меня, судя по характеру мѣстности, очень далеко, саженъ пять впереди. Догнать его, гдѣ нельзя никого объѣхать, было невозможно, а голоса моего онъ не услышалъ бы. Онъ ѣхалъ себѣ, сидя бочкомъ на сѣдлѣ, и помахивалъ плеткой такъ безпечно, точно подъ нимъ скатерть-дорога, а вовсе не то, что было въ дѣйствительности. Случалось, онъ на секунду останавливалъ свою пѣгую кобыленку: меня это мучило, мнѣ казалось, что дальше ужь нѣтъ пути; но послѣ попытокъ Тума свернуть въ ту или другую сторону, причемъ кобыленка упрямилась, онъ стегалъ ее разъ-два плеткой и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ путь. На мѣстѣ такой остановки я находилъ яму или острый камень, занесенные снѣгомъ. Дорожки, между тѣмъ, по правому берегу стали колесить, путаться и спрятались за одинъ огромный, свисшій съ берега, камень, готовый свалиться въ воду. Немного погодя, поровнявшись съ этимъ камнемъ, я увидѣлъ возлѣ него маленькую площадку, на которой сошлись съ разныхъ сторонъ шесть дорожекъ; чтобы разойтись, имъ не было другаго пути, какъ по крутому, почти отвѣсному обрыву, въ воду. Тутъ я догадался, что дорожки эти не койджолы. Тумъ остановился предъ этимъ мѣстомъ и съ улыбкой указалъ мнѣ рукой на невозможный для лошади спускъ съ того берега и на безвыходное положеніе всадника, который забрался бы туда; немного погодя я увидѣлъ пару архаровъ, совершавшихъ свое обычное шествіе на водопой; они медленно подошли къ площадкѣ, а потомъ, замѣтивъ насъ, кинулись стремглавъ съ обрыва, должно быть въ воду, которой мы однако съ берега видѣть не могли по причинѣ узкости ущелья. Черезъ нѣкоторое разстояніе, появились снова дорожки, приводившія къ подобнымъ же обрывамъ; я слѣдилъ за ними и видѣлъ на нихъ уже не одну пару, а цѣлыя стада архаровъ. И немудрено, что ихъ много тамъ, когда добывать ихъ оттуда нѣтъ никакой почти возможности. Нужно быть болѣе чѣмъ страстнымъ охотникомъ, чтобы рѣшиться спуститься къ водѣ и подкарауливать ихъ тамъ; прежде чѣмъ убитый архаръ можетъ попасть на лѣвый берегъ, онъ разорвется въ куски объ острые камни, по которымъ его пришлось бы тащить. На обоихъ берегахъ стали показываться верхушки еловаго лѣса, растущаго по скатамъ; чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ забирался выше и, не доходя половины подъема, уже заслонялъ собою дорогу и заставлялъ насъ нагибать головы, чтобы не оставить на вѣткахъ или шапки, или глазъ. Хотя корни деревьевъ, торчавшіе изъ земли, и представляли намъ собою лишнюю

прегради, но какъ-то веселѣй стало ѣхать, можетъ быть потому, что являлась смутная, вѣроятно неосуществимая, но тѣмъ не менѣе пріятная надежда, схватиться, въ случаѣ паденія съ лошади, за вѣтку и повиснуть на ней, пока спутники не выручатъ. Богъ миловалъ: никто изъ насъ не упалъ, и мы, послѣ благополучнаго перехода одной промоины, приступить къ которой сначала задумался самъ Тумъ, остановились на небольшой площадкѣ ночевать.

Снѣгъ въ это время переставалъ, а отъ вѣтру насъ укрывали деревья со стороны рѣки и горы съ противоположной; если же вдоль щели и сквозилъ еще вѣтеръ, то онъ не очень безпокоилъ насъ, какъ потому, что на душѣ у насъ стало легко, такъ и потому еще, что мы испытывали въ то время гораздо серьезнѣйшее ощущеніе отъ пустоты въ желудкахъ. Смотаривъ (*) лошадей, сложивъ съ себя бережно оружіе на котомку и прикрывъ его шипелью, казаки подшучивали одинъ надъ другимъ, въ ожиданіи, когда молодой семирѣченецъ откупоритъ жестяную флягу со спиртомъ. Порція спирта оказала свое дѣйствіе. Казаки готовы были хоть снова въ дорогу, а не то за дѣло, котораго было тоже не мало. Чтобы разбить палатку, слѣдовало очистить мѣсто отъ снѣга, а снѣгъ хотя былъ всего только въ пять вершковъ, но такъ крѣпко забился въ траву, что безъ лопатки его оттуда не выцарапать. Нарубили шашками еловыхъ мысокъ (**), сняли съ вьюка котелокъ и мясо; дѣло стало только за водой, спуститься къ которой по обрыву было нелегко. Ночь въ ущельѣ прошла благополучно. Солнце застало лошадей нашихъ за работой: онѣ усердно разгребали ногами снѣгъ и щипали траву, а мы, проснувшись отъ холода еще до свѣта, ёжились возлѣ костра и варили себѣ чай и мясо. Когда солнце освѣтило площадку, гдѣ мы ночевали, мнѣ понравилось это мѣсто, и будь я тутъ при другой обстановкѣ, т. е. не томись я неизвѣстностью, пройдемъ ли черезъ самый перевалъ, будемъ ли въ состояніи отыскать свой слѣдъ, по которому шли сюда, я просто восхищался бы этимъ мѣстомъ. День обѣщалъ быть яснымъ; хотя и были на небѣ тяжелыя тучи, но онѣ стояли неподвижно надъ мѣстомъ, пройденнымъ нами вчера, и носились ниже насъ.

Здѣсь вожакъ предложилъ запастись дровами, такъ какъ далѣе ужъ нѣтъ лѣсу: мы воспользовались этимъ совѣтомъ и, тяжело навьюченные, тронулись дальше. Лѣсъ началъ рѣдѣть и мельчать, а затѣмъ черезъ часъ ходу, спереди и сзади насъ, съ боковъ были

(*) Связавъ между собой попарно головами въ разныя стороны.

(**) Треножникъ, къ которому подвѣшивается котелъ надъ костромъ.

только голыя скалы. Ущелье, по которому бѣжала рѣка Богушты, уже не было такъ глубоко: по временамъ мы видѣли ея воду. Дорожка начала приближаться къ руслу; казалось, вотъ скоро и истоки рѣчки, а слѣдовательно и высшая точка перевала. Въ этомъ ожиданіи мы прошли уже нѣсколько верстъ, безпрестанно останавливая лошадей, чтобы дать имъ перевести духъ, а Богушты все еще стремилась, но ужъ далеко не такъ бойко, какъ внизу; здѣсь начала съ рѣкою справляться ледяная кора, которую ей еще удалось однакожъ сбросить съ себя, или вспучить, чтобы она не мѣшала прыгать но обледенѣлымъ верхушкамъ камней, лежавшихъ на пути. Ущелья не стало; Богушты журчала гдѣ-то подъ ногами, прикрытая крѣпкимъ слоемъ слежавшагося снѣга; правый и лѣвый берегъ почти сравнялись, образуя холмы. Впереди былъ небольшой хребетъ, изъ-за котораго торчала, какъ треугольная шляпа, багрово-синяя скала, а передъ нимъ куча камней, изъ-за которой вытекалъ водопадомъ одинъ изъ притоковъ Богушты, и небольшой ложокъ полный снѣгу. Ртуть въ барометрѣ на этой высотѣ спустилась до 514,3 милиметра, при R—$^1/_2$ ясной погодѣ и слабомъ вѣтрѣ съ юга. Было девять часовъ утра. Мнѣ казалось, что идти дальше некуда, но не то казалось Туму: онъ бросился прямо въ логъ; кобыленка его визжала подъ нагайкой, тонула въ снѣгу и выскакивала на прежнее мѣсто. Тумъ не дѣлился ни съ кѣмъ своими предположеніями, и мы вѣрили ему, какъ капитану на кораблѣ. Онъ объѣхалъ стороной логъ и остановился на хребтѣ; мы потянулись по его слѣду. «Ну, ну, немного осталось», покрикивали казаки на вьючныхъ лошадей. Дѣйствительно, кромѣ предлежавшаго хребта, до котораго оставалось не болѣе 100 саженъ, все было ниже насъ. Прежде чѣмъ подниматься на этотъ хребетъ, мы выпили по немногу спирту для облегченія дыханія, такъ какъ воздухъ тамъ былъ довольно рѣдокъ, и предложили тоже Туму; онъ не отказался и замѣтилъ, между прочимъ, что мы будемъ еще выше этого мѣста. Мнѣ кажется, что казаки поколотили бы его за эти слова, если бы не стѣснялись моимъ присутствіемъ, а обругать-то обругали. Тумъ былъ того мнѣнія, что брань на вороту не виситъ; онъ только самодовольно улыбался, понимая свое высокое положеніе.

«Ну, ну, благословенныя, постарайся» покрикивали конвойные, сидя уже не на спинахъ, а на хвостахъ своихъ лошадей.—«Еще, еще! ну, ну», и голосъ ихъ точно обрывался, когда они ступали на вершину.

Я не кричалъ, а потому, входя на хребетъ, голосъ мой не обры-

вался, но за то у меня точно вывернулись всѣ внутренности отъ того, что я увидѣлъ тамъ: передъ нами опять логъ и за нимъ опять поперечный хребетъ, только еще повыше послѣдняго. Я молчалъ, потому что бранить, кромѣ самого себя, было некого. Тумъ сунулся въ снѣгъ, но на первомъ шагу засѣлъ съ своей пѣгой лошаденкой такъ, что ни взадъ, ни впередъ; кобыленка опрокинулась, онъ слетѣлъ съ нея и тоже завязъ. Казаки его вытащили, лошадь тоже выбилась на отоптанное мѣсто. Солнце стояло высоко и небо было чисто; это еще ободряло насъ. Не теряя времени, Тумъ пробовалъ перейдти логъ по разнымъ направленіямъ, но все неудачно. Можетъ быть, мы провозились бы такъ и до ночи, если бы въ одинъ голосъ не рѣшили, что нужно уминать снѣгъ. Я и по настоящее время того мнѣнія, что это было самое благоразумное.

Мы развьючили лошадей, смотарили ихъ и, затѣмъ, выбравъ для пути самое кратчайшее направленіе, принялись общими силами утаптывать на немъ снѣгъ. Тумъ первый вошелъ въ эту массу по грудь и легъ; покатавшись по тому же мѣсту, онъ всталъ, отошелъ дальше и опять легъ; другіе подражали ему, а когда слѣдъ былъ доведенъ до хребта, водили по немъ взадъ и впередъ развьюченныхъ лошадей, а затѣмъ и проѣхали со вьюками. Послѣ этихъ трудовъ мы незамѣтно поднялись по скалѣ, мѣстами голой, мѣстами со снѣжными буграми, и Тумъ сказалъ, что мы на перевалѣ. Я сдѣлалъ тамъ барометрическое наблюденіе, причемъ ртуть въ барометрѣ стояла на $470^1/_2$ милиметрахъ. Такому пониженію ея способствовала отчасти и перемѣна температуры: R показывалъ 5° и вѣтеръ дулъ уже съ сѣвера. Было два часа.

Нѣтъ сомнѣнія, что мы устали и проголодались, но останавливаться на перевалѣ было невозможно: тамъ не было ни мѣста для ночлега, ни травы для лошадей, и, наконецъ, тамъ такъ холодно, что мы замерзли бы ночью. Какъ ни труденъ былъ спускъ, однако, видя передъ собой внизу мѣста обнаженныя отъ снѣга, мы отъ радости почти преодолѣвали препятствія, скользили и спускались. Не такъ впрочемъ заманчивы оказались мѣста, къ которымъ мы стремились: травы на нихъ уже не было и кочковатая поверхность не позволяла разбить палатки. Приходилось волей-неволей тянуться еще дальше вдоль замерзшаго ручейка, которымъ начинается рѣчка южный-Богушты. Тумъ обѣщалъ привести насъ на хорошее мѣсто, гдѣ нѣтъ снѣгу, гдѣ вода бѣжитъ открыто и гдѣ есть кормъ для лошадей. Долго мы ждали этого мѣста и только когда стало совсѣмъ темно,

подъ ногами нашихъ лошадей заплескала вода. Тутъ мы простились съ Тіаньшанскимъ хребтомъ и считали себя гостями Якубъ-бека.

Слѣдующій день мы шли по мѣстамъ довольно ровнымъ, на которыхъ было хотя немного, но достаточно корму для лошадей и отыскивался тезекъ (*), безъ чего не доставало бы намъ взятыхъ съ собою дровъ.

Нельзя сказать, чтобы время шло скоро, хотя я не былъ безъ дѣла: записывалъ, по указанію Тума, названія примѣчательныхъ мѣстъ и наносилъ ихъ на свою распросную карту. Чтобы выиграть время нужное для разведенія огня, я поѣхалъ впередъ, взявъ съ собою одного казака и Тума съ дровами. Показалась долина; мы пришпорили лошадей, подъѣхали къ Аксаю. Я полагалъ сдѣлать привалъ, напиться чаю, дать пощипать лошадямъ травки и затѣмъ начать подъемъ по рѣкѣ Теректы. Но каково было наше удивленіе, когда въ этой рѣкѣ, грозной во время весны и имѣющей тогда русло шириною въ версту, не оказалось ни одной капли воды.

Тумъ задумался. «Теперь ужь не пить намъ никогда чаю», проговорилъ онъ печально.

— Почему? спросилъ я. Развѣ дальше нѣтъ воды?

— Есть, да не для насъ. А вотъ что, сказалъ онъ вдругъ, какъ бы пользуясь счастливой мыслью: поѣдемъ влѣво, тамъ, въ рѣкѣ Майдашъ, впадающей въ Аксай, есть вода.

— Да вѣдь это намъ не по дорогѣ, замѣтилъ я; вѣдь путь отсюда направо къ рѣкѣ Теректы, тамъ тоже вѣрно есть вода?

— Есть-то есть, но...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

Тумъ молчалъ. Я посмотрѣлъ на него и удивился; въ лицѣ его не было ни кровинки, губы посинѣли и слегка дрожали.

— Что съ тобой? допытывался я.

Тумъ молчалъ.

— Онъ, ваше благородіе, сказалъ за него казакъ, боится, что насъ убьютъ сегодня; всю дорогу надоѣдалъ намъ и шопотомъ говорилъ, что не видать намъ больше Нарына, что за Аксаемъ кашгарскій пикетъ есть; тамъ намъ и конецъ будетъ.

Какъ я ни старался успокоить Тума, увѣрить его, что насъ не только не убьютъ, а примутъ съ почетомъ и подарятъ ему халатъ, онъ только изъ приличія кивалъ мнѣ на это головой, въ знакъ согласія, и оставался при своемъ. Только послѣ моего увѣренія, что я не выдалъ бы его, если бы ему и грозила опасность, лицо его

(*) Тезекъ—мѣстное названіе навоза.

стало проясняться и онъ пришелъ въ себя. «Я казенный человѣкъ» проговорилъ онъ; «куда пошлютъ—иду; бѣлому царю служу». Я потрепалъ его по плечу и мы поѣхали дальше. Онъ озирался пугливо по сторонамъ, и чѣмъ больше мы подвигались впередъ къ Теректы, тѣмъ онъ внимательнѣе всматривался вокругъ. Я распрашивалъ Тума, отчего онъ такъ боится кашгарцевъ. Оказалось, что онъ имѣлъ уже случай познакомиться и бесѣдовать съ ихъ правителемъ Якубъ-бекомъ, и съ того-то времени сталъ вообще избѣгать командировокъ въ Кашгаръ, даже съ бумагами къ Якубъ-беку, а не то что въ качествѣ вожака.

— Чѣмъ же онъ тебя напугалъ? спрашивалъ я Тума.

Тумъ откашлялся. Лицо его нѣсколько разъ то краснѣло, то желтѣло или, вѣрнѣе, зеленѣло, показавъ натуральный цвѣтъ его кожи. Не вдругъ онъ собрался отвѣчать на мой вопросъ.

— Я пріѣхалъ туда съ письмомъ.... Тутъ онъ снова остановился.

— Ну такъ что же? допытывалъ я.

— Меня повели подъ конвоемъ къ Якубъ-беку; онъ сидѣлъ и вокругъ него...

Не хватило Туму воздуху продолжать разговоръ. Онъ снялъ свою шапку, сшитую изъ двухъ треугольныхъ кусковъ бѣлаго войлока, и, обмахивая себѣ лицо, улыбался какъ бы невольно, будучи не въ силахъ преодолѣть внутренней борьбы съ самимъ собой. Я выжидалъ.

— Якубъ-бекъ спросилъ меня: зачѣмъ ты служишь русскимъ? Я сказалъ, что, по волѣ Бога, наша волость поступила въ подданство Россіи. «А знаешь ли ты, что я сниму съ тебя сейчасъ голову», сказалъ мнѣ Якубъ-бекъ и вскочилъ на ноги.—Ваша воля, сказалъ я. Якубъ-бекъ опять сѣлъ, пересталъ сердиться и сказалъ мнѣ: «смотри, братъ, не попадайся мнѣ!» и началъ разсказывать про русскихъ, ругалъ ихъ, говорилъ, что они необразованные, что если русскіе и умѣютъ что дѣлать, такъ это всему онъ научилъ ихъ. На этомъ мѣстѣ разсказа Тумъ, съ того времени какъ мы перешли границу, похожій на хамелеона, опять оправился; на щекахъ его показались красныя пятна; онъ остановилъ свою лошадь, слѣзъ съ нея и началъ отвязывать узелокъ, пристегнутый къ сѣдлу. Я смотрѣлъ сперва на него безъ удивленія, полагая, что узелокъ ему мѣшаетъ сидѣть; но Тумъ отвязавъ его, сѣлъ съ нимъ на землю, досталъ висѣвшій у него съ боку въ чехлѣ ножикъ, распоролъ нитки, которыми узелъ былъ зашитъ, снялъ одну за другой тряпки, которыми было обвернуто то, что ему вдругъ понадобилось, и въ концѣ концевъ вытянулъ оттуда халатъ пестраго ситцу, на грубой подкладкѣ. Поднося это сокровище ко мнѣ съ сіяющимъ уже лицомъ, онъ проговорилъ съ улыбкой: «подарилъ мнѣ».

— Кто? Якубъ-бекъ? спросилъ я.

— Да, Якубъ-бекъ, отвѣтилъ уже весело Тумъ и началъ снова завертывать халатъ въ тѣ же тряпки.

— Такъ что же ты боишься? Видишь, что онъ съ тобой сдѣлать ничего не могъ, а еще подарилъ халатъ.

— Я бы вамъ отдалъ этотъ халатъ, если бы вы только отпустили меня назадъ, сказалъ мнѣ, уже совсѣмъ оправившись, Тумъ.

Мнѣ было жаль киргиза. Если онъ рѣшался отдать халатъ, который, съ пѣгой кобыленкой и съ одной запасной ситцевой рубашкой, составляли положительно все его богатство, то, значитъ, его сильно напугалъ Якубъ-бекъ. Я обласкалъ Тума сколько умѣлъ; мнѣ кажется, что онъ на этотъ разъ повѣрилъ мнѣ. Я тутъ же подарилъ ему восемь серебряныхъ рублей на покупку еще одного халата и обѣщалъ сходить вмѣстѣ съ нимъ на базаръ въ Кашгарѣ и приплатить тамъ, если этихъ денегъ не хватитъ. Затѣмъ мы тронулись дальше. Насъ томила жажда; хотя до рѣки Теректы было недалеко, но у Тума до того горѣло внутри, что онъ, не дожидаясь воды, соскочилъ съ лошади, сдѣлалъ въ землѣ ножемъ ямку такой глубины, которую только могъ сдѣлать посредствомъ ножа, и, припавъ къ ней ртомъ, втягивалъ въ себя изъ нея сырость. Мы завернули за мысъ, при впаденіи Теректы въ Аксай. Тутъ еще не было воды, но по крайней мѣрѣ глазъ могъ видѣть впереди, версты за три, блестѣвшую на солнцѣ ледяную кору надъ водой. Кто хотѣлъ пить, тотъ прибавилъ шагу. Хотя болѣзненное состояніе Тума и прекратилось, однако онъ чувствовалъ себя еще не вполнѣ бодрымъ, когда указывалъ мнѣ на одно мѣсто съ лѣвой стороны возлѣ горъ, при устьѣ Теректы, и говорилъ, что тамъ стоялъ лѣтомъ первый кашгарскій пикетъ. Убѣдиться въ этомъ послѣднемъ было нетрудно: стоило только свернуть нѣсколько сотъ саженъ въ сторону, что я и сдѣлалъ, желая заглянуть въ ущелье, выходившее на то мѣсто. Тамъ никого не было, но знаки на землѣ отъ двухъ недавно снятыхъ палатокъ еще не изгладились; кругомъ вытравленный до-пельзя кормъ показывалъ, что пикетъ находился здѣсь долго. Тумъ указалъ мнѣ на два свѣжихъ слѣда кашгарскихъ лошадиныхъ подковъ (отличающихся отъ нашихъ тѣмъ, что на нихъ нѣтъ шиповъ) и предположилъ, что пикетъ перенесенъ на Теректы, на другое мѣсто, куда и направлялись эти слѣды. Вскорѣ мы, дѣйствительно, увидѣли впереди дымъ, выходившій изъ-за одного бугорка.

Съ этого времени я, да и каждый изъ насъ, начали нетерпѣливо ждать первой встрѣчи, которая должна была показать, на что расчитывать намъ въ Кашгарѣ. Анализируя всѣ обстоятельства, предшествовавшія моей поѣздкѣ, я все-таки не могъ себѣ утвердительно сказать: встрѣтятъ ли меня ласково или враждебно, потому что находился подъ вліяніемъ различныхъ разсказовъ о произволѣ и самодурствѣ Якубъ-бека. Но не одни самодурство и произволъ кашгарскаго правителя могли имѣть вліяніе на мое благо или злополучіе: полное незнаніе Якубомъ Россіи, а вслѣдствіе того и предположеніе, что онъ если не сильнѣе насъ, то, по крайней мѣрѣ, намъ подъ силу. Мнѣ бы увидать только одного перваго встрѣчнаго, и я угадалъ бы многое, а этотъ первый, какъ нарочно, чтобы мучить меня, не показывался, хотя мы уже поровнялись съ тѣмъ холмомъ, гдѣ виднѣлся дымъ. Какъ по церемоніяльному маршу, мы протянулись мимо, искоса поглядывая на дымокъ; вотъ онъ уже и сзади насъ, а кругомъ ни души; наконецъ и дымка ужь невидно и солнце замѣтно склонялось на покой, и я сталъ подумывать, гдѣ бы остановиться ночевать и провести послѣднюю ночь на свободѣ, а спереди никто не показывался. Глиняныя горы, пожелтѣлая трава, вспученная ледяная кора надъ рѣкою Теректы, измочалившіеся отъ времени архарь и рога, валявшіеся тамъ и сямъ по долинѣ, все это мнѣ такъ надоѣло въ какіе-нибудь два часа, что просто и не смотрѣлъ бы никуда.

Я крикнулъ Тума. Онъ ѣхалъ сзади возлѣ казака и о чемъ-то разговаривалъ съ нимъ.

— Какая это рѣчка? спросилъ я, указывая ему на свѣтлую полоску льду, выходившую отъ одного изъ логовъ слѣва къ рѣчкѣ Теректы.

— Кипчакъ, сказалъ мнѣ утвердительно Тумъ.

Я остановился и началъ наносить на карту рѣчку Кипчакъ. Тумъ прервалъ мою работу, указывая нагайкой на появившуюся впереди точку, которую я и казаки разсмотрѣли только гораздо позже. Это былъ всадникъ, слѣдовательно, можно было безошибочно сказать, кто-нибудь изъ подданныхъ Якубъ-бека, потому что иностранецъ не поѣхалъ бы по этимъ мѣстамъ одинъ. Наши почтари-киргизы, и тѣ возятъ почту не иначе, какъ вдвоемъ. Сапахунъ попросилъ моего позволенія поскакать впередъ, узнать что это за человѣкъ; его мучило нетерпѣніе видѣть скорѣе соотечественника. Я позволилъ ему. Всадникъ ѣхалъ къ намъ навстрѣчу неторопливо, мы тоже не прибавляли шагу. Всѣ взоры наши были устремлены на Сапахуна,

уже подъѣхавшаго къ всаднику. Они остановились и разговаривали, въ ожиданіи, когда мы подойдемъ. Въ это время я разсуждалъ такъ: если всадникъ высланъ, чтобы встрѣтить меня, то, вѣроятно, ему сообщены тѣ правила приличія, которыя онъ обязанъ былъ выполнить, и тогда ему поджидать меня, стоя на мѣстѣ, не приходилось, а онъ не шевелился съ мѣста; если меня хотѣли встрѣтить, какъ почетнаго гостя, то выслали бы не одного человѣка, а больше, и притомъ хоть съ небольшимъ буфетомъ, въ которомъ если не кумысъ, то, по крайней мѣрѣ, были бы лепешки и мясо, или фрукты. Такъ сдѣлали бы, по крайней мѣрѣ, наши киргизы, поджидая къ себѣ въ аулъ почетнаго гостя. Я уже могъ разсмотрѣть на всадникѣ большую шапку въ родѣ папахи съ бѣлой верхушкой, за плечомъ ружье, а подъ нимъ красиваго коня изъ породы аргамаковъ. Намъ оставалось до него не больше 100 саженъ; въ это время одна изъ моихъ лошадей развьючилась: съ одного бока ея слетѣлъ ящикъ, черезъ это другая сторона вьюка перевѣсила и попала ей между ногъ; лошадь начала лягаться, свернула вьюки на другихъ лошадяхъ, оторвалась отъ передней, къ хвосту которой была привязана, и затѣмъ, освободившись отъ ноши, болтавшейся подъ ней, побѣжала въ сторону. Другія лошади, которымъ удалось воспользоваться этимъ переполохомъ, ей подражали. Увидя, что съ нами не совсѣмъ ловкое приключеніе, Сапахунъ маршъ-маршемъ возвратился къ намъ, а всадникъ хладнокровно повернулъ назадъ той же дорогой, по какой ѣхалъ.

Когда въ караванѣ моемъ снова водворился порядокъ, Сапахунъ сказалъ мнѣ, что человѣкъ, съ которымъ онъ разговаривалъ, былъ высланъ къ намъ навстрѣчу съ пикета, находящагося недалеко въ ущельѣ. Предполагать что-нибудь было напрасно; развязки оставалось ждать недолго. Сапахунъ остался при караванѣ; лицо его не выражало той радости, которую я полагалъ найти послѣ встрѣчи съ соотечественникомъ.

На вопросъ мой, знаетъ ли онъ всадника, лицо его изобразило гримасу, точно вопросъ этотъ ему былъ непріятенъ. Подъѣхали къ Кипчаку; рѣчка, шириною около 5 саженъ, была покрыта гладкимъ льдомъ; лошади, растерявшія подковы, не рѣшались идти по нимъ безъ особыхъ понужденій, а миновать рѣку было нельзя. Всадникъ, ѣхавшій впереди и безъ затрудненія перешедшій это препятствіе, благодаря подкованной лошади, остановился, поджидая насъ, и когда мы съ нимъ поровнялись, обратился къ переводчику, говоря, что нужно идти поскорѣе, а то не успѣемъ добраться засвѣтло до ночлега.

Въ этомъ мѣстѣ дорога поднималась на уступъ, и затѣмъ долина Теректы съуживалась, чтобы оправдать данное ей названіе ущелья, котораго, по моему мнѣнію, она все-таки не заслуживаетъ, особенно, когда сравнивать съ ущельемъ Богушты, или съ другими тому подобными. Здѣсь путь пролегалъ, по довольно мягкому грунту, вдоль высокихъ горъ, отстоящихъ между собою на разстояніи двухъ-трехъ верстъ и не такихъ безплодныхъ, какъ это бываетъ по большей части въ ущельяхъ; подъемъ едва замѣтенъ, трава хотя пожелтѣла, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была еще такъ свѣжа, что волновалась отъ вѣтра, и будь тутъ еще лѣсъ, и будь мы тутъ при другой обстановкѣ, я, можетъ быть, нашелъ бы и еще что-нибудь сказать въ пользу этого прохода. Солнце только что спряталось за вершины горъ, а холодъ ужь началъ становиться невыносимымъ: мы взялись за запасное платье. Въ это время сзади налетѣлъ на насъ другой всадникъ, пожилой, съ веселой физіономіей, и съ удивленіемъ спрашивалъ: какими судьбами мы прошли мимо пикета, не бывъ замѣченными? «Если бы не ваши слѣды, говорилъ онъ, которые я увидѣлъ, какъ только выѣхалъ на дорогу, то и теперь бы все еще поджидалъ васъ; должно быть, я крѣпко спалъ.» Онъ подскакалъ къ всаднику ѣхавшему впереди, получилъ отъ него какія-то приказанія и затѣмъ помчался во весь опоръ впередъ. Спустя не болѣе съ часъ времени, навстрѣчу намъ выѣхала толпа людей съ ружьями на плечахъ; впереди ихъ былъ одинъ безъ ружья.

Подъѣхавъ ко мнѣ, они остановились; старшій изъ нихъ бросилъ поводья на шею своей лошади и протянулъ мнѣ обѣ руки, я далъ ему свою; онъ жалъ ее и пріятно улыбался, задавалъ вопросы о моемъ здоровьѣ и о дорогѣ. На немъ была бѣлая чалма, красный ситцевый халатъ, надѣтый на нѣсколько другихъ халатовъ, сапоги съ каблуками, помѣщенными не подъ пятками, а подъ серединой ступни. Пока онъ стоялъ передо мной, лошадь его, изъ породы аргамаковъ, ржала и переминалась на мѣстѣ. Люди, составлявшіе его свиту, имѣли самые разнообразные костюмы: отъ курточекъ до халатовъ разныхъ цвѣтовъ и отъ собольихъ шапокъ, наподобіе нашихъ папахъ, до узенькихъ чалмъ зеленыхъ и красныхъ. Лошади, по большей части, были хороши и покрыты широкими и длинными вальтрапами, шитыми шелками и золотомъ. За плечами у всѣхъ людей фитильныя ружья одного образца.

Въ отвѣтъ на вниманіе джузъ-баши (*) (такъ онъ отрекомендовался мнѣ), я спросилъ его о здоровьѣ Якубъ-бека.

(*) Джузъ-баша значитъ командиръ сотни.

— Онъ здоровъ, отвѣчалъ джузъ-баша. Мы ужь давно васъ поджидаемъ; какъ только аталыкъ (*) получилъ письмо о васъ, сейчасъ же командировалъ меня къ вамъ навстрѣчу, и я въ тотъ же день пріѣхалъ на мѣсто недалеко отсюда и выслалъ разъѣздъ, чтобы васъ встрѣтить.... Наступаетъ ночь: не хотите ли поѣхать впередъ, чтобы скорѣе добраться до ночлега, а къ каравану вашему я назначу въ помощь своихъ людей.

Я принялъ это предложеніе и, взявши съ собой переводчика и одного казака, отдѣлился отъ прочихъ и прибавилъ шагу. Джузъ-баша постоянно улыбался. Дорогой онъ спрашивалъ меня, какъ меня зовутъ, какой мой чинъ, сколько со мною людей, какія вещи въ моемъ караванѣ, зачѣмъ я ѣду въ Кашгаръ и что дѣлаетъ у насъ кашгарскій посолъ Шади-мирза. Я отвѣтилъ на все какъ было.

— Теперь не хотите ли ѣхать еще скорѣе? спросилъ онъ.

Обрадовавшись этому предложенію, такъ какъ холодъ пробиралъ меня ужь порядочно, я пустилъ свою лошадь рысью. Мы ѣхали недолго. Джузъ-баша остановился и, указывая мнѣ на небольшую голую площадку возлѣ скалы, замѣтилъ, что лучшаго мѣста для ночлега не будетъ, потому что если ѣхать дальше, къ временному пикету, то караванъ туда придетъ слишкомъ поздно, и тамъ холоднѣе, такъ какъ мѣсто выше. Мы остановились на указанномъ мѣстѣ и слѣзли съ лошадей. Одинъ изъ свиты джузъ-баши снялъ съ себя халатъ и разостлалъ на землѣ вмѣсто ковра. Я сѣлъ и предложилъ джузъ-башѣ тоже. Онъ продолжалъ меня распрашивать съ любопытствомъ о томъ, какія вещи везутся въ моемъ караванѣ, и нѣтъ ли тамъ еще такихъ же часовъ, какіе на мнѣ. Часть свиты джузъ-баши ускакала впередъ, а черезъ нѣкоторое время мы оба замолчали, не находя больше темы для разговора. Я сидѣлъ спиною къ скалѣ и поглядывалъ влѣво вдоль горъ, напрасно стараясь усмотрѣть въ темнотѣ, не подходитъ ли мой караванъ. Недалеко отъ меня разожгли костеръ; на сколько освѣтилось небольшое пространство вокругъ него, на столько же стали казаться темнѣе болѣе удаленныя отъ него мѣста.

Кто-то сказалъ возлѣ меня: «келеды!» (**); я принялъ это за извѣстіе о моемъ караванѣ и обрадовался за своихъ лошадей, приписывая успѣшный ходъ ихъ тому, что онѣ не измучились.

Спустя нѣсколько минутъ, не слыша знакомыхъ голосовъ, которые могли бы меня увѣрить, что слово «келеды» относилось къ каравану, я всталъ и прислушивался. Сидѣвшіе вокругъ меня люди

(*) Аталыкъ значитъ правитель.
(**) Идетъ!

молчали; трещалъ костеръ, да переминались лошади, связанныя попарно въ сторонѣ. Взглянувъ нечаянно вправо, куда шелъ мой завтрашній путь, я увидѣлъ нѣсколько огненныхъ точекъ. Кому случалось быть ночью въ степи и ѣхать на огонекъ, тотъ знаетъ, какъ разстояніе до него обманчиво. Мнѣ казалось, что это костры и что они отъ меня далеко, далеко; но скоро я убѣдился, что точки эти движутся въ нашу сторону. Богъ знаетъ, что приходило мнѣ въ голову по этому поводу, пока я, не давая замѣтить своего любопытства, искоса поглядывалъ на огоньки. Прежде всего мелькнула мысль, что это факелы, съ которыми сопровождаютъ какого-нибудь почетнаго человѣка идущаго ко мнѣ, ибо никакихъ церковныхъ обрядовъ я не предполагалъ въ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ жилищъ, а стоитъ только военный пикетъ. Скоро я убѣдился, что это дѣйствительно процесія и не сомнѣвался, что она направляется ко мнѣ. Сидѣвшіе возлѣ меня люди начали оглядываться и переговариваться между собою въ полголоса. Еще черезъ нѣсколько минутъ, я могъ уже различить до восьми человѣкъ въ чалмахъ и халатахъ, шедшихъ одинъ за другимъ, со свѣчами въ рукахъ, и еще по одному человѣку, которымъ они освѣщали дорогу и въ рукахъ которыхъ было что-то покрытое бѣлымъ. Это мнѣ напомнило похороны нѣмцевъ и въ то же время совсѣмъ озадачило. Когда шествіе приблизилось, я увидѣлъ, что на плечѣ у каждаго сверкало по ружью. Джузъ-баша и прочіе встали; я тоже хотѣлъ встать, но меня просили сидѣть. Еще два-три шага—и у меня отлегло отъ сердца: передо мною джузъ-баша и прочіе накрыли бѣлую скатерть и начали устанавливать большихъ размѣровъ блюда и подносы, заваленные лепешками, вареной бараниной, виноградомъ, урюкомъ, персиками, дынями, грушами, яблоками, свѣжимъ инжиромъ, изюмомъ, фисташками, джигдой (*), обсахаренными фисташками, колотымъ сахаромъ, русскимъ леденцомъ, рѣдькой и гранатами. Жирники изъ бараньяго сала, казавшіеся мнѣ издали свѣчами, были воткнуты возлѣ скатерти. Я пожалѣлъ, что свѣжіе фрукты и мясо совсѣмъ замерзли, но это не помѣшало мнѣ попробовать всего понемножку. На кострѣ тѣмъ временемъ вскипѣла вода въ мѣдномъ чайникѣ; джузъ-баша вынулъ изъ-за пазухи чай, завернутый въ бумажку, отсыпалъ часть его себѣ въ горсть, а оттуда въ чайникъ. Пока онъ обтиралъ уголкомъ скатерти чашку, на манеръ полоскательной, и поставилъ ее передо мною, чай уже былъ готовъ. Какъ только я выпилъ одну такую посудину, мнѣ налили ее снова чаемъ. Хотя я и непрочь

(*) Дикій финикъ.

былъ приняться безотлагательно и за вторую чашку, но нѣсколько знакомый мнѣ обычай мусульманъ требовалъ, чтобы я предложилъ ее джузъ-башѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Затѣмъ третью чашку выпилъ опять самъ, а четвертую, когда ее для меня налили, снова предложилъ джузъ-башѣ; тотъ отказывался, а потому я съ четвертою поступилъ такъ же какъ съ первою и съ третьею. Подошелъ мой караванъ; молодцы-семирѣченцы суетились возлѣ вьюковъ и лошадей, урывая себѣ между дѣломъ минуточку, чтобы заглянуть на блюда.

— «Ничего, народъ хорошій», слышался голосъ молодаго казака. —«Смотри: вѣдь сколько наворотили!» Тумъ подсѣлъ на корточки сзади меня и ухмылялся, видя, должно быть, что намъ не грозитъ никакой опасности. Я незамѣтилъ его сперва, но когда онъ кашлянулъ нѣсколько разъ такъ, какъ кашляютъ, чтобы привлечь чье нибудь вниманіе, я обернулся къ нему. «Аманъ-сысъ таксыръ» (здравствуйте, господинъ), сказалъ онъ, хотя не кстати, но чтобы что-нибудь только сказать и напомнить о себѣ. Я взялъ нѣсколько лепешекъ и кусокъ бараньяго сала и далъ ему. Судя по тому, съ какимъ удовольствіемъ онъ принялъ это, нужно было полагать, что онъ былъ очень голоденъ. Получивъ лепешки и сало, онъ всталъ, засунулъ все за пазуху и скрылся въ темнотѣ, откуда я слышалъ его голосъ при развьючкѣ лошадей.

Когда палатка для меня была разбита и сдѣлана въ рѣкѣ прорубь, джузъ-баша простился со мною, говоря, что идетъ на пикетъ писать Якубъ-беку письмо о моемъ благополучномъ прибытіи. Я заказалъ съ нимъ поклонъ правителю и простился до завтра. Долго еще послѣ этого я не могъ заснуть какъ отъ наплыва новыхъ впечатлѣній, такъ и потому, что разговоръ казаковъ меня развлекалъ. Этотъ разъ они хвалили кашгарцевъ за закуску, трунили надъ Тумомъ, дѣлали предположенія о Кашгарѣ и о Якубъ-бекѣ. Я слышалъ, какъ разбивались ножами бараньи кости и изъ нихъ выколачивался мозгъ; какъ Тумъ, побрякивая серебряными рублями, мною ему подаренными, вслухъ мечталъ о пестромъ халатѣ, и какъ молодой семирѣченецъ увѣрялъ его, что въ Кашгарѣ бумажныя деньги ходятъ несравненно выше серебряныхъ, особенно рублевыхъ монетъ, почему и совѣтовалъ Туму сбыть ему эти деньги.

На другой день я проснулся въ семь часовъ. Джузъ-баша уже сидѣлъ возлѣ моей палатки и, съ чайникомъ въ рукахъ, дожидался, когда я встану. Утро было холодное, но ясное.

Казалось бы, что уже можно было привыкнуть вьючить лошадей, но работа эта никогда не выходила у насъ сразу. Такъ и въ этотъ день.

Только завьючатъ одну лошадь, отведутъ ее въ сторону, посмотришь, а одинъ бокъ ужь и перевѣшиваетъ. У меня не достало терпѣнія ждать конца, тѣмъ болѣе, что, по окончаніи работы, казаковъ ожидалъ обильный завтракъ и чай, оторвать отъ которыхъ я не рѣшился бы ихъ, а сами они ужь, конечно, не кончили бы ѣсть, пока на блюдахъ оставалось хоть что-нибудь. Поручивъ бывшему со мной человѣку и уряднику наблюдать за моимъ имуществомъ, я поѣхалъ съ джузъ-башей и его свитой, переводчикомъ и однимъ казакомъ впередъ. Мы ѣхали рысью, но это мало согрѣвало меня; сѣверозападный вѣтеръ леденилъ мнѣ руки и ноги. Я нѣсколько разъ сходилъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ, но и это почти не помогало. Пришла мысль разложить на дорогѣ огонь и согрѣться; но не отыскивалось кругомъ никакихъ горючихъ матеріяловъ. Сапахунъ, не говоря ни слова, ускакалъ впередъ. Джузъ-баша еще не разговорился, а потому мы ѣхали изрѣдка только перекидываясь фразами, въ которыхъ я могъ обходиться и безъ переводчика. Оставалося недалеко до перевала; бывшій при мнѣ термометръ R показывалъ — 11°. Утѣшая себя мыслію, что на спускѣ будетъ теплѣе, мы прибавили рыси. Впереди показался дымокъ; подъѣзжая ближе, я увидѣлъ Сапахуна, раздувавшаго огонь; возлѣ него была заготовлена кучка тезека, собраннаго имъ по дорогѣ. Эта любезность его была кстати. Я просидѣлъ у огня нѣсколько минутъ, пока пальцы мои не начали двигаться свободно; передъ тѣмъ, какъ сѣсть снова на лошадь, я подозвалъ Сапахуна и далъ ему горсть мелкаго серебра.

Глаза джузъ-баши засверкали. «Не надо, не надо»—повторялъ онъ мнѣ, дѣлая знакъ Сапахуну не брать отъ меня денегъ. Видя однако, что желанія его я не исполнилъ, онъ отобралъ у моего спутника полученное отъ меня серебро и поднесъ мнѣ, прося взять обратно. Я сказалъ, что разъ-подаренное не беру назадъ—такой законъ у насъ. Слово «законъ» подѣйствовало мгновенно: онъ отдалъ деньги Сапахуну, и мы поѣхали дальше. Замѣтивъ какое дѣйствіе производитъ на мусульманъ слово «законъ», я впослѣдствіи неразъ злоупотреблялъ этимъ словомъ. Мы подъѣхали къ высшей точкѣ перевала. Здѣсь я остановился, чтобы замѣтить высоту ртути въ барометрѣ: она стояла на 472,5 милиметрахъ при R—1½° и вѣтрѣ NW. Джузъ-баша смотрѣлъ съ любопытствомъ на барометръ и, кажется, повѣрилъ, что посредствомъ этого инструмента можно узнавать состояніе погоды. Спускъ съ перевала не былъ похожъ на подъемъ; отъ самой вершины идутъ груды камней, между которыми нужно пробираться не безъ большой осторожности и не иначе, какъ

зигзагами, по тропинкѣ, прыгающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ высоты около аршина прямо на острые камни. Слава Богу, спускъ недлиненъ и выходитъ на долину рѣчки Джалтанъ-Тасъ, хотя тоже усыпанную острымъ щебнемъ и на видъ безплодную, но, по крайней мѣрѣ, укрытую отъ сѣверныхъ вѣтровъ.

Верстъ за десять до пикета показался первый клочекъ обработанной земли. Взоръ началъ искать впереди подобныхъ полей и жилья, но напрасно; лишь черезъ нѣсколько верстъ дорога перерѣзала опять обработанную полосу; тамъ же показались и первыя деревья: колючка и осина. Нетрудно было догадаться, что оторванная отъ прочихъ пашня была пробной — узнать: дозволитъ-ли высота мѣста родиться тамъ пшеницѣ. Проба эта, какъ видно, стоила немало трудовъ, потому что мѣсто для пашни нужно было расчистить отъ щебня и изрѣзать канавами для иригаціи. Вѣроятно, опытъ показалъ, что лучше спуститься еще нѣсколько верстъ ниже по рѣкѣ Джалтанъ-Тасу, хотя очищать мѣсто отъ щебня приходилось и тамъ.

Причина, почему, при видѣ первой пашни, я полагалъ встрѣтить и жилище ея хозяина, заключается въ томъ, что пашня походила скорѣй на модель: такъ тщательно она была обработана и въ такомъ порядкѣ содержалась. Проѣзжая нѣсколько разъ по Россіи, отъ Петербурга до киргизской степи, я не встрѣчалъ даже огородовъ содержащихся такъ исправно; отъ границы киргизской степи до китайской границы я видѣлъ что-то похожее, т. е. я видѣлъ тамъ пашни, вдоль которыхъ проходятъ канавы, называемыя арыками, нерѣдко перерѣзывающія ихъ по разнымъ направленіямъ для того, чтобы пущенная по нимъ вода, вслѣдствіе запрудъ въ томъ или другомъ пунктѣ, обкатывала засѣянное мѣсто. Цѣль достигается тѣмъ, что, при недостаткѣ дождей, жаждующей землѣ дается воды вдоволь; но какъ рѣдко бываетъ, чтобы засѣянная площадь, хотя бы въ полдесятины, была совершенно горизонтальна, то вода распредѣляется по пашнѣ неравномѣрно: гдѣ мѣсто выше, тамъ она только смочитъ землю, а гдѣ ниже застоится до того, что ей ужь и не рады. Первая же пашня, да и вообще всѣ пашни, которыя я увидѣлъ на кашгарской землѣ, устроены иначе: здѣсь все засѣянное поле раздѣляется на весьма маленькія площадки, даже въ квадратную сажень (различныхъ рисунковъ) и при этомъ дробленіи наблюдается, чтобы каждая изъ нихъ прежде всего была совершенно горизонтальна и затѣмъ соединялась бы съ другими только равными съ ней по высотѣ. Такимъ образомъ пашня представляетъ площадки, изъ которыхъ однѣ выше другихъ. Площадки эти обносятъ глиняными стѣнками такой

толщины и высоты, чтобы онѣ могли удерживать воду, будто въ сосудѣ, и не позволяли бы водѣ идти черезъ верхъ. Въ стѣнкахъ дѣлаютъ дверцы, открываемыя когда нужно выпускать воду на смежныя площадки, обнесенныя, въ свою очередь, такими же стѣнками. Нерѣдко площадки однихъ горизонталей находятся въ разныхъ углахъ и по срединѣ пашни; тогда-то и требуется искуство соединить ихъ такъ, чтобы вода, пущенная на одну изъ нихъ, прошла бы въ остальныя, находящіяся на той же высотѣ, не затопивъ смежныхъ, которымъ, въ свое время, также дастся вода, но, можетъ быть, будетъ пущена уже съ другой стороны. При подобномъ способѣ орошенія земля пропитывается совершенно равномѣрно, и не теряется напрасно ни одной капли воды. Принявъ такую систему орошенія, уже нельзя относиться къ пашнѣ небрежно: иначе дурно слѣпленныя стѣнки прорвутся и испортятъ все дѣло.

Джузъ-баша, внимательный ко мнѣ съ первой минуты нашего знакомства, становился любезнымъ и предупредительнымъ до крайности. Онъ не переставалъ что-нибудь разсказывать или спрашивать; но болтовня его не была спроста, хотя онъ и повторялъ мнѣ, что болтаетъ для сокращенія времени, и даже просилъ у меня на то позволенія. Узнавъ, что я штабсъ-капитанъ, онъ почему-то рѣшилъ съ восторгомъ, что мы «стало быть въ однихъ чинахъ», нѣсколько пріосанился и замѣтилъ, не безъ важности, что ему очень пріятно ѣхать съ человѣкомъ, соотвѣтствующимъ ему по значенію въ государствѣ. Недолго однакожь онъ ѣхалъ въ восторженномъ состояніи: мало-по-малу опять скривился на сѣдлѣ, распустилъ поводья, распахнулъ халатъ на груди, сдвинулъ совсѣмъ на затылокъ свою чалму, сталъ помахивать отъ нечего-дѣлать плеткой, накладывалъ себѣ за щеку табакъ, выплевывалъ его, а затѣмъ ощупывалъ, чуть не въ десятый разъ, драпъ на моемъ пальто, просилъ дать ему посмотрѣть папиросницу, часы, револьверъ, привѣшивалъ эти вещи на себя, возвращалъ мнѣ, зѣвалъ, какъ бы отъ скуки, и усаживался опять въ сѣдло молодцомъ.

— Что такъ ѣхать, будемъ лучше разговаривать, сказалъ джузъ-баша, а глаза его такъ и забѣгали.

— Я слушаю васъ, проговорилъ я, догадываясь, что онъ не спроста пришелъ къ такому желанію: хотите, я крикну переводчика.

— Нѣтъ, не надо толмача, сказалъ онъ.—Разговоръ нашъ будетъ и такъ понятенъ.... Не правда-ли, что Якубъ-бекъ очень любитъ русскихъ?

— Да вѣдь и мы его любимъ, отвѣтилъ я.

— Вотъ онъ, какъ получилъ письмо отъ губернатора, что Османъ (*) у васъ напроказничалъ, тотчасъ же схватилъ его и заперъ въ тюрьму.

— Я знаю объ этомъ: мнѣ даже приказано благодарить Якубъ-бека за такое распоряженіе.

— Послушайте, перебилъ меня джузъ-баша, вы были бы довольны, если бы аталыкъ (**) самъ наказалъ этого преступника, вмѣсто того чтобы выслать его въ Россію?

Разговоръ становился не такимъ, чтобы я могъ объясниться безъ переводчика, а потому я позвалъ своего толмача.

— Не можетъ быть, чтобы Якубъ-бекъ рѣшился наказывать русскаго подданнаго, и притомъ за преступленіе, сдѣланное въ Россіи: это право надъ Османомъ принадлежитъ только русской власти, сказалъ я чрезъ переводчика.

— Я говорю про жестокое наказаніе, просто истязаніе, которое Якубъ-бекъ сдѣлаетъ Осману на вашихъ же глазахъ.

Я заткнулъ себѣ уши и пріостановилъ лошадь, чтобы показать этимъ джузъ-башѣ, какъ я пораженъ его словами.

— Къ чему и говорить о томъ, на что такой умный человѣкъ, какъ Якубъ-бекъ, никогда нерѣшится и тѣмъ болѣе, что онъ уже обѣщалъ прислать Османа въ Россію.... Если бы Якубъ-бекъ желалъ облегчить участь Османа, то ему стоило бы только написать объ этомъ губернатору, и, конечно, его желаніе было бы уважено. А гдѣ теперь Османъ? спросилъ я врасплохъ.

Джузъ-баша, въ отвѣтъ, скривилъ только ротъ, а я ужь и самъ догадался, что онъ этого не скажетъ.

Горы съ правой стороны дороги становились все выше и круче. Осинникъ и колючка гуще лѣпились по берегу ручья, сопровождавшаго дорогу; мелькали по разнымъ направленіямъ зайцы, сколько я замѣтилъ, неимѣющіе почтенныхъ размѣровъ нашихъ русскихъ зайцевъ. Мы завернули за выступъ, образуемый отрогомъ горъ. Въ этомъ мѣстѣ ущелье казалось кругомъ замкнутымъ. Солнце уже спряталось и освѣщало только верхушки хребта, тянувшагося слѣва, совершенно голыя и похожія однѣ на другихъ. Глазъ, неожидавшій встрѣтить опять снѣгъ, нечаянно остановился на бѣлой массѣ, лежавшей на одной изъ скалъ; джузъ-баша, указывая мнѣ на нее, замѣтилъ, что тамъ идетъ наша дорога. Этого было достаточно для

(*) Киргизъ Османъ, послѣ неудачнаго нападенія на уѣзднаго начальника, бѣжалъ въ кашгарскія владѣнія. Якубъ-бекъ обѣщалъ возвратить его въ Россію.

(**) Здѣсь слово аталыкъ, или „правитель“, относилось прямо къ Якубъ-беку.

меня, чтобы вдругъ почувствовать холодъ, хотя въ воздухѣ было довольно тепло—такъ ужь не нравилось мнѣ путешествіе по снѣгу, вдобавокъ вечеромъ, когда и безъ того чувствуешь такую усталость, что и по хорошей дорогѣ ѣдешь какъ-то нехотя, а тутъ опять чуть не подъ самыя облака....

— Когда же мы доберемся до снѣгу? спросилъ я джузъ-башу.

Онъ улыбнулся и проговорилъ безпечно: «завтра».

— Ну, такъ остановимся здѣсь ночевать; я не хочу дальше ѣхать. Вода есть, а кормъ.... но вѣдь не впервые нашимъ лошадямъ по ночамъ звѣзды считать, когда имъ ѣсть нечего.

— Ой, ой! вскрикнулъ джузъ-баша, видя, что я уже сошелъ на землю. Поѣдемъ, недалеко осталось до ночлега: тутъ за лѣсомъ, не доѣзжая пикета.

У меня отлегло отъ сердца. Слова «ночлегъ и пикетъ» возбудили мой апетитъ. Съ этими словами сопрягались мои лучшія надежды на чай, завтракъ, палатку, укрывающую отъ вѣтра, и проч.

Я не ошибся на этотъ разъ. Правда, не безъ мучительнаго ожиданія добраться до ночлега, мы проѣхали еще версты четыре, и бѣлая масса, казавшаяся мнѣ издали снѣгомъ, стала на столько видна, что я могъ различить зубцы бѣлыхъ стѣнъ кургановъ, построенныхъ на двухъ смежныхъ скалахъ. Внизу виднѣлось движеніе; нѣсколько человѣкъ выѣхали къ намъ навстрѣчу, другіе суетились возлѣ огромной синей палатки, поставленной на островкѣ, образуемомъ рукавами рѣки Джалтанъ-Таса. Около палатки стояло нѣсколько осѣдланныхъ лошадей и пылалъ огонь. Все это было хорошо, только я не могъ издали разсмотрѣть возлѣ огня высокихъ кувшиновъ, замѣняющихъ самовары, хотя, по позѣ одного изъ прислуги, сидѣвшаго на корточкахъ у костра, догадывался, что онъ занятъ кипяченіемъ воды къ чаю.

Крупный камень, разнесенный когда-то водою, если не наносимый ежегодно, при разливѣ Джантанъ-Таса, по всей ширинѣ ущелья, не позволялъ ѣхать такъ, какъ я хотѣлъ бы и какъ даже попытался было почти невольно, толкнувъ впередъ свою лошадь. Извилистые рукава рѣки всѣ были мелки, почему не требовалось ихъ обходить, конечно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега не представляли обрывовъ. Мы подвигались по слѣду кашгарцевъ, которые, поздоровавшись со мною, спѣшили одинъ за другимъ опять къ пикету. Берега нѣкоторыхъ рукавовъ были круты, но это не задерживало аргамаковъ; красивыя лошади не задумывались ни передъ чѣмъ. Поэтому на послѣдней верстѣ я не разъ удивлялся ихъ способности

прыгать, особенно когда, по ихъ слѣдамъ, подходилъ къ такимъ обрывамъ, что если бы не видѣлъ внизу на мелкохрящеватомъ грунтѣ глубокихъ слѣдовъ только-что проскакавшихъ лошадей, то не повѣрилъ бы, что всадники тутъ не свернули въ сторону. Добыть такого аргамака мнѣ казалось въ то время несравненно важнѣе и чая, и завтрака, и всего другаго. Можетъ быть, я сталъ отъ мысли объ этомъ пріобрѣтеніи разсѣянъ и не замѣчалъ, когда джузъ-баша обращался ко мнѣ, а можетъ быть и онъ, утомленный не менѣе меня, со мною не разговаривалъ; но только мы молча переѣзжали послѣдній разъ воду, добираясь до палатки.

Тутъ прежде всего мнѣ бросились въ глаза знакомыя лица: Карачулакъ и его товарищъ—два почтаря нарынскаго отряда, возившіе въ Кашгаръ письмо съ извѣстіемъ о моемъ слѣдованіи. Что-то не вдругъ я понялъ, зачѣмъ они здѣсь, когда имъ приказано ждать меня въ Кашгарѣ; но вспомнивъ, что передъ ними были посланы еще два почтаря, также съ бумагами къ Якубъ-беку, которые должны были тотчасъ вернуться, я подумалъ, что они помѣнялись обязанностями. «Здрашъ!», произнесли они въ одинъ голосъ съ такою радостью, точно встрѣчали своего роднаго.

Одинъ изъ нихъ, сѣдой и кривой старикъ, помогалъ мнѣ сходить съ лошади, другой держалъ лошадь подъ уздцы.

Ненужно было всматриваться долго въ ихъ лица, чтобы замѣтить, что не все у нихъ такъ благополучно, какъ слѣдовало бы ожидать. Джузъ-баша усадилъ меня на коверъ передъ палаткой, лицомъ къ костру, и сѣлъ возлѣ.

— Что, здоровы? спрашивалъ я почтарей.

— Здоровы, отвѣчали они, точно у нихъ во рту пересохло.

— Деньги вѣрно всѣ вышли, что я далъ?

Карачулакъ снялъ съ себя длинное полотенце, служившее ему кушакомъ, развязалъ одинъ изъ узелковъ на концѣ его и показалъ серебряныя деньги, полученныя отъ меня еще на Нарынѣ.

— Всѣ цѣлы, проговорилъ онъ тихо.

Когда джузъ-баша ушелъ распорядиться чѣмъ-то, Карачулакъ сказалъ мнѣ:

— Ѣсть хочу до-смерти.... не кормятъ.... дайте чаю.... Утромъ и вечеромъ даютъ по лепешкѣ; лошадей отъ насъ отобрали и тоже не кормятъ, а таскаютъ на нихъ дрова и воду на пикетъ.

Пока джузъ-баши не было возлѣ меня, я узналъ отъ Карачулака, что и другіе два почтаря тутъ же, и что ихъ содержатъ от-

дѣльно, подъ скалой; имъ даже не позволяютъ видѣться съ этими и ихъ не пустили встрѣтить меня.

Одноглазый старикъ просилъ меня, чуть не со слезами, взять его съ собою въ Кашгаръ: такъ не хотѣлось ему оставаться дольше на пикетѣ. Я тоже желалъ этого, но мнѣ не удалось.

Пока вьюкъ мой еще не подошелъ и чай не подавали, я, сидя передъ двумя скалами, такъ обманувшими меня издали своими бѣлыми шапками, старался измѣрить ихъ высоту и величину построенныхъ на нихъ укрѣпленій, или пикетовъ, помощію глазомѣра, однако результаты не смѣю считать даже приблизительно–вѣрными, потому что высоту голой скалы такимъ способомъ опредѣлить нелегко. Скалы эти находятся въ ряду горъ, идущихъ съ правой стороны Джалтанъ–Таса и отъ рѣчки на такомъ разстояніи, что выстрѣлы съ пикетовъ до нея можно полагать недосягаемыми. Думая, что дорога пойдетъ и далѣе по рѣчкѣ, слѣдовательно пикеты останутся въ сторонѣ, я немало ломалъ себѣ голову въ догадкахъ, для какой цѣли они построены и содержатся на такой высотѣ, куда и добираться трудно.

Кашгарцы, встрѣчавшіе меня на аргамакахъ, закутали своихъ лошадей въ попоны, спускавшіяся до ногъ, и покрыли ихъ шеи, головы и груди особыми покрывалами, въ которыхъ вырѣзано по два отверстія для ушей; концы покрывалъ свѣшивались на глаза лошадямъ, чтобы онѣ не могли ничего видѣть. Лошадей, въ такомъ одѣяніи, проваживали мальчики по разнымъ направленіямъ, избѣгая случаевъ проходить одному близко отъ другаго. Эти громадныя животныя, послушныя дѣтямъ, которыя ихъ водятъ, кутаютъ и раскутываютъ, какъ только почувствуютъ близость возлѣ себя другой лошади, лягаются, ржатъ, становятся на дыбы; видя всѣ эти продѣлки ихъ, я все болѣше и больше разгорался желаніемъ пріобрѣсти хотя одного аргамака. Мнѣ просто казалось стыдно ѣхать дальше на своей лошади, купленной на Нарынѣ за 60 рублей, и купленной–то единственно для того, чтобы не стыдно было въѣхать въ Кашгаръ. Доставъ кошелекъ съ золотомъ и серебромъ, я началъ перебирать монеты, чтобы разманить джузъ–башу; предложилъ ему нѣсколько монетъ ради дружбы, а когда онъ отказался отъ подарка, а между тѣмъ глаза его еще не перестали горѣть, спросилъ, не продадутъ–ли на это золото аргамака. Потухъ взглядъ джузъ–баши, и я рѣшилъ, что не ѣхать мнѣ дальше иначе, какъ на мохнатомъ своемъ рыжкѣ.... Тутъ первый разъ почувствовалъ я стѣсненіе, дѣлаемое Якубъ–бекомъ торговлѣ. Мысленно воздавъ ему за то должное и не переставая отъ времени до времени вскидывать

глаза въ разныя стороны, гдѣ только ходили или стояли привязанные къ колышкамъ аргамаки, я увидѣлъ нѣчто особенное: отъ подошвы той скалы, на которой было укрѣпленіе, потянулась шеренга воиновъ, съ ружьями на плечахъ. Кусты мѣшали мнѣ все время слѣдить за ея ходомъ; воины то скрывались, то снова показывались, видимо направляясь ко мнѣ. За палаткой, разбитой ближе къ скалѣ, чѣмъ моя, они остановились; я же, видя, что на счетъ покупки аргамака уже не договориться, радъ былъ хоть закусить съ горя, а потому время бездѣйствія воиновъ за палаткой мнѣ казалось продолжительнымъ, особенно послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ нечаянно показалъ край блюда. Карачулакъ и его подобравшійся отъ голода товарищъ, на нѣкоторое время оставлявшіе меня предаваться мечтамъ, подсѣли ко мнѣ, бормоча: «ой, ой, курсакъ проталъ» (*). Джузъ–баша, съ глазами принявшими то же выраженіе, что и при видѣ золота, пригласилъ меня сѣсть въ палатку. Я повиновался. Скоро послѣ того, воины выстроились передо мною, съ ружьями на плечахъ, съ блюдами и подносами въ рукахъ. Ихъ было девять человѣкъ; на всѣхъ разные костюмы; большая часть въ курточкахъ, кожаныхъ панталонахъ, сапогахъ съ каблуками, подъ срединой ступни, и съ чалмами разныхъ цвѣтовъ на головѣ. На двухъ были пестрые халаты. По племенамъ я могъ отличить только кашгарцевъ, выходцевъ изъ Кокана, и авгановъ съ пейсиками, на манеръ еврейскихъ. Накрывавшій скатерть молодой коканецъ былъ одѣтъ въ халатъ краснаго сукна, вышитый золотомъ; въ сумеркахъ, при тускломъ свѣтѣ толстой сальной свѣчки, имѣвшей, вмѣсто хлопчатобумажнаго фитиля, камышинку, мнѣ показалось его лицо женскимъ, а манеры его, которыя, впрочемъ, я могъ подмѣтить только при установленіи имъ блюдъ на скатерть, еще больше увѣряли меня въ томъ. Онъ стоялъ на одномъ колѣнѣ и въ такомъ положеніи принималъ, отъ подходившихъ поочередно солдатъ, кушанья и ставилъ предо мною.

Я далъ переводчику горсть крупнаго серебра, чтобы раздать по рублю каждому солдату; но джузъ–баша не допустилъ этого. Удѣливъ Карачулаку баранью лопатку и порядочный кусокъ сала, а также и прочаго, что было мнѣ подано, и посмотрѣвъ, не безъ любопытства, какъ онъ втянулъ въ себя цѣликомъ кусокъ сала и, не переводя духу, съѣлъ мясо и лепешки, я принялся за зеленый чай, показавшійся мнѣ особенно вкуснымъ съ леденцомъ, занимавшимъ мѣсто среди прочихъ блюдъ; но леденецъ былъ не китайскій, а московскій, что я узналъ по непочатой коробочкѣ съ русскимъ ярлыкомъ.

(*) Ѣсть хочу.

Джузъ-баша ѣлъ все вдругъ: и мясо, и изюмъ, и урюкъ, и яблоки, и дыню и даже, расколачивая въ то же время урюковыя косточки, зерна находившіяся въ нихъ. Темнота спустилась почти вдругъ; я не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ, сумерекъ. Когда молодой, похожій на дѣвушку, коканецъ наливалъ мнѣ первую чашку чаю, начинало темнѣть, а когда я доканчивалъ третью, уже была ночь. На скалѣ, во дворѣ пикета, разложили огни, ярко блестѣвшіе среди окружавшей ихъ темноты; шумъ Джалтанъ-Таса становился слышнѣе, голоса говорившихъ возлѣ палатки явственнѣе. Прислушиваясь, я узналъ голосъ Карачулака; онъ бесѣдовалъ съ переводчикомъ и еще кѣмъ-то и каждое слово выговаривалъ не торопясь, съ разстановкой. Онъ хвалилъ Якубъ-бека за гостепріимство. Плутъ—подумалъ я—вѣрно тамъ кто-нибудь сидитъ изъ кашгарцевъ, и не ошибся. Послышалось шлепанье по водѣ и смѣшанные голоса: приближался нашъ поѣздъ. Успокоившись на счетъ своихъ спутниковъ и узнавъ, что у нихъ все благополучно, я заснулъ, какъ спятъ тѣ, кто съ утра до вечера не сходитъ съ лошади.

На другое утро, открывъ глаза, первое, что я увидѣлъ изъ палатки съ поднятымъ пологомъ, были двѣ скалы съ пикетами, освѣщенные восходящимъ солнцемъ; они имѣли совсѣмъ другой видъ, чѣмъ вчера. Чрезъ невысокія стѣнки пикетовъ виднѣлись головы ходившихъ тамъ и выстраивавшихся въ ряды людей, сверкали стволы ружей, мотались головы лошадей. Я хотѣлъ ѣсть, но, чтобы не нарушить программу дня, составленную наканунѣ, по которой предстояло мнѣ уѣхать съ ночлега не напивши чаю, я торопился въ путь. Лошади кормились ячменемъ и въ то же время вьючились; казаки не переставали трунить одинъ надъ другимъ. Наконецъ все готово. Я сѣлъ на лошадь и приказалъ каравану трогаться. Ко мнѣ подошелъ одинъ изъ прислуги и просилъ подождать джузъ-башу, занятаго службой на пикетѣ. Настоятельность его просьбы мнѣ не нравилась тѣмъ болѣе, что джузъ-баша самъ просилъ меня вчера выступить пораньше: какія же у него могли быть занятія на пикетѣ, когда онъ исключительно назначенъ для сопровожденія меня? Желаніе ѣсть, задержка и разныя эволюціи на скалѣ, которыя, казалось, не могли имѣть связи съ моимъ слѣдованіемъ, начинали меня выводить изъ терпѣнія. «Если я долженъ дождаться джузъ-башу, то пусть хоть караванъ подвигается, чтобы лошадямъ не стоять напрасно завьюченными», говорилъ я удерживавшему меня кашгарцу, но тотъ не удовлетворялся этой уступкой. «Развьючивать лошадей! грѣть чайники»! крикнулъ я казакамъ. Работа закипѣла. Бывшіе

возлѣ меня кашгарцы смутились; одинъ вскочилъ на первую привязанную къ дереву лошадь и понесся маршъ-маршемъ къ пикету. Со скалы увидѣли, можетъ быть, что у насъ происходитъ что-то особенное, и нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и джузъ-баша, съ невѣроятною скоростью явились предо мною. Я сидѣлъ уже какъ ни въ чемъ не бывало, поджавъ подъ себя ноги передъ костромъ.

— Здравствуйте, сказалъ я джузъ-башѣ, въ отвѣтъ на его безмолвный вопросъ: зачѣмъ лошади развьючиваются? Не хотите-ли чаю? садитесь! «Таксыръ» (*), надо ѣхать, произнесъ онъ кротко и показалъ на солнце, уже высоко поднявшееся. «Путь длиненъ.... прикажите вьючить лошадей. У насъ все готово закусить для васъ и для вашихъ людей: я распоряжался на пикетѣ, чтобы....» Онъ не договорилъ.

Въ то же время повторилась вчерашняя церемонія кормленія меня и конвоя. Видя, по выраженію лица джузъ-баши, что задержка произошла по причинамъ нестоющимъ того, чтобы сердиться или приписывать ее заранѣе-обдуманному намѣренію его—показать мнѣ, что каждый шагъ мой зависитъ отъ него или отъ кого-нибудь другого, только не отъ меня—я скоро опять былъ на лошади. Къ немалому удивленію моему, вмѣсто того, чтобы ѣхать далѣе по рѣкѣ Джалтанъ-Тасу, мы направились къ скаламъ. Пикетъ, который я предполагалъ, при дальнѣйшемъ слѣдованіи, имѣть въ сторонѣ, уже стоялъ почти надъ моей головой, а какъ добраться до него, это еще былъ вопросъ: всходовъ не было видно. Наконецъ дѣло объяснилось, и я удивлялся своей недальновидности, вслѣдствіе которой предположилъ Якубъ-бека на столько нерасчетливымъ, чтобы онъ строилъ пикетъ, или даже укрѣпленіе, подъ облаками, если бы была возможность его обойдти: дорожка пошла въ гору на сѣдловину между двухъ скалъ, на которыхъ стояли пикеты и со стѣнъ которыхъ можно отлично обстрѣливать путь, перерѣзывающій хребетъ. Грозные воины не упустили случая показать себя. Они разсѣлись на стѣнкахъ, поджавъ подъ себя ноги и держа въ рукахъ ружья. Я насчиталъ съ лѣвой стороны 50 человѣкъ, а справа, на шпицѣ еще высшей скалы, до 30 человѣкъ. Джузъ-баша ѣхалъ со мной рядомъ и самодовольно улыбался, можетъ быть полагая, что видъ пикетовъ и войска сидящаго на ихъ стѣнахъ, производили на меня то впечатлѣніе, какое требовалось, потому что я, въ отвѣтъ на его похвалы пикету, не одинъ разъ сказалъ: «бикъ якши» (очень хорошо).

(*) Господинъ.

— Это не для васъ Якубъ-бекъ построилъ грозную крѣпость, проговорилъ онъ не безъ краски въ лицѣ.

— Еще бы! отвѣчалъ я, не менѣе его чувствуя неловкость. Гдѣ сосѣди живутъ дружно, тамъ на что крѣпость.... Ясно, что не для насъ.

— Это для безопасности каравановъ, которые ходятъ отъ васъ къ намъ и обратно.

— Ну да, я такъ и подумалъ. Это то же самое, что у насъ на Нарынѣ.

Логъ, по которому шла дорожка къ пикетамъ, окончился площадкой; отъ нея начались два всхода, высѣченные въ скатахъ скалъ и направлявшіеся зигзагами къ верхушкамъ, гдѣ помѣщались самые пикеты съ ихъ гарнизономъ. Площадка эта составляетъ перевалъ хребта, идущаго вдоль правой стороны Джалтанъ-Таса; она такъ узка, что болѣе какъ двумъ въ рядъ ѣхать невозможно. Съ нея видны зигзаги всходовъ и отверстія въ стѣнкахъ кургановъ, служащія воротами. Постройка стѣнъ непрочна; онѣ слѣплены изъ глины и вымазаны алебастромъ. Идя по слѣду, отмѣченному на площадкѣ временемъ, мы завернули за-уголъ одного отрога и очутились на краю оврага, и съ того мгновенія ни кургана, ни воиновъ уже не было видно. Опять поколебалось мое предположеніе, что курганъ на скалѣ есть удачная выдумка Якубъ-бека. Мнѣ показалось, да и теперь еще кажется, что было бы легче и проще, не забираясь на скалу, держать тотъ же гарнизонъ на юго-западномъ склонѣ хребта и, въ случаѣ нужды, высылать часть его на площадку, къ подъему на него съ сѣверо-восточной стороны. Ловкіе стрѣлки не допустили бы никого и ступить на площадку, и въ одно и то же время гарнизонъ могъ бы отстаивать дефиле спереди и не допустить обхода сзади, а это послѣднее, по характеру логовъ, хотя крутыхъ, однако для пѣхоты доступныхъ, очень возможно. Джузъ-баша старался меня увѣрить, что на скалѣ есть вода, и я долженъ былъ ему показывать видъ, что вѣрю, хотя ни одинъ ручеекъ со скалы не обнаруживалъ ничего подобнаго; бока же и спины лошадей нашихъ почтарей-киргизовъ, гостившихъ на пикетѣ, показали мнѣ послѣ, что воды туда требовалось немало. Если даже допустить все нахальство, съ какимъ вообще кашгарцы пользуются чужой собственностью, то и тутъ употребленіе лошадей, принадлежащихъ русскимъ почтарямъ, для таскания на скалу воды и дровъ, показываетъ, что своихъ лошадей у нихъ на это не хватило. По переходѣ дефиле, тропинка потянулась ущельемъ еще верстъ на пять. Рѣка Джалтанъ-Тасъ, оставленная мною

сзади, когда я началъ подниматься на хребетъ, течетъ также по направленію къ Кашгару, но путь по этой рѣкѣ длиннѣе и приводитъ сперва къ деревнѣ Арго, передъ которой съ сѣверной стороны есть также рядъ горъ, какъ передъ пикетомъ джалтантаскимъ, и переходъ ихъ наблюдается такимъ же образомъ. Путь, по которому я слѣдовалъ дальше, былъ предпочтенъ какъ кратчайшій въ Кашгаръ: такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ мнѣ джузъ-баша, въ чемъ я ему не могъ не вѣрить, замѣчая по компасу, что мы не кружимъ.

Выйдя изъ ущелья на столько удобнаго для слѣдованія, на сколько позаботилась о томъ сама природа, мы шли продолжая спотыкаться о камни, пока не начались солонцы. На всемъ этомъ протяженіи природа не раскрывала предъ нами своихъ богатствъ: мы не видали ни кустика, ни лужайки и ни одного живаго существа; вода встрѣчалась три раза; струясь въ мелкихъ руслахъ, она, какъ видно, начиналась недалеко отъ дороги и оканчивалась гдѣ-нибудь еще ближе. Казаки, сравнивая эти мѣста съ толгарскими и иссыкскими (*) и припоминая, вѣроятно, свои безпрестанные споры изъ-за воды, которой тамъ весьма достаточно для орошенія пашенъ, нашли, что этой воды едва хватило бы «для пропитанія».

За нѣсколько верстъ до слѣдующаго пикета Иссыкъ-караула, горы начинаютъ замѣтно понижаться. Верхній слой ихъ глинистъ; тропинка здѣсь становится шире, но все еще не обращается въ дорогу, возможную для колесной ѣзды. День былъ ясный, но, несмотря на то, мѣстность, лежащая впереди, казалась какъ бы въ туманѣ; въ воздухѣ ощущался запахъ болота. Вотъ и пикетъ передъ нами. Это дворъ, образованный глиняными зубчатыми стѣнами, съ одними воротами. Передъ нами нѣсколько деревьевъ осины, разсаженныхъ алеей, и множество ключей, сходившихся и расходившихся вокругъ двора. Что было на пикетѣ, осталось для меня тайной, потому что на мой тонкій намекъ джузъ-башѣ о желаніи посѣтить пикетъ, онъ не менѣе тонко далъ мнѣ почувствовать, что пикетъ этотъ останется у насъ въ сторонѣ, по крайней мѣрѣ шаговъ 50, такъ какъ палатка для меня разбита за однимъ изъ бугровъ влѣво отъ пикета. Мы подъѣхали къ пикету съ сѣверной стороны; народу возлѣ него не было видно, можетъ быть потому, что пикетная стража лежала на солнечной сторонѣ у воротъ, возлѣ развѣшеннаго по стѣнѣ оружія—ружей, сабель и нагаекъ. Не можетъ быть, чтобы ей не было

(*) Толгаръ—казачья станица въ 24 верстахъ отъ г. Вѣрнаго. Иссыкъ—казачій выселокъ въ 45 верстахъ отъ Вѣрнаго.

извѣстно, что я ѣду, а потому меня немало удивило, что она не позаботилась подняться, когда я очутился такъ близко отъ нея, что могъ разсмотрѣть лица. Джузъ-башу еще больше удивило это, а можетъ быть и огорчило даже такое непочтеніе къ его сану. Онъ крикнулъ грозно на лежавшихъ солдатъ; нѣкоторые поднялись, хотя весьма неохотно, а одинъ изъ нихъ даже поддался на нѣсколько шаговъ къ намъ. Джузъ-баша спросилъ его: въ какомъ мѣстѣ поставлена для меня палатка. Онъ указалъ рукою впередъ; мы поѣхали, заглянули за нѣсколько глиняныхъ бугровъ, но, не найдя тамъ ничего, вернулись назадъ къ пикету. На этотъ разъ джузъ-баша поступилъ строже: онъ такъ прикрикнулъ на безпечныхъ воиновъ, что они, какъ мнѣ показалось, за исключеніемъ одного, всѣ умерли отъ страха; нѣкоторые даже не пошевельнулись, а другіе успѣли только перевернуться на другой бокъ. Одинъ подошелъ къ намъ. Джузъ-баша заставилъ его вести насъ къ палаткѣ и, къ моему удовольствію, спросилъ его дорогой: грѣется ли чайникъ?

Переѣздъ съ пикета Джалтанъ-Таса на Иссыкъ-караулъ былъ самый короткій изъ всѣхъ, какіе мнѣ приходилось дѣлать; поэтому мы прибыли на пикетъ очень рано: солнце начало только склоняться. Нужно было пополнить чѣмъ-нибудь остатокъ дня. Занеся въ журналъ все, что пришлось видѣть и слышать въ этотъ день, и сдѣлавъ барометрическое наблюденіе, я лежалъ въ палаткѣ, расчитывая на послѣднее, что должно было занять меня еще нѣкоторое время, то есть на ѣду. Апетитъ однакожь далеко не оправдалъ себя на дѣлѣ; я почти ни до чего не касался: чай, поданный мнѣ, не походилъ на вчерашній; это былъ не зеленый, къ которому я началъ уже привыкать, и не такой, какой я пилъ обыкновенно дома, а тотъ сортъ чаю, который имѣетъ задхлый запахъ и весьма невкусенъ. Своего чаю я не могъ приготовить, потому что караванъ мой отсталъ. Джузъ-баша опротивѣлъ мнѣ до-нельзя своими постоянными разговорами о моихъ карманныхъ часахъ и о револьверѣ, своей ложью и явнымъ желаніемъ меня дурачить.

Я вспомнилъ, что у казака, бывшаго со мною, было за пазухой илюстрированное изданіе путешествія Вамбери, данное мною ему на сохраненіе. Я взялъ его и принялся читать. Перегнувъ тетрадь такъ, чтобы было удобнѣе держать ее, я упустилъ изъ виду, что при входѣ джузъ-баши въ палатку онъ могъ видѣть картинку на той сторонѣ, которая была обращена отъ меня. Джузъ-баша уже неразъ видѣлъ меня читающимъ эту тетрадь, но не зналъ, что тамъ есть и картинки. Теперь онъ могъ видѣть изображеніе скованнаго

персіянина. Онъ всегда приходилъ ко мнѣ, какъ бы подкрадываясь, и на этотъ разъ, незамѣтно для меня, очутился возлѣ.

— Что это? спросилъ онъ, указывая на картину.

Я смутился и проговорилъ: «Коранъ! Не хочешь ли посмотрѣть? тутъ еще есть такія же картинки».

При словѣ «коранъ», указательный палецъ джузъ-баши, которымъ онъ упиралъ на страницу, вдругъ спрятался въ длинный рукавъ, а лицо его сдѣлало такую кислую мину, какую и я дѣлалъ иногда въ его присутствіи, раскусивъ гнилое яблоко или кислый анаръ. Въ одной рукѣ джузъ-баша держалъ тарелку съ горячимъ кавурдакомъ (баранье мясо, прокипяченное въ бараньемъ салѣ); запахъ луку, перцу и еще чего-то, пахнувъ на меня, произвелъ свое дѣйствіе. Чтобы ѣсть, не доставало ложки, которая находилась при караванѣ. Желая, съ своей стороны, разсѣять мысли джузъ-баши о картинкѣ, если они только не были мимолетными, я весело усадилъ его возлѣ себя и, совершивъ обрядъ омовенія рукъ, началъ закладывать себѣ за обѣ щеки горячій кавурдакъ. Этотъ разъ я хвалилъ кавурдакъ непритворно: онъ былъ чрезвычайно вкусенъ. Джузъ-баша радовался, что я ѣлъ охотно, и упрашивалъ, чтобы я докончилъ тарелку, увѣряя, что для конвоя еще много осталось и что это его собственное приготовленіе.

Непритворная, на этотъ разъ, любезность джузъ-баши, приготовившаго кавурдакъ, потому что я не ѣлъ холоднаго мяса и не пилъ чаю, вызвала мою ласку, выразившуюся тѣмъ, что я потрепалъ его по плечу. «Если вы хотите—прибавилъ я—что бы я сегодня же подарилъ вамъ часы, то я раскупорю свои чемоданы, когда пріѣдетъ караванъ, и достану ихъ».

Джузъ-баша кокетничалъ со мною: «Развѣ вы меня такъ сильно любите, что захотите взять на себя столько труда?» говорилъ онъ. «У меня уже давно не выходитъ изъ головы мысль о часахъ, но ужь какъ-нибудь потерплю до завтра; на ночлегѣ, когда будете вынимать парадное платье, тогда ужь достаньте и часы; мнѣ лишь бы только увидѣть ихъ, а я боюсь ихъ взять—за это меня повѣсятъ».

Выйдя изъ палатки, я бродилъ по холмамъ, казавшимся мнѣ насыпными, всматривался въ окрестности, но хоть бы что-нибудь увидѣлъ, кромѣ глиняныхъ сопокъ, тамъ и сямъ бѣлыхъ пятенъ солонца и извилистыхъ ручьевъ. Солнце закатывалось. Подходилъ караванъ. Въ то же время джузъ-баша раскинулъ на землѣ свой пестрый халатъ, сталъ передъ нимъ лицомъ къ закату и, заткнувъ уши,

огласилъ воздухъ молитвой. Набожные изъ прислуги подстроились къ нему и тоже молились, опускаясь одновременно съ нимъ на колѣни и шепча про себя слова корана. Вслѣдъ за моимъ караваномъ пріѣхали съ Джалтанъ-Таса нѣсколько кашгарцевъ. Они разбили себѣ палатки въ такомъ порядкѣ, что моя очутилась въ срединѣ. Насъ, русскихъ, казалось тутъ несравненно меньше, чѣмъ кашгарцевъ. На Джалтанъ-Тасѣ это не было такъ замѣтно, какъ здѣсь, можетъ быть потому, что я смотрѣлъ на пикетъ полный кашгарцами какъ на массу, неимѣвшую никакого отношенія къ намъ: то были обитатели скалъ, привязанные къ своему мѣсту, а мы самостоятельная часть, имѣвшая свое направленіе. Мы были совершенно отдѣлены тамъ отъ кашгарцевъ; теперь же, пристраиваясь къ нашему незначительному конвою, состоявшему почти исключительно изъ прислуги, военный элементъ какъ будто бы хотѣлъ окружить насъ сѣтью, изъ которой намъ и въ голову не приходило бы освободиться, когда мы ее почувствуемъ.

Курьеръ изъ Кашгара, не очень напугавшій меня, потому что къ сѣдлу его была привязана для меня провизія и фунтъ чаю отъ Якубъ-бека, о чемъ я догадался при появленіи его въ нашемъ таборѣ, подъѣхалъ къ палаткѣ джузъ-баши и вручилъ ему письмо. Я видѣлъ, какъ джузъ-баша отеръ уголками письма свои глаза и затѣмъ прочелъ его стоя на ногахъ. Осмотрѣвъ корджуны (мѣшки, перекидываемые для удобства перевозки черезъ сѣдло) и приказавъ ихъ внести въ свою палатку, джузъ-баша направился ко мнѣ, помахивая письмомъ.

Письмо было написано на четвертушкѣ пропускной бумаги и скатано въ трубочку.

— Вамъ Якубъ-бекъ кланяется, сказалъ джузъ-баша.

Предполагая услышать эти слова, или что-нибудь подобное, еще прежде чѣмъ джузъ-баша вошелъ въ мою палатку, я всталъ съ ковра на всякій случай, чтобы не подниматься потомъ, чего требовалъ этикетъ, если говорится что-нибудь отъ имени кашгарскаго повелителя.

Вообще невесела была дорога въ Кашгаръ. Мало на чемъ пришлось глазу остановиться. Съ утра, какъ только проснешься, видишь передъ собою все того же дзужъ-башу и его свиту, слышишь изъ палатки тѣ же голоса конвоя, уже истощившаго весь запасъ своихъ остротъ; видишь, не безъ боли въ душѣ, исхудалыхъ лошадей и боишься заглянуть имъ подъ потники на избитыя спины, чтобы не прійдти въ ужасъ, тѣмъ болѣе, что горю помочь было бы не-

чѣмъ. Этотъ день, какъ и прошлый и позапрошлый, былъ ясенъ и безвѣтренъ; начался онъ для меня ѣдой все тѣхъ же фруктовъ, лепешекъ, холодной баранины и прочаго, разложеннаго на грязныхъ подносахъ и блюдахъ. Вотъ и Иссыкъ-караулъ, нѣкоторымъ образомъ пунктъ весьма важный, какъ полагалъ я не безъ основанія. А что въ немъ? Взглянулъ—и достаточно, чтобы понять и его нехитрую архитектуру, и смѣрить его воинскую силу. Кругомъ все та же пустошь: глиняные холмы, ничѣмъ не покрытые, высовываются одинъ изъ-за другаго и исчезаютъ изъ виду въ туманѣ, кажущемся красноватою пылью, да тощая тропинка, ныряющая между ними, видимо направляясь на югъ, конечно въ Кашгаръ. Такъ какъ тропинка эта была единственной, то мы и потянулись по ней гуськомъ.

Чѣмъ дальше отъ пикета, тѣмъ рѣже встрѣчались на пути камни, и лошади пошли веселѣе, ступая на мягкій грунтъ. Ѣхать при караванѣ было непріятно; при безвѣтріи пыль стояла надъ нами и въ очень короткій промежутокъ времени сдѣлала всѣхъ похожими одного на другаго. Ныряя, вмѣстѣ съ дорожкой, между холмовъ, мы вступили въ ущелье, выходящее на долину рѣки Артышъ. Ущелье это можно скорѣе назвать промоиной, образовавшейся въ давнее время, ибо нельзя предположить, что бы это было сдѣлано искуственно, или промыто недавно, потому, во первыхъ, что оно слишкомъ извилисто и кружно, а во вторыхъ, по отсутствію признаковъ близости такой воды, которая могла бы, въ настоящее время, промывать его струею около двухъ саженъ ширины. Ущелье тянется до 5 верстъ; нѣкоторыя колѣна его изгибовъ до того коротки, что можно поставить на нихъ не больше двухъ лошадей одну за другой. Тутъ уже совсѣмъ нельзя пожаловаться на твердость грунта: глина превращенная въ пыль, пользуясь затишьемъ, лежала спокойно слоемъ не менѣе трехъ четвертей, и только при нашемъ слѣдованіи, поднимаясь, наполняла все пространство между щекъ ущелья и мѣшала видѣть передъ собою даже за три шага. Я попросилъ джузъ-башу отстать отъ меня, чтобы дать мнѣ возможность, не задохнувшись, выѣхать на долину. Онъ исполнилъ это, и я рысью добрался до конца несноснаго прохода, о которомъ, впрочемъ, ничего особенно худаго сказать не могу. Онъ окончился вдругъ и открылъ моимъ глазамъ пріятную картину: рѣку Артышъ, обсаженую деревьями, пашни и, главное, дымокъ, курившійся въ разныхъ мѣстахъ долины. Это была деревня, носящая названіе рѣки.

Нѣсколько дней раньше, разговаривая съ джузъ-башей о на-

шемъ маршрутѣ, я заявлялъ желаніе, чтобы въ этой деревнѣ былъ ночлегъ, но джузъ-баша сослался на то, что деревня отъ Иссыкъ-караула находится недалеко и что тамъ для меня нѣтъ ничего интереснаго. Я помирился и на томъ, что черезъ деревню мы проѣдемъ днемъ. Мѣстность отъ только-что пройденнаго ущелья Узюнъ-сай къ рѣкѣ Артышу понижается, и потому можно было охватить глазомъ огромное пространство долины, орошаемой этою рѣкою.

П. Р.

(Окончаніе будетъ.)

ЗАПИСКИ СТАРАГО КАЗАКА.

Около двадцати лѣтъ, по волѣ судьбы, мнѣ пришлось прослужить въ рядахъ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, въ сословіе котораго я былъ зачисленъ, по особому Высочайшему повелѣнію, навсегда съ потомствомъ. Я началъ боевое свое поприще въ конной № 14-го казачьей батареѣ, урядникомъ.

Много привелось мнѣ въ этотъ періодъ времени видѣть, испытать и перенести на Кавказѣ въ боевой, тогда тяжелой и тревожной, службѣ, переходя со своимъ взводомъ изъ одного отряда въ другой, то въ большой и въ малой Кабардѣ, то въ обѣихъ Чечняхъ, на лезгинской линіи, или въ сѣверномъ и въ южномъ Дагестанѣ, наконецъ на правомъ флангѣ, за Кубанью, на передовой лабинской линіи. Во 2-й войсковой бригадѣ, въ которой я водворился на жительство, мнѣ пришлось нести должности то станичнаго атамана, то командира сотень, конно-ракетныхъ командъ и пластуновъ; былъ я и воинскимъ начальникомъ, и засѣдателемъ полковаго правленія; всего же долѣе находился въ должности адъютанта управленій начальника лабинской линіи и командира 2-й бригады Кавказскаго линейнаго казачьяго войска.

Начавъ службу урядникомъ, мнѣ пришлось ознакомиться не поверхностно, а вполнѣ съ жизнью и бытомъ линейнаго казака. Пришлось волей-неволей примѣниться къ новымъ порядкамъ и освоиться со строемъ общественной войсковой жизни; однимъ словомъ, пришлось быть вполнѣ казакомъ.

При поступленіи на службу мнѣ было 18—19 лѣтъ, а въ этомъ возрастѣ человѣкъ безъ большаго труда перемѣняетъ ту обстановку, въ которой онъ росъ и воспитывался, на совершенно новую и болѣе суровую; поэтому мнѣ не было особенно-трудно изъ гардемарина превратиться въ гусарскаго юнкера, и затѣмъ въ истаго казака.

79-81
802-18
683
175.5-1

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 8

АВГУСТЪ

1870

БИБЛ. С.С.С.Р. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН. СЕКТ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ О НАРЫНѢ И КАШГАРѢ.

(Окончаніе.)

То, что называется деревней Артышъ, есть не что иное, какъ широкая полоса пашенъ, лежащихъ вдоль рѣки, по берегамъ которой ростутъ осина, тальникъ и джигда (дикіе финики). Нѣкоторыя пашни огорожены высокими глиняными заборами, а прочія обсажены деревьями. Жилищъ я не видѣлъ на всемъ пространствѣ, какое могъ охватить взоромъ, находясь у выхода изъ ущелья Узюнъ-Сай, хотя оттуда рѣка и вдоль ея пашни были видны на протяженіи до десяти верстъ. Людей тоже почти не было видно кругомъ. Тщательно обработанныя поля и безукоризненная исправность водопроводныхъ канавъ — по нѣкоторымъ изъ нихъ бѣжала вода, заливая предназначенныя для полива площадки—указывали на присутствіе тутъ вблизи народа, по крайней мѣрѣ хоть пахарей. Изрѣдка встрѣчавшіяся тамъ и сямъ малыя дѣти, будто покинутыя на полѣ, еще больше увѣряли меня въ томъ, что народъ тутъ есть, но вопросъ: гдѣ онъ попрятался? Лѣсъ по берегамъ, довольно рѣдкій, не могъ заслонить собою домовъ, а заборы, по большей части или полуразрушенные, или какъ будто недодѣланные, также почти не препятствовали глазу наблюдать что происходило кругомъ.

Говорить о чемъ нибудь съ джузъ-башей и распрашивать его, особенно о деревнѣ, я считалъ совершенно напраснымъ, а потому и выжидалъ что будетъ дальше. Они ѣхали безпечно, какъ будто ни о чемъ не думая и забывъ, что въ Артышѣ предполагалось пить чай. Проѣхавъ нѣсколько верстъ вдоль рѣки, среди пашенъ и мертвой тишины, джузъ-баша свернулъ съ тропинки на перерѣзъ Артыша, направляясь къ сопкѣ, на которой виднѣлось продолженіе нами покинутой дорожки.

— А гдѣ же будемъ чай пить? спросилъ я.

— Тамъ! указалъ онъ концомъ кулака вдаль, за рѣчку.

— Отчего же не въ деревнѣ? спросилъ я.

Онъ пожалъ плечами, будто не понимая, чего я хочу.

— Пожалуй, будемъ пить и здѣсь, мнѣ все равно, сказалъ онъ наконецъ, и взялъ еще круче на перерѣзъ рѣки.

Такъ-ли, въ разсѣянности, или изъ какихъ нибудь расчетовъ, джузъ-баша, ѣхавшій до сихъ поръ осторожно, чтобы не попортить заготовленныхъ для посѣва полей, пошелъ безъ церемоніи на перерѣзъ многихъ пашенъ; лошади наши вязли по колѣна и, я думаю, надѣлали немало изъяну хлѣбопашцамъ. Выбравшись на небольшую поляну, мы остановились у огорода, обнесеннаго плетнемъ. Прежде чѣмъ я слѣзъ съ лошади, около меня уже стояли два новыхъ лица; пока я разсматривалъ ихъ, подошли еще нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ одинъ, тучный сартъ, по всей вѣроятности хозяинъ огорода. Безъ особенной привѣтливости, онъ указалъ мнѣ на сломанную часть плетня, служившую входомъ въ огородъ, и усадилъ на только-что разостланный тамъ войлокъ. Два мальчика изъ сосѣднихъ огородовъ перепрыгнули черезъ плетень, чтобы подобраться ко мнѣ поближе и поглядѣть на мою лошадь и сѣдло; кто былъ посмѣлѣе, тотъ ощупывалъ мое пальто и шпуръ отъ пистолета. Предупредительный хозяинъ такимъ смѣльчакамъ кивалъ, чтобы они отстали отъ меня, а потомъ не стѣснялся и ругать ихъ. Подали блюдо съ дынями и лепешками, и въ то же время раздували вблизи отъ меня огонь, чтобы согрѣть чайникъ. Вода, принесенная изъ Артыша, была мутна до отвращенія. Чай не могъ отнять отъ нея запаха гнили, и прежде чѣмъ пить такой чай, я выжидалъ нѣсколько минутъ, когда глина осядетъ въ чашкѣ. Жажда меня томила, а потому я все-таки пилъ. Сидя въ огородѣ и наблюдая, откуда стекается ко мнѣ народъ, я однако не могъ придти къ удовлетворительному уясненію себѣ, гдѣ живутъ эти люди.

Часть ихъ пришла изъ находившагося вблизи небольшаго двора, обсаженнаго деревьями, куда сходятся съ разныхъ сторонъ нѣсколько дорожекъ, и откуда торчали надъ заборомъ стоги сѣна и поднимался дымъ. Тумъ назвалъ это мѣсто базаромъ и говорилъ, что тамъ есть мечеть и школа. Прочая часть публики, вѣроятно, проживаетъ на пашняхъ, подъ открытымъ небомъ, прижавшись у плетня или забора. Около этого мѣста мы переѣхали рѣку и стали подниматься въ гору. Безпрестанно останавливаясь во время подъема, чтобы съ разной высоты посмотрѣть на пройденныя мѣста и на Артышъ, я все-таки

остался при мнѣніи, что деревни, въ томъ смыслѣ, какъ понимается у насъ это слово, тутъ нѣтъ, или она такъ раскинута, что на каждую версту обработанной полосы приходится не болѣе одного семейства. Отъ этого мѣста характеръ окрестностей мѣняется; виды становятся веселѣе и замѣтно движеніе. Переваливъ глиняный хребетъ, скрывшій отъ глазъ моихъ Артышъ, мы ѣхали нѣсколько верстъ сопками, составляющими отдѣльныя группы. Грунтъ довольно мягокъ и всюду, гдѣ только встрѣчается вода, есть пашни. Сопки съ правой стороны дороги, съ запада, становятся выше, съ лѣвой сравниваются и понижаются; дорога начинаетъ жаться вправо къ горамъ, принимающимъ видъ отвѣсной стѣны. Слѣва мѣстность крутымъ уступомъ сходитъ въ долину, орошаемую искуственными канавами, обильными водой. Долина эта представляетъ одну сплошную пашню, разбитую на площадки самыхъ затѣйливыхъ фигуръ. Возлѣ дороги попадаются могилы, какъ вообще мусульманскія, огороженныя заборами и деревьями. Джузъ-баша заговорилъ на дорогѣ съ однимъ изъ встрѣчныхъ, а я, чтобы не дожидаться его, отправился съ переводчикомъ и казакомъ впередъ. Обгоняя гуртыословъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, и распрашивая погонщиковъ, откуда и куда они идутъ, я отъѣхалъ нѣсколько верстъ и остановился у пещеры въ отвѣсной стѣнѣ, идущей съ правой стороны дороги. Пещера эта находится на значительной высотѣ и смотритъ на дорогу тремя отверстіями, имѣющими форму дверей; входа туда нѣтъ, а потому и добраться до нея нѣтъ возможности. Стоя противъ нея, можно видѣть ея заднюю и боковыя стѣнки и полагать, что внутренность пещеры невелика. Когда-то отверстія ея выходили на балконъ, отъ котораго остались только знаки въ стѣнѣ. На тотъ случай, если джузъ-баша солжетъ мнѣ объ этой пещерѣ, я, пользуясь его отсутствіемъ, спросилъ объ ней одного изъ попавшихся навстрѣчу кашгарцевъ. Мнѣ объяснили, что она сдѣлана была въ давнишнее время, по приказанію одного изъ китайскихъ императоровъ, посѣтившихъ Кашгаръ, съ цѣлью укрыть въ ней его дочь отъ ядовитыхъ насѣкомыхъ, отъ укушенія которыми ей предсказана была смерть.

— Что же, спасъ тутъ императоръ свою дочь или пророчество сбылось? спросилъ я.

— Нѣтъ, тутъ-то ее и укусилъ кто-то, и она умерла, отвѣтилъ мнѣ незнакомецъ.

Давъ разсказчику нѣсколько серебряныхъ монетъ и получивъ въ благодарность низкій поклонъ и сладкую улыбку, я поѣхалъ дальше, стараясь воспользоваться отсутствіемъ джузъ-баши и еще

кого нибудь распросить о чемъ нибудь. Но напрасно я думалъ, что увижу еще что нибудь занимательное; кромѣ самыхъ простыхъ могилъ ничего больше не встрѣчалъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ до того пункта, гдѣ дорога разбивается на двѣ. Тутъ волей неволей нужно было остановиться и поджидать спутника. Солнце закатывалось и прохлада развивалась въ воздухѣ; листья тальника, растущаго при дорогѣ, почти не шевелились—такъ было тихо; несмотря на октябрь мѣсяцъ, они еще не начинали обваливаться, хотя нѣкоторые ужь и пожелтѣли. Отъ этого мѣста до центра Кашгара было не болѣе 25 — 30 верстъ; движеніе замѣтно усилилось. Народъ, проходившій пѣшкомъ и ѣхавшій на лошадяхъ и лошакахъ, смотрѣлъ на насъ, выражая на лицахъ самыя разнообразныя впечатлѣнія, производимыя видомъ гостей. Нѣкоторые, болѣе почтенные, должно быть изъ торговыхъ, подъѣзжали къ переводчику и спрашивали его, указывая на меня; другіе, преимущественно пѣшіе и на лошакахъ, смотрѣли какъ-то злобно или тупо. Видя кругомъ себя цѣлыя толпы людей и всякаго вьючнаго скота, сталкивавшагося почти передо мною, я пожалѣлъ, что уѣхалъ впередъ отъ джузъ-баши, а онъ почему-то медлилъ меня догонять.

Должно быть какъ встрѣчные, такъ и попутные торопились скорѣе на свои мѣста, а потому, переговоривъ между собою, разошлись своими дорогами. Я видѣлъ, какъ улегалась постепенно пыль, поднятая удалявшеюся толпой, и въ облакахъ ея показалась, наконецъ, фигура джузъ-баши. Онъ жевалъ что-то, подъѣзжая ко мнѣ, и изъ-за пазухи его торчала полукругомъ лепешка.

— Видѣли пещеру? — спросилъ онъ — и знаете зачѣмъ она построена? Нравятся вамъ артышскіе горшки, хотите взять ихъ съ собою домой?

Какъ видно, онъ уже успѣлъ узнать, что я распрашивалъ встрѣчнаго о пещерѣ и разсматривалъ глиняные горшки, навьюченные на лошаковъ, шедшихъ въ Кашгаръ.

— Амансызъ! (*) послышалось возлѣ меня.

Я обернулся и увидѣлъ знакомую картину: на огромномъ верблюдѣ сидѣла молодая, чисто-одѣтая киргизка и скалила зубы.

— Амансызъ! сказалъ и я ей въ отвѣтъ. Куда ѣдешь?... Она указала рукой въ ту сторону, гдѣ находился Кашгаръ. Давно я уже не видалъ такого отъ души привѣтствія и доброй улыбки.

Киргизка вертѣлась на верблюдѣ, точно ей не сидѣлось, или она чему-то обрадовалась. Вожакъ ея, киргизъ среднихъ лѣтъ, ѣхавшій впереди на тощей лошаденкѣ и тянувшій за собою верблюда посредствомъ волосянаго аркана, продѣтаго въ ноздри животнаго, тоже улыбался при видѣ насъ, русскихъ. Проговоривъ въ полголоса:

(*) Амансызъ по киргизски значитъ „здравствуйте“.

«Таксыръ, амансызъ!» и коснувшись рукою до шапки, онъ задержалъ свою лошадь, но, послѣ кратковременнаго размышленія, тронулся снова. Киргизка, ворочаясь на своемъ сидѣньѣ, продолжала улыбаться и говорить что-то, чего я не могъ понять. Пыль, только что улегшаяся впереди, снова заклубилась подъ ногами верблюда и скрыла отъ меня бѣлые зубы незнакомки, должно быть бывавшей въ нашихъ предѣлахъ, и потому такой нецеремонной. Недолго пришлось мнѣ ѣхать въ пыли; дорога дѣлилась на двѣ: одна пошла внизъ, огибая мысомъ оканчивающійся хребетъ, тянувшійся до сихъ поръ справа, а другая вверхъ черезъ этотъ мысъ; мы поѣхали по верхней дорогѣ и, взобравшись безъ особеннаго труда на перевалъ, остановились на нѣсколько минутъ, пока послѣдніе лучи закатывавшагося солнца не перестали мѣшать глазу всматриваться въ окрестности. Отсюда, еслибы не тотъ же туманъ, что и подъ Иссыкъ-Карауломъ, въ родѣ красноватой пыли, можно бы было видѣть широко и безтолково-раскинутый Кашгаръ лучше, чѣмъ я видѣлъ его, проѣзжая по немъ. Мѣстность здѣсь понижается къ юго-западу, образуя мелкую котловину. Сады и пашни, разбросанныя тамъ и сямъ могилки и небольшіе молельные дома, все это стушевывалось пылью, съ непривычки казавшейся поднятою какимъ нибудь особеннымъ движеніемъ въ этихъ мѣстахъ. Движеніе, дѣйствительно, замѣчалось всюду, но движеніе самое спокойное: то или бараны еле волочили свои ноги, подгоняемые мальчишкой съ длинной палкой, или верблюды, привязанные одинъ къ другому, навьюченные сѣномъ и хворостомъ. Глядя на всѣхъ проходившихъ или проѣзжавшихъ возлѣ меня, ни на одномъ лицѣ, ни въ движеніяхъ я не видѣлъ какой-нибудь заботы или спѣшности, а разсматривая внимательнѣе что везли они, или разспрашивая, куда идутъ, находилъ даже и неумѣстнымъ какую-нибудь суетливость. Больше всего встрѣчалось праздношатающихся, въ родѣ нашихъ странниковъ и бродягъ, только необремененныхъ никакой ношей, даже одеждой, по крайней мѣрѣ такой, безъ которой приличіе позволяетъ обходиться простолюдину. Людей этихъ можно было встрѣтить и на дорогѣ, особенно у заворотовъ ея возлѣ деревьевъ, и всюду, гдѣ была хоть какая нибудь тѣнь. Отъ нихъ очень мало отличались другіе, также во множествѣ попадавшіеся мнѣ навстрѣчу и мною обгоняемые; но направленіе этихъ послѣднихъ было болѣе опредѣлительно, по-

тому что они находились въ сообществѣ съ ослами, по большей части порожними и къ чему–нибудь, хоть къ корму, да имѣвшими привязанность, а потому и державшимися къ дому. При гуртахъословъ, транспортировавшихъ что нибудь въ Артышъ и возвращавшихся въ Кашгаръ, приходилось чуть не по человѣку на осла; ослы лѣниво поднимали пыль на дорогѣ, а люди еще лѣнивѣе вели между собой бесѣду, и отъ времени до времени то усаживались, то слѣзали со своихъ спутниковъ. Мельче тамошнихъословъ я не видалъ нигдѣ, но и такихъ сильныхъ не видѣлъ. Годовалый осленокъ могъ тащить на себѣ куль муки, а иногда и безжалостнаго сарта, усаживавшагося сверху ноши. Главные предметы транспортировки между Кашгарамъ и Артышемъ, сколько я могъ видѣть проѣздомъ, мука и глиняные горшки; горшки направлялись изъ Артыша въ Кашгаръ, а мука и туда, и обратно. Хотя это послѣднее и не совсѣмъ удобопонятно, но тѣмъ не менѣе справедливо, и въ справедливости этого я могъ убѣдиться не изъ однихъ словъ погонщиковъ, но и по напудреннымъ спинамъ порожнихъословъ, шедшихъ и въ ту, и въ другую сторону. Ослы здѣсь такъ же употребительны для транспортовъ, какъ въ нашей степи верблюды и быки. Попадались мнѣ навстрѣчу и правильно организованные транспорты верблюдовъ и небольшаго при нихъ числа лошадей, навьюченныхъ бумажными тканями и кошмами. При такихъ караванахъ ѣхалъ кто нибудь изъ купцовъ, по крайней мѣрѣ судя по одеждѣ, и хоть у одного изъ людей была за плечами русская винтовка или двухстволка. Караваны эти у Артыша должны были свернуть въ волости киргизъ–кашгарскаго вѣдомства, или шли оттуда.

Не надолго заняла меня картина движенія, въ которой я видѣлъ только прелюдію того, что происходитъ тамъ, гдѣ виднѣлись сады, молельные дома и что–то издали совсѣмъ неопредѣленное, но заставлявшее предполагать жизнь. По мѣрѣ того какъ вечерѣло, движеніе уменьшалось, и хотя мы уже замѣтно подвинулись впередъ, а поваго, кромѣ того, что я усмотрѣлъ съ горы, ничего не открывалось; только деревья были не такъ тѣнисты, какъ казались издали, и бѣлыя стѣны, смотрѣвшія оттуда чѣмъ то капитальнымъ, солиднымъ, едва можно было назвать загонами для скота или запущенными могилками. Полагая, что ночлегъ нашъ будетъ въ первомъ ближайшемъ саду или возлѣ него, мы сдерживали свое нетерпѣніе придти скорѣе на мѣсто; но когда тропинка наша вошла въ полосу, казавшуюся началомъ города и садовъ ему принадлежащихъ, я охотно шелъ дальше, въ ожиданіи лучшаго ночлега. Но дальше было то же, что и по сторонамъ, то есть скверная тропинка, площадки, обрытыя канавами и обсаженныя рѣдко деревьями, недодѣланные или полуразрушенные заборы, у которыхъ, какъ гнѣзда къ карнизамъ, лѣпились жалкія жилища полунищихъ. Я не торопилъ джузъ–башу остановиться въ такихъ мѣстахъ для ночлега; да это, какъ я увидѣлъ позже, ни къ чему и не привело бы, такъ какъ маршрутъ мой назначенъ былъ самимъ Якубъ–бекомъ. Видя, что джузъ–баша прибавляетъ шагу, пересталъ обходить препятствія, встрѣчавшіяся на дорогѣ въ видѣ овраговъ и канавъ, а прыгалъ черезъ нихъ на своемъ аргамакѣ, я подумалъ, не спѣшитъ ли онъ къ ночи въ центръ города, чтобы, введя меня въ темнотѣ, лишить возможности увидѣть Кашгаръ. Такъ дѣлаютъ иногда азіяты, если не захотятъ или не думаютъ ослѣпить иностранца величіемъ своего города и силой, на каждомъ шагу проявляемой. Мой мохнатый рыжка хотя не отставалъ отъ аргамака и также не задумывался прыгать по его слѣдамъ, но, по правдѣ сказать, походилъ уже на мокрую курицу; да и у меня, отъ мысли, что джузъ–баша сейчасъ проведетъ меня на томъ самомъ, чего я опасался во время всего путешествія, и введетъ въ Кашгаръ какъ въ темницу, не давъ мнѣ даже взглянуть на нее снаружи, выступалъ потъ на лбу. Терпѣніе мое лопнуло. «Стой!» крикнулъ ему я. «Не могу ѣхать, усталъ!» И въ то же время спрыгнулъ съ лошади. «Чай будемъ пить, почевать будемъ здѣсь».

Я чувствовалъ, какъ блѣднѣлъ я въ это время, но не отъ усталости, а отъ наплыва разныхъ мыслей, давившихъ мое сердце какимъ–то предчувствіемъ.

Не дожидаясь что скажетъ мнѣ въ отвѣтъ джузъ–баша, я приказалъ ослабить у лошади подпруги; конвойный разостлалъ мнѣ на землѣ кошму; я легъ на нее.

Мѣстность была лучше, чѣмъ я встрѣчалъ раньше; площадки, обнесенныя деревьями, отдѣлялись между собою не пустымъ пространствомъ, какъ нѣсколько верстъ раньше, а огородами, также обставленными деревьями и обнесенными оградами, изъ–за которыхъ мѣстами курился дымокъ и показывались на заплотахъ дѣти; гдѣ–то возлѣ шумѣла падавшая вода и скрипѣло что–то, будто на мельницѣ; слышалась съ разныхъ сторонъ обычная молитва мусульманъ при закатѣ солнца; доносился плачъ дѣтей и перекрикиваніе взрослыхъ. Все это мнѣ, какъ живущему въ Туркестанскомъ округѣ, не было ново. Что же леденило мой лобъ и мои руки?...

Тутъ впервые я почувствовалъ, что нахожусь въ клѣткѣ звѣря,

что кругомъ ея таже звѣриная порода. Не отвѣчая мнѣ ни слова, джузъ-баша слѣзъ съ лошади, небрежно кинулъ поводья въ руки своего провожатаго, искоса поглядывавшаго на меня, и, переваливаясь какъ утка, пошелъ прочь отъ меня, посматривая по сторонамъ. Я слѣдилъ за нимъ глазами, наблюдая что будетъ дальше. Онъ сбросилъ съ себя верхній халатъ и разостлалъ его на чистомъ мѣстѣ, сталъ возлѣ него лицемъ къ закатившемуся солнцу, заткнулъ себѣ уши и, крича молитву, клалъ земные поклоны. Оставивъ его молиться, я обратился къ проводнику и спросилъ: скоро ли пріѣдемъ въ Кашгаръ и гдѣ будемъ ночевать? Онъ, не спуская глазъ съ джузъ-баши, указалъ мнѣ рукою на одинъ изъ садовъ.

— Далеко? спросилъ я.

— Нѣтъ; тутъ и есть.

— Что же, поѣдемъ, ваше б-діе, спросилъ меня переводчикъ; вонъ тотъ сартъ сказываетъ, съ версту не будетъ до ночлега.—Я ничего не отвѣтилъ, поджидая джузъ-башу.

Окончивъ молитву, спутникъ мой подошелъ ко мнѣ; я принялъ ласковое выраженіе и протянулъ ему руку.

— Садитесь, сказалъ я; ужасъ какъ усталъ! скоро доѣдемъ до ночлега?

— Чай, завтракъ, анары.... началъ было пересчитывать по пальцамъ джузъ-баша.

Я уже былъ на лошади. Перейдя нѣсколько арыковъ, мы очутились возлѣ бѣлой глиняной стѣны, украшенной по гребню разными фигурами. Деревья, свѣшивавшіяся черезъ стѣну, укрывали отъ глазъ стоявшую за стѣною невысокую башню, по стилю мечеть. Рядомъ съ огородомъ, раздѣленнымъ на правильныя грядки, лежала площадка, ничѣмъ не отличавшаяся отъ прочихъ мною видѣнныхъ раньше; кругомъ нея также была канава, черезъ которую перекинутъ мостикъ; по срединѣ пылалъ костеръ и возлѣ него стояли блюда, прикрытыя полотенцами, и мѣдные чайники. Въ одномъ изъ угловъ были разостланы ковры и подушки. Мы остановились у мостика; джузъ-баша указалъ мнѣ рукой на коверъ, а самъ свернулъ къ заднему двору мечети, выходившему къ этой площадкѣ воротами. Едва я усѣлся на коверъ, какъ въ воротахъ уже не было свободнаго мѣста; сперва оттуда выглядывало только отъ каждаго любопытнаго по одному глазу, а потомъ и по цѣлой головѣ; наконецъ передніе, тѣснимые задними, разсыпались передъ воротами, все еще не рѣшаясь подступить къ естественной границѣ, отдѣлявшей меня отъ нихъ, къ канавѣ, а жались поближе къ своему храму. Мнѣ не сидѣлось на мѣстѣ; я

прогуливался взадъ и впередъ по отведенному мнѣ пространству. Маленькимъ смѣльчакамъ, несмотря на крики матерей подходившимъ къ канавѣ, я бросалъ серебро. Это понравилось имъ; одинъ, вырвавшись изъ рукъ сарта, прибѣжалъ ко мнѣ черезъ мостикъ, но едва я погладилъ его по бритой головѣ и успѣлъ всунуть ему въ руки коканъ (*), онъ разревѣлся и затрясся. Скоро, правда, лепешка и анаръ его опять успокоили. Прошло немного времени; джузъ-баша, принарядясь въ чистую чалму и новый халатъ, шелъ ко мнѣ, потряхивая чѣмъ то въ рукѣ.

— Это ваше, сказалъ онъ, возьмите. Якубъ-бекъ будетъ недоволенъ, если узнаетъ, что вы даете его людямъ деньги. Я ихъ собралъ и возвращаю. Всѣ ли? сосчитайте!

— Я далъ дѣтямъ на пряники, сказалъ я, и назадъ не возьму. Джузъ-баша протестовалъ въ порывѣ скорѣй восторга, чѣмъ неудовольствія. Я успѣлъ урезонить его, что деньги слѣдуетъ возвратить тѣмъ, кому были даны, а что впередъ я дѣтямъ, кромѣ конфектъ, ничего давать не буду.

— Конфектъ? спросилъ джузъ-баша. А развѣ у васъ есть? въ бумажкахъ? я много слышалъ про нихъ отъ татаръ.

Мнѣ казалось, что онъ жалѣлъ, что его дѣтей не было здѣсь, а потому я поспѣшилъ объяснить, что въ караванѣ везу два ящика конфектъ: одинъ, получше, Якубъ-беку, а другой моимъ друзьямъ и дѣтямъ. Это, должно быть, успокоило моего спутника, потому что онъ, какъ бы обезпечась на счетъ одного, сейчасъ же заговорилъ тихо: не забылъ ли я обѣщаніе о часахъ? и спросилъ: тотчасъ ли, какъ прійдетъ мой караванъ, я буду перебирать свои вещи, или послѣ того какъ люди отдохнутъ?

— Я, можетъ быть, не возьму ни часовъ, ни перстня, сказалъ онъ задумчиво.

— Отчего? спросилъ я съ участіемъ.

Онъ пожалъ плечами и проговорилъ тихо: «боюсь, законъ.... А мнѣ бы только увидѣть вещи». При этихъ словахъ онъ снялъ съ меня мои часы, повертѣлъ ихъ въ рукахъ.

— Такіе же? спросилъ задумчиво и всталъ съ ковра, направляясь уйдти. Мнѣ опять дышалось легко и было даже весело. Прогуливаясь по площадкѣ, я поджидалъ каравана, думалъ о завтрашнемъ въѣздѣ въ Кашгаръ, жалѣлъ только, что захромалъ мой карій конь, и я долженъ былъ выѣзжать въ городъ все на томъ же

(*) Монета, соотвѣствующая 20-ти копѣйкамъ.

рыжкѣ. Вспомнилъ объ аргамакѣ, потрясъ кошелькомъ, еще очень тяжелымъ, и это воскресило надежду пріобрѣсть себѣ коня.

Чѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ видъ моей площадки дѣлался величественнѣе. Пылавшій огонь и молодой мѣсяцъ бросали чудный свѣтъ на деревья и на ходившихъ кругомъ людей. Костры въ разныхъ мѣстахъ, и даже въ сосѣднемъ огородѣ, съ окружавшими ихъ группами, казались отраженіемъ одного и того же, возлѣ котораго я сидѣлъ. Тишина въ воздухѣ, прохлада и глухой шумъ издали съ разныхъ сторонъ давали чувствовать, что находишься среди жизни, но жизни иной, чѣмъ наша, и почему-то мнѣ живо приходили на память картины священной исторіи временъ пребыванія Спасителя на землѣ. Разноцвѣтныя одежды людей, окружавшихъ костеръ, ихъ тихая бесѣда, отсутствіе женщинъ, все это унесло мои мысли въ дворъ Понтія-Пилата, и не доставало только, чтобы пѣтухъ прокричалъ хоть однажды для пополненія картины моего воображенія. Я не узнавалъ издали джузъ-башу, сидѣвшаго въ числѣ прочихъ передъ воротами мечети возлѣ огня, не узнавалъ, можетъ быть, потому, что онъ снялъ съ себя чалму и сгорбился болѣе обыкновеннаго. Правда, я объ немъ въ эти минуты и не думалъ. Послѣдняя моя бесѣда съ нимъ увѣрила меня окончательно, что онъ не измѣнился ко мнѣ: деликатенъ сколько можетъ быть, почтителенъ и на лицѣ его не отражалось для меня никакой опасности.... Впрочемъ, онъ самъ не знаетъ какую роль будетъ играть завтра, послѣ завтра, и о своей участи знаетъ, можетъ быть, меньше, чѣмъ о моей. Группа, на которую я устремилъ безсознательно свои взоры, вдругъ встрепенулась; къ ней подъѣхалъ всадникъ, соскочилъ съ лошади и сталъ передъ огнемъ, очертившимъ его фигуру и тучную чалму. Сидѣвшіе встали, одновременно провели руками по лицамъ и бородамъ и остались неподвижными. Пріѣхавшій вынулъ что то изъ-за пазухи и въ то же время нѣсколько человѣкъ подошли къ лошади, голова которой рѣзко очерчивалась передъ огнемъ, и стащили съ нея «корджуны» (два мѣшка, приспособленные для заключенія къ сѣдлу). Я узналъ джузъ-башу, когда онъ надѣлъ свою чалму и сталъ возлѣ пріѣхавшаго. Пометавшись суетливо туда-сюда, онъ развернулъ бумагу, поданную ему вмѣстѣ съ пакетомъ, потеръ ею глаза, и въ тоже время двое изъ его собесѣдниковъ поднесли къ нему зажженныя лучинки, освѣтившія бумагу. Окончивъ чтеніе, вся группа усѣлась на прежнія мѣста, а джузъ-баша направился ко мнѣ: по крайней мѣрѣ я подумалъ такъ, когда онъ отошелъ отъ костра и скрылся въ темнотѣ. Я не ошибся: онъ принесъ мнѣ фунтъ

зеленаго чая и объявилъ, что Якубъ-бекъ послалъ мнѣ это на дорогу и спрашивалъ о моемъ здоровьѣ. Такая любезность погрузила меня въ пріятныя мечты, и я съ нетерпѣніемъ сталъ поджидать своего каравана, будто съ приходомъ его могъ ускорить минуту развязки. Караванъ пришелъ. Пока развьючивали лошадей и прибирали къ мѣсту сѣдла, прошло немало времени. Костры одинъ за другимъ гасли, и группы, насытившись и наговорившись, расходились, должно быть спать. Только мой костеръ пылалъ все ярче и шире, а вмѣстѣ съ тѣмъ и картина вокругъ него измѣнилась. Двѣ палатки, изъ которыхъ одна моя, а другая для конвоя, постепенно обвѣшивались парадными платьемъ, предназначавшимся къ завтрашнему дню; казаки, снявъ сюртуки и засучивъ рукава, чистили ружья и шашки, отъ времени до времени заглядывая въ котелъ, подвѣшенный у огня, и перекидывались изрѣдка замѣчаніями, касавшимися больше до оружія, сапоговъ и сѣделъ. Работа подвигалась быстро; вычищенное одно за другимъ устанавливалось у пирамиды изъ пикъ, и по мѣрѣ того какъ занятіе приходило къ концу, кружокъ сжимался все больше и больше. Семирѣченецъ затянулъ военную пѣсню: я удержалъ его. Тогда военная смѣнилась тихой домашней о какой-то «собачкѣ вѣрной, которая лаетъ у воротъ»; къ нему подстроились еще нѣсколько голосовъ, стараясь не выпускать звуковъ за кавычку, чтобы не будить хозяевъ. Не то, чтобы у всѣхъ было весело на душѣ, не то, чтобы и скучно, а такъ, кажется; спросить у любаго изъ нихъ, что чувствуетъ, и онъ сказалъ бы: «Ничего; накормили, кажется, хорошо; народъ смирный; вотъ только базаръ въ городѣ каковъ? все подешевле, надо полагать, нашего, хоть халаты, напримѣръ». Тумъ засѣлъ въ моей палаткѣ и помогалъ слугѣ развязывать чемоданы и тюки. Я ходилъ взадъ и впередъ по площадкѣ, все еще подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній и подумывая, между прочимъ, что пора бы и заснуть. И нашъ костеръ начиналъ слабѣть; нѣкоторые казаки, удовольствовавшись чаемъ, фруктами и бараниной, поданными имъ въ изобиліи тотчасъ по приходѣ на мѣсто, не хотѣли ждать «кавурдака» и улеглись безъ всякихъ постелей, тамъ же гдѣ сидѣли. А я все еще не могъ рѣшиться лечь, чувствуя что сонъ отъ меня далекъ.... Тихо, какъ кошка, подошелъ ко мнѣ джузъ-баша.

Я усѣлся съ нимъ въ палаткѣ.

— Гдѣ же? спрашивалъ онъ.

Я ожидалъ этого вопроса, и какъ только развязали чемоданъ, вынулъ оттуда и отложилъ въ сторону часы и два перстня. Спут-

никъ мой, какъ малое дитя, осмотрѣлъ эти вещи, примѣрялъ кольца, надѣлъ на себя часы, снялъ, попросилъ завести, опять надѣлъ, прижалъ ихъ къ себѣ рукою и вперилъ въ меня свои глаза. Зачѣмъ такъ всматривался онъ въ меня, я не понялъ. Можетъ быть, онъ хотѣлъ прочесть на моемъ лицѣ, не жаль ли мнѣ новыхъ часовъ.

— Нѣтъ, не возьму, сказалъ онъ наконецъ, отдавая мнѣ назадъ эти вещи.

Меня удивило такое рѣшеніе.

— Боюсь, договорилъ онъ шепотомъ и озираясь кругомъ.—Послѣ, когда станете уѣзжать, тогда возьму. Якубъ-бекъ зарѣжетъ, если узнаетъ, потому что это все должно быть его.

— Ну, такъ это ваше, знайте, сказалъ я, укладывая часы опять въ чемоданъ.—Ихъ у меня никто не увидитъ, а въ послѣдній день нашего свиданія я отдамъ ихъ вамъ.

Послѣ этихъ словъ, онъ пожалъ мнѣ руку и мы разстались.

Много дикаго и непонятнаго для меня было въ таинственности джузъ-баши. Онъ даже пугалъ меня отчасти, а значеніе словъ его, что все мое должно принадлежать Якубъ-беку, я не понялъ тогда.

На другое утро, 19-го октября, еще прежде чѣмъ я проснулся, у канавы со стороны мечети уже собралось много любопытныхъ. Казаки въ новыхъ чекменяхъ, перетянутые красными кушаками, сѣдлали лошадей и чистили моего рыжку. На коврѣ, возлѣ палатки, былъ приготовленъ для меня завтракъ и чай; джузъ-баша вертѣлся возлѣ палатки, ожидая, когда я встану.

— Новая депеша, сказалъ онъ мнѣ, видя, что я уже на ногахъ.—Когда солнце будетъ тутъ—онъ указалъ рукою на небо—мы должны отсюда выступить и ѣхать въ Джанга-Шаръ. Я посмотрѣлъ по указанію его руки, и нашелъ, что пора, значитъ, ѣхать. Солнце ярко свѣтило и небо было совершенно чисто. Окрестности при дневномъ свѣтѣ потеряли много своей прелести, и на сколько вчера мнѣ нравилась окружавшая меня обстановка, на столько сегодня я рвался скорѣе дальше. Мы тронулись. Пашни, рвы, огороды, канавы, отдѣльно стоявшія мазанки, мосты, тамъ и сямъ обсаженныя деревьями площадки, все это смѣнялось одно другимъ, по крайней мѣрѣ верстъ восемь. Три дома съ мясными лавками, а передъ ними опять пашни, пересѣкающіеся арыки, взрытыя площади, что-то въ родѣ развалинъ и, наконецъ, глиняные заборы, дающіе направленіе улицѣ.... Дорога узка и избита, вовсе не колесная. До самаго Кашгара я не видалъ не только экипажа, хотя простаго, но даже и слѣдовъ его. Пошли переулки, будто нарочно загроможденные мусоромъ, чтобы препятствовать ѣздѣ. Изъ подъ одного забора шумитъ, какъ рѣка, широкою струею арыкъ; на срединѣ улицы онъ разбивается на два: одинъ идетъ подъ противоположный заборъ, а другой вдоль улицы и попадаетъ въ подставленную для него трубу, находящуюся надъ другимъ арыкомъ, и скрывается затѣмъ подъ какой-нибудь насыпью. Сады все чаще и чаще и глиняные заборы ихъ выше; народу все больше.... Въ нѣкоторыхъ переулкахъ, должно быть тѣхъ, которые неминуемы, замѣтно было особенное стеченіе людей и изъ калитокъ выглядывали женскія лица, полузакрытыя бѣлыми и черными покрывалами. Напрасно я ожидалъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность будетъ все населеннѣе и населеннѣе, и представлялъ себѣ Джанга-Шаръ сердцемъ Кашгара. Скоро я опять увидѣлъ впереди и съ боковъ то же, что у послѣдняго почлега: начались глиняныя груды, а затѣмъ заброшенная площадь, совсѣмъ пустая, такихъ размѣровъ, что едва можно было разсмотрѣть за ней опять признаки движенія. Виднѣлись впереди отдѣльными рощами сады и курганы. Одинъ изъ нихъ былъ Джанга-Шаръ. Площадь оканчивалась уступомъ къ рѣкѣ Кызылъ-су, у которой первое, что бросилось въ глаза, былъ кожевенный заводъ, а возлѣ него базарная площадь. Торговли на этомъ базарѣ почти не производилось. Хотя народъ слонялся туда и сюда, но какъ будто безъ цѣли, будто мухи осенью. Да, впрочемъ, и трудно ходить по площади, гдѣ лошадь вязла по-колѣно въ грязи. Противъ базара курганъ съ зубчатыми стѣнами, увѣшенными сверху, какъ трофеями, вымытымъ бѣльемъ разныхъ цвѣтовъ. Тутъ же мостъ черезъ Кызылъ-су, прочный и солидный на видъ, съ высокими перилами. Проходя базарную площадь, мы остановились у чистаго ключика, пробиравшагося откуда-то между кочекъ грязи къ рѣкѣ, чтобы напоить изъ него лошадей. Озираясь по сторонамъ, я увидѣлъ, что столбы, принятые мною издали за большіе вѣсы, принадлежность всякаго базара, были чѣмъ-то инымъ. Казаки тоже обратили на это вниманіе. Не нужно было долго всматриваться, чтобы понять значеніе этихъ вѣсовъ и убѣдиться, по висѣвшему на одной петлѣ трупу, что они были въ дѣйствіи. Казни здѣсь не рѣдкость; я слышалъ объ этомъ еще раньше отъ джузъ-баши. И теперь на вопросъ мой: за что повѣшенъ человѣкъ? онъ отвѣтилъ спокойно: «мало-ли за что вѣшаютъ: укралъ что-нибудь; Якубъ-бекъ воровъ не любитъ». Переговоривъ съ встрѣчнымъ сартомъ, онъ далъ мнѣ потомъ болѣе подробное разъясненіе: «виситъ за воровство; уже два дня какъ повѣшенъ».

— Когда-же снимутъ? спросилъ я.

— Черезъ три дня....

Перейдя мостъ, и затѣмъ что-то похожее на площадь, мы подвигались къ небольшому кургану, можетъ быть саженъ пятьдесятъ въ квадратѣ. Нѣсколько всадниковъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигались, уносились маршъ-маршемъ впередъ, точно кому нибудь давали знать о нашемъ приближеніи. Съ версту не доѣзжая до кургана, мы услышали музыку. Джузъ-баша просіялъ радостью. Однообразная и своеобразная музыка, сколько я могъ замѣтить (флейты, барабаны и пастушьи рога), становилась все слышнѣй и слышнѣй, наводя на душу какое-то уныніе. Она играла въ курганѣ. Джузъ-баша шепнулъ мнѣ, что тамъ идетъ ученье. У воротъ кургана сидѣли сарбазы (пѣхота), въ красныхъ суконныхъ халатахъ, и между ними одинъ офицеръ въ высокой собольей папахѣ и въ русскихъ общепѣхотныхъ полковничьихъ эполетахъ, но въ красномъ же халатѣ. Онъ волкомъ посмотрѣлъ на меня, и лишь только я проѣхалъ, ушелъ въ курганъ. Музыка не переставала играть, пока могла доноситься до меня. Тутъ какъ-то незамѣтно мы въѣхали въ улицу довольно узкую, но длинную, образованную сплошными лавками, все съ одними и тѣми же товарами: одѣялами, халатами, сушеными фруктами, обувью, желѣзомъ, сѣдлами, прядями шелку, хлопкомъ и прочее. Вдоль лавокъ сидѣли, поджавши подъ себя ноги, солдаты съ ружьями, а на порогахъ лавокъ любопытные. Улица, загибаясь, почти упиралась въ ворота кургана, съ высокими и толстыми стѣнами. Надъ воротами висѣли значки разныхъ цвѣтовъ, а въ самыхъ воротахъ происходила страшная давка народу, жавшагося изъ любопытства посмотрѣть на пріѣзжихъ. Видъ кургана до такой степени показался мнѣ солиднымъ, что я нисколько не сомнѣвался, что это цитадель—мѣстопребываніе Якубъ-бека, то есть Джанга-Шаръ; но, къ удивленію моему, едва я, миновавъ послѣднюю лавку, направился къ воротамъ, джузъ-баша подскочилъ ко мнѣ и указалъ другое направленіе нашего пути. Курганъ остался вправо, а передъ нами открылась опять изрытая площадь на нѣсколько верстъ. Съ правой и съ лѣвой стороны смотрятъ угрюмо другіе курганы-особняки, укрывающіе своими стѣнами происходящую внутри ихъ дѣятельность. Опять нѣсколько садовъ, обнесенныхъ зубчатыми стѣнами, вооруженными пушками.

Одинъ изъ нихъ, самый обширный, съ густою зеленью деревъ, свѣшивающихъ свои вѣтви за стѣны, и есть «Джанга-Шаръ», т. е. новый городъ, резиденція Якубъ-бека. Ближайшій къ нему курганъ меньшихъ размѣровъ служитъ казармой, а возлѣ находится

дворъ, 42 шага въ длину и 37 шаговъ въ ширину, обнесенный съ трехъ сторонъ высокими глиняными стѣнами, съ четвертой камышевымъ плетнемъ. Сюда-то и завернулъ джузъ-баша свою лошадь, приглашая меня слѣдовать. Низенькая калитка не позволяла въѣхать туда верхомъ, а потому нужно было у калитки слѣзть съ лошадей. Отдавъ коней людямъ, находившимся въ юртѣ, замѣнявшей нашу будку часоваго или даже цѣлую гауптвахту, мы переступили порогъ назначеннаго мнѣ жилища. Видъ чистаго двора и на немъ большой юрты, маленькой палатки и насыпи, прикрытой ковромъ, замѣнявшей собой диванъ, произвели на меня пріятное впечатлѣніе. Въ переднемъ углу двора находился навѣсъ для кухни, въ противоположной стѣнѣ ворота на задній дворъ, откуда видѣлись стойла для лошадей. Вотъ все, что представилъ мнѣ курганъ съ перваго взгляда, и что оставалось неизмѣннымъ въ продолженіе всего пребыванія моего въ Кашгарѣ.

Не мечтавши ни о чемъ лучшемъ, я остался доволенъ и этимъ; правда, было не безъ того, чтобы не мелькнула мысль: почему бы не помѣстить меня въ домѣ; вѣдь, сколько извѣстно Якубъ-беку, я не киргизъ, чтобы довольствоваться въ концѣ октября юртою. Но и эта мысль долго не возвращалась ко мнѣ послѣ того, какъ я осмотрѣлъ внутренность назначенной мнѣ юрты. Она была хотя не изъ новыхъ кошемъ, и хотя тюндюкъ (верхняя кошма) мѣстами просвѣчивалъ, но размѣры ея позволяли ходить по ней, дѣлая отъ пяти до шести шаговъ взадъ и впередъ. Полъ былъ устланъ камышевыми цыновками, покрытыми войлоками, а сверху коврами, исключая пространства въ квадратный аршинъ, назначеннаго для раскладки огня, и другаго такого же, задѣланнаго неплотно досками, прикрывавшими собою яму, и служившаго для умыванія. Поверхъ ковровъ лежали вдоль стѣнъ юрты три ватныхъ матраца, обшитыхъ розовымъ ситцемъ, и при каждомъ изъ нихъ по цилиндрообразной подушкѣ, ватной же, поверхъ ситца обшитой кисей. Стульевъ и столовъ не полагалось. Въ палаткѣ же былъ разостланъ коверъ поверхъ цыновокъ—и больше ничего. Вотъ все, что назначалось удовлетворять моимъ потребностямъ и служить, вмѣстѣ съ тѣмъ, комфортомъ. Едва я вступилъ въ юрту, джузъ-баша спросилъ меня: намѣренъ-ли я тотчасъ же представиться Якубъ-беку, или напередъ закусить. Мнѣ нужно было достать изъ чемодановъ подарки, посланные военнымъ губернаторомъ къ Якубъ-беку, что требовало нѣкотораго времени. Поэтому, видя, что джузъ-баша требуетъ отъ меня положительнаго отвѣта, сказалъ, что буду готовъ черезъ часъ. Мнѣ было не до за-

куски. Опасеніе за цѣлость вещей, посланныхъ со мною Якубъ-беку, особенно изящной и дорогой лампы, а также обдумываніе того, что предстояло сказать ему на вопросы, которые я предвидѣлъ, гнали прочь апетитъ, и я не замѣчалъ, какъ летѣло время. Дворъ мой сталъ наполняться народомъ. Одинъ красивый кашгарецъ, въ зеленомъ бархатномъ халатѣ, опоясанный кушакомъ, обложеннымъ серебромъ съ бирюзою, въ коричневой чалмѣ изъ высокаго достоинства кашемира и съ ружьемъ за плечомъ, приставалъ ко мнѣ на ломаномъ русскомъ языкѣ: «скорой! живой»! Мнѣ не понравилось такое обхожденіе, тѣмъ болѣе, что нахальныя манеры этого господина почему-то вселяли во мнѣ предположеніе, что онъ изъ русскихъ бѣглыхъ. Посмотрѣвъ на него не совсѣмъ ласково и сказавъ черезъ переводчика, чтобы меня оставили въ покоѣ, пока не буду готовъ идти къ Якубъ-беку, я приказалъ казаку спустить пологъ моей юрты и не пускать ко мнѣ никого. Командирскій голосъ нахальнаго господина не переставалъ слышаться возлѣ юрты: онъ все торопилъ меня. Скоро затѣмъ переводчикъ и казакъ понесли впередъ вещи, предназначенныя Якубъ-беку, а мнѣ подали моего рыжку. Прежде чѣмъ я сѣлъ на коня, нахальный господинъ началъ учить меня, какъ я долженъ войти къ Якубъ-беку и поклониться. Хотя наука была нетрудная—слѣдовало сложить на груди руки, правую сверху, перегнуться въ поясъ, причемъ глаза не сводить съ Якубъ-бека—но я не обнаруживалъ успѣховъ. Недалеко пришлось ѣхать—только до воротъ Джанга-Шара. Тутъ предложили мнѣ оставить лошадь и идти пѣшкомъ, хотя, повидимому, не было причинъ не пускать меня верхомъ: ворота въ курганъ были велики и, судя по слѣдамъ на мостикѣ, перекинутомъ черезъ канаву, окружающую Джанга-Шаръ, видно было, что лошадямъ путь въ цитадель доступенъ. Я зналъ, что до мѣста, гдѣ возсѣдаетъ Якубъ-бекъ, нужно пройти нѣсколько улицъ, а потому мнѣ не понравилось предложеніе идти пѣшкомъ; но я былъ гость и долженъ былъ повиноваться. Едва я слѣзъ съ лошади, какъ ко мнѣ ужь подстроились два сарбаза съ ружьями: одинъ шелъ впереди, а другой сзади. Съ боковъ же шли съ одной стороны нахальный господинъ, какъ я послѣ узналъ государственный казначей, а съ другой джузъ-баша. Всѣ они держали ружья на плечѣ, довольно однообразно. Въ этомъ странномъ для меня строю, ровненіе шло на меня. Задній не отставалъ, а передній поминутно оглядывался, чтобы повѣрять направленіе. Такъ мы переступили мостикъ противъ воротъ Джанга-Шара и вошли въ улицу. По обѣимъ сторонамъ тянулись лавки, такія же какъ и раньше мною видѣнныя,

только нѣсколько поопрятнѣе. Около нихъ сидѣли солдаты съ ружьями, установленными на рожки, дулами по направленію моего слѣдованія. Конвой мой, особенно сарбазъ, шедшій впереди, отбивалъ каждый шагъ, вѣроятно, чтобы не сбиться съ такта, и всѣ были очень недовольны, что я не шелъ съ ними въ ногу и отставалъ; боковые и задній мнѣ безпрестанно подсказывали: «чапчанъ» (скорѣе). Признаюсь, такой прогулки я никогда не воображалъ. Сколько я ни старался тогда увѣрить себя, что мнѣ оказывается этимъ почетъ, но какъ-то трудно согласовались понятія о почетѣ и о военномъ конвоѣ. Улица загибалась направо и подвела насъ къ воротамъ въ высокой каменной стѣнѣ, плотно соединяющейся съ крайними лавками. Пройдя подъ сводомъ воротъ, мы очутились въ пространствѣ, окруженномъ сплошными стѣнами, похожемъ на манежъ, но безъ потолка. Здѣсь стояли тѣсно одна возлѣ другой пушки разныхъ калибровъ и фасоновъ, съ лафетами различныхъ цвѣтовъ; возлѣ нихъ сидѣли солдаты, держа въ рукахъ незажженные фитили. Отсюда черезъ ворота мы вышли опять въ улицу, образуемую задними сторонами зданій. Всюду вдоль стѣнъ сидѣли солдаты, довольно однообразно одѣтые и съ фитильными ружьями одного образца. Пройдя еще нѣсколько дворовъ, мощеныхъ и довольно опрятныхъ, мы очутились въ довольно широкомъ коридорѣ безъ потолка, оканчивавшемся дворомъ. Тутъ поджидалъ насъ пожилыхъ лѣтъ кашгарецъ, должно быть изъ важныхъ. Онъ обратился ко мнѣ: «знаю-ли я какъ поздороваться?...» Я показалъ, какъ я дѣлаю подъ козырекъ и раскланиваюсь Онъ чуть не приходилъ въ отчаяніе отъ моихъ маневръ, складывалъ у меня на груди мои руки и хотѣлъ употребить тотъ пріемъ, какой употребляется протодьяконами при посвященіи дьячковъ въ слѣдующій чинъ. Вѣрно я на него посмотрѣлъ не агнцемъ, почему онъ отказался учить меня, и, повертѣвшись на мѣстѣ, попросилъ меня постоять еще, а самъ пошелъ во дворъ, должно-быть, доложить Якубъ-беку о моемъ приходѣ.

Напрасно я думалъ, что тутъ во дворѣ и конецъ моему пути: нѣтъ, мнѣ пришлось послѣ этого пройдти еще нѣсколько дворовъ, пока добрался до послѣдняго.

Онъ имѣлъ форму квадратнаго каре и былъ центромъ окружавшихъ его зданій, одноэтажныхъ, безъ оконъ, съ плоскими крышами, имѣвшихъ по нѣсколько дверей во дворъ, этотъ разъ притворенныхъ и охранявшихся группами почетныхъ кашгарцевъ, сидѣвшихъ возлѣ нихъ, поджавъ подъ себя ноги. Передъ дворомъ меня опять остановили. Кашгарецъ, учившій меня кланяться, снова обратился

ко мнѣ, показывая какъ надо здороваться, и я снова на репетиціи, вмѣсто скрещиванія рукъ на груди, показалъ, что иначе какъ подъ козырекъ отдать чести не умѣю.

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на меня; далъ мнѣ знакъ стоять и ожидать его прихода, а самъ отправился дальше. Не прошло минуты, какъ онъ вернулся, сказалъ что-то моимъ конвойнымъ, послѣ чего тѣ оставили меня, а самъ онъ, взявши меня за рукавъ, потянулъ за собой впередъ. Хоть я нисколько не упирался, а напротивъ, старался показать видъ, что не ведутъ меня, а я самъ иду, но не могъ не чувствовать, какъ это выходило комично. Пока я шелъ по двору, я не могъ рѣшить, кто же изъ сидѣвшихъ есть Якубъ-бекъ, а ужь не было сомнѣнія, что онъ гдѣ нибудь тутъ. Кашгарецъ удержалъ меня посреди двора, потянулъ крѣпко за лѣвую руку, вслѣдствіе чего весь корпусъ мой повернулся налѣво, и тутъ вопросъ, только что заданный мною, былъ разрѣшенъ. Въ зданіи, выходившемъ во дворъ тремя раскрытыми дверьми и широкимъ крыльцомъ о трехъ ступенькахъ, сидѣлъ у крайней двери Якубъ-бекъ. Увидѣвъ его и не сомнѣваясь, что это онъ—а не сомнѣвался я потому, что кашгарецъ, обративъ на него мое вниманіе, самъ сталъ ретироваться, какъ будто исполнилъ ужь все, что требовалось—я сдѣлалъ подъ козырекъ и направился на крыльцо къ другой двери, куда указывалъ мнѣ дорогу узенькій коврикъ. Вдругъ раздалось во дворѣ дурно-сдержанное выраженіе ужаса, и нѣсколько человѣкъ, какъ собаки, кинулись ко мнѣ: одинъ тянулъ за рукавъ, другой за полы мундира, а остальные чуть не за ноги. Я понялъ въ чемъ дѣло, когда меня свели такимъ образомъ съ парадная крыльца и направили въ третью дверь, чрезъ которую я и вошелъ въ длинную переднюю, откуда, по указанію бывшаго тамъ слуги, вступилъ въ комнату, гдѣ находился Якубъ-бекъ. Онъ сидѣлъ на полу, на небольшомъ бѣломъ войлокѣ, поджавъ подъ себя ноги и съ руками, сложенными у груди. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ; онъ красивъ и полонъ; въ глазахъ его еще блеститъ огонь; въ движеніяхъ живость и сдержанность. На немъ была бѣлая чалма и сѣрый бумажной ткани халатъ, плотно облегавшій его станъ, перетянутый серебромъ украшеннымъ поясомъ.

Въ комнатѣ оконъ пѣтъ; вмѣсто нихъ двѣ двери во дворъ, одна въ переднюю и еще три не знаю куда, потому что онѣ были заперты, но предполагаю, что въ семейныя комнаты и кладовую; предполагаю это потому, что одна изъ нихъ нѣсколько поскрипывала, какъ будто кто-то жался у нея, а черезъ другую пропесли при мнѣ зеленый халатъ въ переднюю. По стѣнамъ, въ простѣнкахъ между

дверьми, было развѣшено огнестрѣльное и холодное оружіе—холоднаго больше, чѣмъ огнестрѣльнаго, а изъ послѣдняго больше фитильныхъ ружей, чѣмъ ударныхъ. Весь полъ былъ устланъ коврами; мебели никакой.

Войдя въ пріемную, я поклонился и подошелъ къ Якубъ-беку пожать протянутую мнѣ руку. Онъ улыбнулся и указалъ мнѣ на мѣсто противъ себя, у другой двери. Я сѣлъ, какъ умѣлъ, или, лучше, какъ только позволяли мнѣ штрипки и шпоры. Профили наши были видны во дворѣ. Сказавши Якубъ-беку, что военный губернаторъ свидѣтельствуетъ ему свое почтеніе и посылаетъ письмо и подарки, я всталъ и поднесъ ему то и другое, за исключеніемъ лампы съ принадлежностями, находившейся въ рукахъ переводчика. Пересмотрѣвши вещи, онъ положилъ ихъ возлѣ себя, а я сѣлъ на свое мѣсто. Спросивъ меня о здоровьѣ военнаго губернатора, онъ началъ длинную рѣчь о своихъ добрыхъ отношеніяхъ къ русскимъ, подкрѣпляя слова указаніями на свои услуги: пропускъ въ Кашгаръ русскаго каравана и поимку одного киргиза, надѣлавшаго у насъ много безпорядковъ и скрывшагося въ его владѣніяхъ. Я сказалъ, что это и есть одна изъ причинъ, почему военный губернаторъ послалъ меня засвидѣтельствовать ему, Якубъ-беку, свое почтеніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ то умилялся, то входилъ въ азартъ, и физіономія его, согласно тому, становилась то жалкой, чуть-чуть не вызывающей презрѣнія, то страшной, звѣроподобной.—«На все Богъ», повторялъ онъ часто.—«Богу угодно было отнять отъ китайцевъ землю и вручить ее мнѣ; я покоряюсь его волѣ и управляю страной. А угодно будетъ Богу, чтобы земля эта перешла къ русскому государю, я отдамъ ее безъ боя». Я, можетъ быть, слыша эти слова и не видя, въ то же время, физіономіи Якубъ-бека, не повѣрилъ бы ни себѣ, ни переводчику, что это надо понимать такъ, а не иначе, но слишкомъ мягкій тонъ его голоса, безпрестанное закатываніе глазъ къ небу, увѣряло меня, что эти слова слѣдуетъ понимать именно такъ, какъ я и понялъ.

Вотъ такъ чудесно! подумалъ я. А мы-то воображаемъ, что у него на умѣ Богъ знаетъ что противъ насъ. Какъ ошиблись! Прежде, однакожь, чѣмъ я успѣлъ додумать это, повѣяло въ другую сторону. Взглянулъ на Якубъ-бека, а глаза его такъ и стрѣляютъ въ меня, лицо надулось, руки чешутся, точно поколотить кого хотятъ, а голосъ гудитъ.... Онъ говорилъ ужь другое: «Богъ далъ мнѣ силу покорить эту землю, онъ же дастъ мнѣ силы и отстоять себя на будущее время. Самъ я не трону русскихъ, но если они захотятъ со

мною воевать, такъ узнаютъ нашу силу». Мало по малу онъ опять успокоился:—«Но все Богъ—говорилъ онъ, уже понизивъ голосъ—«если Богъ велитъ, чтобы мы подпали подъ власть русскихъ, мы будемъ ваши, а велитъ намъ покорить васъ—вы будете наши».

Ну, вотъ этакъ-то лучше, подумалъ я; хоть никому не обидно. Разинулъ я было ротъ, что бы сказать, что намъ, какъ сосѣдямъ, воевать не приходится, да и не придется, но онъ прервалъ меня, высказавъ то же самое.

Поднесли мнѣ чашку, формой и размѣрами полоскательную, зеленаго чаю. Я поставилъ ее передъ собой и поджидалъ, когда Якубъ-бекъ предложитъ мнѣ пить. Онъ это тотчасъ и сдѣлалъ. Слуга спросилъ его, не прикажетъ ли и онъ подать себѣ чаю; онъ приказалъ и выпилъ залпомъ такую же чашку. Я сдѣлалъ то же самое со своей. Якубъ-бекъ любитъ говорить, а потому говорилъ много и уклонялся слушать меня, что, впрочемъ, происходило еще и оттого, что онъ боялся, чтобы я не заговорилъ о нѣкоторыхъ вопросахъ, которыхъ онъ желалъ избѣжать. Послѣ чаю онъ говорилъ съ нѣкоторыми варіяціями то же самое, причемъ далъ мнѣ, между прочимъ, замѣтить его взглядъ на прекрасную половину рода человѣческаго. Этого послѣдняго онъ коснулся въ слѣдующей рѣчи:—«Я сказалъ, что самъ никогда не предприму ничего противъ русскихъ и слово свое сдержу, потому что я не женщина: только у нихъ семь словъ, а у меня одно слово, но вѣрное. Развѣ у женщины не семь словъ?» заключилъ онъ, какъ бы ожидая отъ меня отвѣта.

Признаться, я не предвидѣлъ этого вопроса. Пока сталъ соображать, не далъ ли мнѣ опытъ какихъ нибудь матеріяловъ для того, чтобы согласиться съ Якубъ-бекомъ, текли секунды, а онъ все еще имѣлъ терпѣніе ждать моего отвѣта. Плохой, вѣрно, я защитникъ женщинъ! Нѣтъ, даже скорѣе предатель! Я поклонился Якубъ-беку въ знакъ согласія. Убѣдясь, должно быть, что я вполнѣ его мнѣнія по этому предмету, онъ уже спокойно перешелъ опять къ Богу, вручившему ему въ управленіе обширную землю, и ввѣрялъ себя его волѣ.

Поднесли мнѣ халатъ, тотъ самый, вѣроятно, что промелькнулъ изъ клацовой въ переднюю. Поблагодаривъ Якубъ-бека, я хотѣлъ положить подарокъ возлѣ себя, но онъ настоятельно требовалъ, чтобы я его надѣлъ, говоря, что народъ долженъ видѣть меня непремѣнно въ халатѣ, чтобы убѣдиться въ благополучномъ окончаніи аудіенціи. Нечего было дѣлать: я напялилъ на себя халатъ поверхъ мундира. Предчувствуя, что настаетъ конецъ моей аудіенціи,

я заговорилъ опять о племянникѣ Якубъ-бека, Шади-мирзѣ, бывшемъ въ то время въ Россіи въ качествѣ посла, стараясь убѣдить его, что Шади-мирза находится не только внѣ всякой опасности, но и пользуется полнымъ комфортомъ и свободой. Почему-то не нравился Якубъ-беку разговоръ о его послѣ; онъ хмурился сперва, а потомъ сказалъ, что поѣздкѣ Шади-мирзы въ Россію не придаетъ значенія, потому что онъ, Шади-мирза, человѣкъ молодой, отправился только повидаться съ генералъ-губернаторомъ въ Ташкентъ, и теперь, какъ ему тамъ живется, его, Якубъ-бека, это нисколько не интересуетъ.

Прошло немного времени, и онъ говорилъ уже другое: «вернется Шади-мирза, и притомъ благополучно, тогда дружба между нами должна упрочиться».

— Если вы все еще не увѣрены, что Шади-мирза вернется къ вамъ съ добрыми вѣстями, то отъ васъ зависитъ задержать меня до его возвращенія: я въ полномъ вашемъ распоряженіи.

Якубъ-бекъ на это улыбнулся; должно быть онъ понялъ, что о благополучіи Шади-мирзы уже сомнѣваться нельзя, а вмѣстѣ съ этимъ предстояло исполнить то, что онъ обѣщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ военному губернатору, или показать, что онъ женщина, отказавшись отъ своего слова. Якубъ-бекъ недолго думалъ, чтобы дать мнѣ отвѣтъ на предложеніе имѣть меня своимъ гостемъ. «Время осеннее», сказалъ онъ, «въ горахъ уже снѣгъ выпалъ, и если я продержу васъ здѣсь долго, тогда вамъ придется ждать до весны. Черезъ два дня я приглашу васъ снова».

Этимъ окончился мой визитъ. Проходя дворъ, я сдѣлалъ Якубъ-беку опять подъ-козырекъ, и прошелъ той же дорогой до выходныхъ воротъ Джанга-Шара.

Взявшись за луку сѣдла, чтобъ сѣсть на лошадь, я услышалъ слабый трескъ нитокъ, которыми былъ сшитъ подаренный мнѣ халатъ, и увидѣлъ, какъ на рукавѣ образовалась щель по шву и выпучилась изъ нея вата. Халатъ былъ изъ рѣденькой шелковой матеріи зеленаго цвѣта, съ подкладомъ изъ ситца подъ полами и дабы (рѣдкая и грубая, какъ простой холстъ, бумажная ткань) подъ спинкой и въ рукавахъ.

У калитки, ведущей въ отведенный мнѣ дворъ, я нашелъ уже правильно организованный караулъ. Онъ помѣщался въ палаткѣ, возлѣ которой стояло до 5—6 ружей и шашекъ; внутри палатки вдоль стѣнокъ были разостланы узенькія кошемки, замѣнявшія матрацы, и на нихъ въ изголовьяхъ лежали свернутые вальками запасные

халаты. Передъ палаткой, на разостланномъ коврикѣ, стоялъ чайникъ и чашка.

Пропустивъ меня въ калитку, джузъ-баша сбросилъ съ себя ружье и чалму, отеръ полой халата вспотѣвшій лобъ и, переваливаясь, направился за мною.—«Ну, вотъ все тутъ, что нужно, и если понадобится что особенное, то я здѣсь буду», сказалъ онъ мнѣ, указывая рукой на калитку.—«Хотите чаю или обѣдать будете»? Выплюнувъ табакъ, заложенный передъ тѣмъ за щеку и мѣшавшій ему говорить ясно, онъ засучилъ рукава. Я наблюдалъ, что будетъ дальше, не догадываясь въ чемъ рукава ему мѣшали. Поправивъ аракчинъ на головѣ, онъ предложилъ мнѣ сѣсть на тумбу, замѣнявшую во дворѣ диванъ, самъ сѣлъ возлѣ меня, растопырилъ всѣ пальцы и началъ высчитывать по нимъ: «мяса сколько хотите; яблоковъ много, много; апаровъ (*) много, много; лепешекъ много» и такъ далѣе: онъ пересчиталъ все, что, по его мнѣнію, было необходимымъ для меня и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно достаточнымъ.—«Помѣщеніе отличное», продолжалъ онъ, «дровъ въ юрту и на кухню сколько нужно. Гулять сколько хотите». Но прежде, чѣмъ я успѣлъ поймать смыслъ этой послѣдней фразы, онъ добавилъ, указывая руками на стѣны кургана:—«Мѣста здѣсь довольно для этого.... Вотъ это все аталыкъ вамъ предоставляетъ, пока вы здѣсь».

Онъ всталъ, чтобы идти. Поблагодаривъ черезъ него Якубъ-бека за такое гостепріимство, я задержалъ его просьбой послать сейчасъ же слугу къ повѣренному купца Хлудова, находившемуся въ Кашгарѣ, и просить его навѣстить меня. Отъ такой просьбы глаза джузъ-баши приняли невиданный мною до того времени размѣръ. Это озадачило его до того, что онъ снова сѣлъ и распустилъ рукава своего халата

— Этого нельзя, сказалъ онъ не вдругъ.

— Отчего? спросилъ я.

— Оттого, что закона нѣтъ гостю звать къ себѣ русскаго человѣка. Нѣтъ, ужь лучше этого не нужно. Якубъ-бекъ недоволенъ будетъ, договорилъ онъ въ полголоса.

Я подумалъ, что онъ бредитъ; казаки же, стоявшіе возлѣ, пришли просто въ ужасъ.

— А на базаръ пустятъ ли насъ? гулять по городу позволятъ ли? Это что за законъ! заговорили они въ одинъ голосъ. Я едва сдерживался, чтобы не сказать джузъ-башѣ что нибудь, что ему не понравилось бы, и если удержался, то только потому, что призналъ

(*) Мѣстное названіе гранатъ.

слова его необдуманными, что отчасти оказалось справедливымъ. Поразмысливъ немножко, онъ спросисъ меня чего я хочу, и когда я повторилъ ему о желаніи видѣть повѣреннаго купца Хлудова, перетолковалъ свой отвѣтъ, данный на это, и сказалъ, что пошлетъ за нимъ сейчасъ же, но какъ онъ живетъ отсюда далеко, то скоро не пріѣдетъ. Джузъ-баша ушелъ отъ меня.... Черезъ нѣсколько минутъ казаки видѣли его опять въ чалмѣ и при оружіи, ѣхавшимъ отъ караула въ сторону, гдѣ находится Джанга-Шаръ.

Слуга, взятый мною изъ Вѣрнаго, приготовилъ мнѣ обѣдъ, а джузъ-баша доставилъ десертъ, хотя и въ томъ обиліи, какое онъ выражалъ словами «много, много», но не того качества, какого слѣдовало бы. Жалкіе подносы, служившіе мнѣ въ дорогѣ, и теперь торчали предо мною, заваленные полусгнившими яблоками, анарами и виноградомъ. Мутная вода изъ какого-то арыка, доставленная въ глиняномъ кувшинѣ, перепортила только чай и была до того отвратительна, что нельзя было ее пить. Я спросилъ одного изъ прислуживавшихъ мнѣ кашгарцевъ: нельзя ли принести свѣжей воды? Онъ, ничего не отвѣчая, пошелъ къ джузъ-башѣ и доложилъ мою просьбу. Явился джузъ-баша, уже съ засученными рукавами, и опять началъ считать по пальцамъ: воды сколько хотите, ячменю лошадямъ много-много, а сѣна и не съѣдятъ.

— Слава Богу, хоть животныхъ-то пожалѣли! говорили про себя казаки.—Мы еще какъ нибудь перебьемся, водицы бы только хорошей, а скотина вѣдь и безъ того изнурилась.

На словахъ джузъ-баша былъ краснорѣчивѣе, чѣмъ на дѣлѣ. Воды хотя и принесли намъ сколько мы хотѣли, но все такой же негодной. Ячменю досталось лошадямъ не болѣе какъ по гарнцу, а вмѣсто сѣна дали рубленой соломы.

Посмотримъ что будетъ завтра, думалъ каждый изъ насъ. Дождались и завтра. Прежде всего я увидѣлъ черезъ дырочку на тюндюкѣ (*), что день ясенъ, и услышалъ музыку; потомъ увидѣлъ заглянувшую физіономію джузъ-баши и догадался, что онъ ждетъ моего пробужденія.... Подали мнѣ умыться, а потомъ чай, и при немъ все то же, что давали по утрамъ въ дорогѣ. Музыка между тѣмъ такъ и «завастривала», какъ выражались казаки о ней, «особливо флейка». Началась пальба, то рядами, то залпами.

Возлѣ юрты разговаривали казаки между собою и изъ ихъ словъ я понялъ, что имъ удалось видѣть ученье, что оно «идетъ согласно, музыка смѣшная, генералъ толстый, въ халатѣ, барабанъ по-

(*) Войлокъ, прикрывающій юрту сверху.

хожъ на пожарную бочку, и пушекъ множество». Джузъ-баша торопился нарѣзывать мнѣ мясо и подливать въ чашку чаю, должно быть полагая, что я пойду также смотрѣть ученье. Я угадалъ его мысль и не торопился съ чаемъ. Ученье кончилось; я вышелъ къ казакамъ, поздоровался съ ними, посмотрѣлъ на нашихъ лошадей, заглянулъ подъ кухонный навѣсъ, взялъ книгу и усѣлся на тумбѣ. По двору безпрестанно проходила кашгарская прислуга: кто съ метлой, кто съ лопаткой, а кто такъ, только съ открытымъ ртомъ. Всякій изъ нихъ смотрѣлъ на меня изъ-подлобья, по возможности, обходя подальше. Изъ задняго двора мнѣ виднѣлись съ тумбы хвосты лошадей, да нѣсколько ногъ въ русскихъ сапогахъ, свѣсившихся съ насыпи, подобной парамъ, возлѣ входа на тотъ дворъ.

Тишина во дворѣ прерывалась только отчаяннымъ крикомъ пѣтуха, предчувствовавшаго, что его недаромъ принесли съ связанными ногами на кухню. Слуга мой въ фартукѣ ходилъ безпрестанно отъ кухни къ калиткѣ и что-то ворчалъ про себя. Мнѣ надоѣло шатанье его, и я, полагая, что онъ ходитъ къ калиткѣ смотрѣть что дѣлается за нашимъ дворомъ, хотѣлъ его остановить, но онъ предупредилъ, жалуясь на джузъ-башу, что до сихъ поръ не несутъ ни мяса, ни крупы. Урядникъ тоже подошелъ и жаловался, что лошади не ѣдятъ соломы и что ячменя поутру отпустили очень мало.

Я позвалъ джузъ-башу, усадилъ его возлѣ себя, вынулъ изъ кармана горсть серебра и, отдавая ему, просилъ послать на базаръ за мясомъ, ячменемъ и клеверомъ. Онъ испугался.

— Развѣ мнѣ жизнь надоѣла, что я рѣшусь купить для васъ хоть что-нибудь на ваши деньги? да и зачѣмъ покупать, когда для васъ все это есть отъ аталыка? Мясо сейчасъ принесутъ, а ячменю полонъ амбаръ, и весь для васъ. Вотъ сѣна только достать трудно, здѣсь лошадей кормятъ соломой, да и то я распорядился, чтобы къ вечеру было.

— А вы такъ, по-сартовски, какъ я, умѣете сидѣть? спросилъ онъ меня вдругъ, какъ бы ни съ того, ни съ сего.

— Не то, что не умѣю, а не могу: штрипки и шпоры мѣшаютъ....

— Да, да, да, заголосилъ онъ, будто обрадовался чему. А зачѣмъ вы носите съ собою носовой платокъ?

— Такой обычай, сказалъ я.

— Казаки обходятся же безъ платковъ, замѣтилъ онъ.

— Кто какъ привыкъ.... только я и нашелся отвѣтить на этотъ вопросъ, неимѣвшій, какъ мнѣ казалось тогда, никакой важности.

— Вотъ что, озадачилъ я его въ свою очередь:—какъ бы дать намъ человѣка, чтобы показалъ казакамъ дорогу на базаръ: хотятъ кое-что купить для себя.

Вытянулась физіономія джузъ-баши; не нравилось ему это желаніе....

— А что же русскій не приходитъ? добавилъ я.

Джузъ-баша сдѣлалъ гримасу и пожалъ плечами.

— Не знаю, сказалъ онъ. А что до базара, то какой здѣсь базаръ? совсѣмъ нѣтъ базара и идти не зачѣмъ; что нужно кому, то и сюда принесутъ.

— Да казакамъ хочется, главное, прогуляться; у насъ обычай такой, чтобы гулять по базару, у кого время есть.

— Какой обычай удивительный! Какъ же гулять по базару, когда базара совсѣмъ нѣтъ. Ладно, я скажу аталыку, а теперь послать некого съ казаками.

— Кстати, вотъ еще что, сказалъ я:—вы знаете, на пикетѣ Джалтантасъ есть четыре нашихъ почтаря, да здѣсь со мною одинъ, такъ я хотѣлъ бы послать съ ними письмо военному губернатору.

— Письмо? спросилъ джузъ-баша, не довѣряя своему слуху.— Нѣтъ, этого нельзя.

— Почему? спросилъ я.

— Обычая нѣтъ, отвѣтилъ онъ коротко.

— Какъ обычая нѣтъ? я привезъ же сюда письмо отъ вашего посла, да раньше того онъ посылалъ Якубъ-беку отъ насъ нѣсколько писемъ.

— Отъ васъ писать можно сюда—на это есть законъ, а отсюда къ вамъ—этого закона нѣтъ.... Физіономія его, этотъ разъ, выражала не столько удивленіе, сколько нахальство. Онъ развернулъ кусочекъ кожи, въ который былъ закрученъ нюхательный табакъ, положилъ себѣ преизрядную щепотку въ ротъ, за-щеку, отеръ пальцы о халатъ и началъ засучивать рукава.

Я всталъ и, не говоря ни слова, направился въ свою юрту.

— Таксыръ, кричалъ мнѣ вслѣдъ и, забѣгая впередъ, джузъ-баша, таксыръ, не сердитесь на меня, у меня и безъ того чуть-только голова держится на плечахъ. Если я вамъ не угожу, меня казнятъ.

Я слышалъ изъ юрты, какъ казаки усаживались за ужинъ, состоявшій, въ теченіе всего времени нашего пребыванія въ Кашгарѣ,

изъ супа и пилау, какъ потомъ они бросили ужинъ, увидя, что во дворъ внесли огромные мѣшки съ сѣномъ и кули съ сарачинской крупой вмѣсто ячменя.

Джузъ-баша, сдавъ урядинку эту провизію, съ тарелкой въ рукѣ, подошелъ къ моей юртѣ, окликнулъ меня и затѣмъ вошелъ.

— Кавурдакъ жена прислала мнѣ изъ дому, пожалуйста покушайте.

Я обласкалъ джузъ-башу сколько умѣлъ, сунулъ ему потихоньку денегъ въ руку и взялъ кавурдакъ. Джузъ-баша деньги не взялъ; онъ казался мнѣ совсѣмъ измученнымъ, особенно если я наблюдалъ его походку. Дѣйствительно, онъ былъ цѣлый день на ногахъ, безпрестанно являясь ко мнѣ то по моему зову, то по имъ самимъ выдуманному дѣлу. Когда разложили въ юртѣ огонь, внутренность ея приняла другой видъ, нелишенный нѣкоторой прелести: пламя поднималось почти до половинной высоты юрты и придавало иной цвѣтъ вещамъ, разложеннымъ тамъ и сямъ на коврахъ и развѣшаннымъ на «кирегахъ» (деревянныя основы юрты); оружіе мое и все металическое, бывшее въ юртѣ, заблестѣло при этомъ свѣтѣ и двѣ зажженныхъ стеариновыхъ свѣчи, казавшіяся мнѣ до того времени болѣе чѣмъ удовлетворявшими надобности, приняли видъ блѣдныхъ огненныхъ языковъ ни къ чему ненужныхъ. Я погасилъ ихъ и любовался своей обстановкой. Ровно въ шесть часовъ послышалась музыка: труба, потомъ флейта, барабанъ и рогъ. Игра эта не походила на ту, что я слышалъ утромъ во время ученья; тамъ замѣчалась какая-то невыдержанность; маленькая флейта суетилась, должно быть импровизируя и пронзительными звуками стараясь заглушить все, даже барабанъ; она, какъ мѣтко выразились казаки «завастривала» изо всей силы, не заботясь о тактѣ, и нерѣдко вставляла, въ видѣ варьяцій, что-то напоминавшее наши русскія пѣсни. Тутъ же было совсѣмъ другое: начала труба довольно смѣло и правильно, и вмѣстѣ съ тѣмъ исподоволь, какъ бы пробуждая окрестности и подготовляя ихъ услышать что-то интересное. Прозвучавъ одно колѣно, она затихла такъ же спокойно, какъ начала. Послѣ небольшой паузы снова раздались звуки той же трубы и еще нѣсколькихъ инструментовъ; игра шла согласно и напоминала мнѣ почему-то нашу зорю. Ничѣмъ непарушаемая тишина кругомъ давала просторъ этой музыкѣ и не поглощала ни одной малѣйшей нотки. На нѣсколько секундъ музыка прекращалась и затѣмъ начиналась снова ровно и согласно. По окончаніи втораго колѣна, пауза была нѣсколько продолжительнѣе, чѣмъ бываетъ у насъ, во время

зори, послѣ команды «шапки долой». Третье колѣно по своей гармоніи не отличалось отъ втораго; но характеръ его въ срединѣ былъ нѣсколько веселѣй, а конецъ, постепенно затихая, казалось, утонулъ во мракѣ, уже совсѣмъ спустившемся надъ Кашгаромъ. Кончилась музыка—и все будто замерло кругомъ, только трещалъ мой костеръ, замѣтно осѣдая на обгорѣлыхъ полѣньяхъ.

Что это за музыка, меня интересовало не на шутку. Въ это время сарты обыкновенно ѣдятъ, а потому мнѣ пришло на мысль, не придворная-ли музыка забавляетъ Якубъ-бека, пока онъ кушаетъ. Мнѣ не хотѣлось откладывать до завтра разъясненіе вопроса, а безпокоить джузъ-башу, только что ушедшаго отъ меня, тоже казалось мнѣ неудобнымъ. Казаки не пропустили безъ вниманія этой музыки. Урядникъ окликнулъ меня у полога юрты и спросилъ позволенія войдти. «Слыхали музыку, ваше благородіе»? спросилъ онъ; «какъ чудесно играетъ».—«Что это зоря, или просто забава?»—«Прислужникъ сартъ сказываетъ, что эта музыка играетъ каждый вечеръ, когда въ крѣпости ученье идетъ; только вретъ, должно быть; имъ что есть слова нельзя вѣрить: скажетъ, да сейчасъ же и отопрется.... ну ужь и народъ бѣдовый».

— А поили ли лошадей? спросилъ я.

— Какъ же, поили. Только насъ однихъ не пускаютъ на водопой; выгоняютъ напередъ всѣхъ прислужниковъ къ арыку, чтобы, значитъ, къ намъ народъ не допускать, а потомъ все торопятъ скорѣй назадъ.... Тутъ давеча пробрался къ намъ на задній дворъ китаецъ—робко продолжалъ урядникъ—все спрашиваетъ скоро ли ихъ выручать придемъ. Говоритъ, а у самого такъ слезы и текутъ. Вы, говоритъ, русскіе, намъ все одно, что родные; слыхали мы, говоритъ, что тѣ кто ушелъ къ вамъ теперь и горя не знаютъ; али ужь мы здѣсь погибнемъ?... Разсказывалъ, какъ ихъ, значитъ, сарты полонили. И Боже мой, говоритъ, сколько убитыхъ было! Стали мы это его распрашивать прижамши къ стѣнкѣ, а сартенокъ одинъ востроглазый, провалились; онъ совсѣмъ, такъ все и смотритъ; но мы китайца уберегли, никто его не видалъ, а то, говоритъ, секиръ башка будетъ, когда узнаютъ, что къ русскимъ ходилъ».

Посовѣтовавъ урядинку прежде всего и больше всего осторожность, я спросилъ его, что онъ видѣлъ на ученьѣ и какое вынесъ о немъ впечатлѣніе.

— Да какъ вамъ сказать—говорилъ онъ—народу много, маршируютъ, стрѣляютъ, дѣлаютъ разныя построенія какъ ученые, только войско ненадежное. Этотъ самый китаецъ сказывалъ, что, молъ,

учимся, да только не въ утѣху сартамъ. Какъ только до дѣла коснется, первые имъ хвостъ, говоритъ, покажемъ. Пришли бы, сюда, говоритъ, русскіе, то какъ есть всѣ китайцы къ нимъ бы пристали и супротивъ Якубъ-бека пошли бы.... Только одного китайца выпроводили, другой прибѣжалъ, уже въ сумерки, тоже сказываетъ: когда русскіе придутъ Кашгаръ брать, насъ, китайцевъ, Якубъ-бекъ вышлетъ противъ нихъ впередъ: пускай русскіе въ насъ не стрѣляютъ, мы тоже будемъ либо холостыми палить, либо на воздухъ; распознать насъ, говоритъ, легко: всѣ мы будемъ въ желтыхъ куртках. Эти слова китаецъ просилъ передать вашему благородію.

По уходѣ урядника, я взялся за памятную книжку, но этотъ день былъ такъ бѣденъ происшествіями, что записывать, кромѣ показаній барометра, да заявленій китайцевъ, было нечего. Весь день, кромѣ джузъ-баши, прислужниковъ изъ кашгарцевъ и своихъ казаковъ, я никого не видѣлъ. Я засыпалъ съ мыслью о предстоявшей на другой день аудіенціи, обѣщанной мнѣ Якубъ-бекомъ.

Ночь была теплая.

На другое утро меня разбудила та же отвратительная флейта, что и наканунѣ утромъ; возлѣ моего кургана шло ученье. Я опять не торопился вставать, чтобы показать свое равнодушіе къ военнымъ упражненіямъ, хотя еще съ вечера распорядился, чтобы казаки не упустили случая выйдти на валъ и наблюдали бы каждый за особою частью: одинъ за пѣхотой, другой за кавалеріей, третій за артилеріей и т. д.

Джузъ-баша подходилъ нѣсколько разъ къ моей юртѣ, окликалъ меня и, наконецъ, вошелъ. За нимъ вошли въ юрту еще два лица, говорившія по-русски. Одинъ былъ помоложе, чала-казакъ (*), а другой почему-то заставлялъ подозрѣвать въ себѣ бѣглаго солдата. У меня не достало духу предложить имъ выйдти изъ юрты, пока я не одѣнусь, а вслѣдствіе этого оставалось одно: предложить имъ сѣсть. Лежа подъ одѣяломъ, я выслушалъ отъ чала-казака, на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, поклонъ отъ какого то есаула, и затѣмъ нѣсколько фразъ, въ видѣ полувопросовъ, на щекотливыя темы, отвѣтъ на которыя можно было дать съ величайшею осторожностью и никакъ не вдругъ. Чтобы оттянуть время, я потягивался, протиралъ глаза и началъ молча переодѣвать бѣлье.

— Не разложить ли огонь, а то холодно въ юртѣ? сказалъ джузъ-баша.

(*) Чала-казакъ у киргизовъ тоже, что не помнящій родства у насъ.

— Да, мы, русскіе, не привыкли жить въ юртахъ; тутъ и простудиться недолго, особенно въ холодное время.

— Какъ, развѣ русскіе придутъ сюда? вмѣшался оживленно чала-казакъ.

— Зачѣмъ? спросилъ я.

— Да вы же говорите, что русскимъ будетъ здѣсь неудобно.

Послѣ этого чала-казакъ всталъ, видимо довольный, что вывѣдалъ что-то, и готовый уйти, вѣроятно подѣлиться съ кѣмъ нибудь новостью.

Еще только онъ разинулъ первый разъ свой ротъ, я замѣтилъ, что онъ пришелъ искушать меня и ловить на словахъ. Послѣ этого я сталъ еще сдержаннѣе, и не думаю, чтобы на лицѣ моемъ не отразилась внутренняя досада.

— Если вы не станете брать Кашгаръ, то какіе теперь города на очереди? спрашивалъ или, вѣрнѣе, допрашивалъ меня чала-казакъ.

Послѣ нѣкотораго раздумья, не выгнать ли мнѣ этого господина изъ юрты, я вспомнилъ, что онъ отрекомендовался мнѣ посланнымъ отъ есаула-баши, слѣдовательно лицомъ неважнымъ, неимѣющимъ, по своему значенію, никакого вліянія на политику, а потому удержался этотъ разъ и, какъ бы нехотя, отвѣтилъ, что у насъ и своей земли довольно, такъ чужой намъ ненужно, что мы ищемъ только мира и согласія съ сосѣдями.

— А Коканъ возьмете?

— Съ какой стати, когда Худояръ-ханъ (*) нашъ большой другъ, сказалъ я безъ запинки и съ немалымъ удивленіемъ такому вопросу.

Чала-казакъ съ товарищемъ переглянулись, какъ бы приглашая одинъ другаго подняться и раскланяться. Въ это время, возлѣ юрты, послышались шаги нашихъ казаковъ, возвращавшихся съ ученья. Они разговаривали между собою. Тишина въ юртѣ позволила слышать ихъ каждое слово.

— А вѣдь баталіона два будетъ? говорилъ одинъ другому. — А конницы, какъ думаешь, сколько? съ полкъ наберется?

Гости мои перемигнулись и посмотрѣли на меня.

— Казаки все любуются вашимъ ученьемъ, сказалъ я, и насчитываютъ солдатъ до шести тысячъ; не ужели ихъ столько училось сегодня?.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, сказалъ молчавшій до того времени товарищъ чала-казака; они считаютъ, значитъ, пѣхоты два ба-

(*) Коканскій ханъ.

таліона, а въ баталіонѣ вѣдь всего полагается 1,000 человѣкъ съ нестроевыми, это я доподлинно знаю; а вотъ про полкъ конницы такъ ничего не могу сказать.

Этимъ онъ убѣждалъ меня окончательно, что бѣжалъ изъ нашей пѣхоты. Проговоривъ это, можетъ быть противъ своей воли, онъ смутился, а затѣмъ, поднявшись съ ковра, вышелъ отъ меня съ чала–казакомъ.

Я поджидалъ приглашенія къ Якубъ–беку, но проходилъ часъ за часомъ, за мною никто не являлся. Джузъ–баша, на вопросъ мой: скоро–ли я пойду въ дворецъ—пожималъ плечами скорѣй отрицательно, чѣмъ неопредѣлительно. Скучно и однообразно тянулся день до самаго вечера. Я обѣдалъ довольно поздно, такъ какъ провизію доставили только къ двумъ часамъ, и отказался отъ чаю, потому что онъ былъ мутнѣе квасу.

Вечеромъ то же освѣщеніе и согрѣваніе моей юрты, та же музыка, понравившаяся мнѣ еще больше, чѣмъ вчера, хотя, сколько я могъ припомнить, игра была одна и та же. Тутъ я узналъ, что это зоря, послѣ чего запираются ворота Джанга–Шара.

Когда замерли послѣдніе звуки музыки, въ юрту мою вошелъ съ джузъ-башей незнакомый мнѣ человѣкъ. Не говоря ни слова и не поздоровавшись со мною, онъ сѣлъ у костра, будто пришелъ погрѣться и отъ–нечего дѣлать копалъ лучинкой пепелъ подъ горѣвшими дровами. Въ это время я дѣлалъ опыты съ чаемъ, завареннымъ въ водѣ, дважды перелитой послѣ отстоя. Хотя чай былъ еще мутенъ, но можно было пить. Я предложилъ вошедшимъ по стакану и жаловался джузъ–башѣ на скуку.

— Хоть бы вы учили меня читать и писать по–мусульмански, а то стыдно мнѣ будетъ, если поживу здѣсь нѣсколько дней и не пріобрѣту никакихъ познаній въ вашей грамотѣ.

— Я самъ неграмотный, сказалъ джузъ–баша; учить не могу.

— Этого быть не можетъ, вѣдь вы мулла, и иначе кричали бы пять разъ въ день молитву.... Джузъ–баша старался увѣрить меня, что онъ неграмотенъ и, какъ видно, лгалъ. Я замолчалъ. Въ это время началъ прокашливаться мой гость, вошедшій съ джузъ–башей.

— Толмачъ, проговорилъ онъ въ полголоса.

Тогда я догадался, что этотъ, на видъ лѣнивый, сартъ безъ надобности не пришелъ бы ко мнѣ, и крикнулъ изъ юрты, чтобы пришелъ переводчикъ.

— Вы говорили, передавалъ онъ мнѣ черезъ переводчика, что съ Худояръ–ханомъ русскіе въ большой дружбѣ; но Якубъ-бекъ, все равно, Худояръ–хана не боится. Худояръ–ханъ противъ него ничего не стоитъ и придти сюда не смѣетъ. Якубъ–бекъ, однимъ словомъ, никого не боится.

Я ожидалъ продолженія; но гость мой, послѣ нѣкоторой паузы, всталъ и ушелъ.

Ясно было, что человѣкъ этотъ говорилъ не отъ себя, а по порученію, или, по крайней мѣрѣ, съ вѣдома Якубъ–бека, а потому нечего было и ждать въ этотъ вечеръ аудіенціи.

Прошелъ и третій день моего пребыванія въ Кашгарѣ все по той же програмѣ, съ тою лишь разницей, что никто изъ сартовъ, кромѣ джузъ–баши, не заглядывалъ ко мнѣ въ юрту, а этотъ намекнулъ мнѣ, что Якубъ–бекъ мною недоволенъ.

О русскомъ повѣренномъ я не могъ ни отъ кого узнать хоть что нибудь. Это усиливало мое безпокойство. Казаки повѣсили головы; они помирились съ своимъ положеніемъ, но высказывали опасеніе, чтобы не было чего–нибудь худшаго. Про базаръ ужь они не поминали и надъ Тумомъ не трунили. Этотъ день я остался почти безъ обѣда, потому что пѣтухъ, изъ очень старыхъ, не могъ свариться, баранины же я не приказалъ готовить, а фрукты на десертъ столько же походили на яблоки и виноградъ, сколько трупъ похожъ на живое тѣло. Отказавшись еще накапунѣ отъ чаю, я расчитывалъ получить молоко, которое и приказалъ кипятить къ утру и вечеру. Я ошибся, полагая, что молоко будетъ содержать въ себѣ меньше постороннихъ веществъ чѣмъ вода: молоко это я узналъ только по цвѣту и, на другой день, уже просилъ джузъ–башу не безпокоиться доставлять мнѣ такой жидкости. Онъ немало удивился, что я забраковалъ молоко, попробовалъ его, поморщился и выплюнулъ. «Ладно», проговорилъ онъ, «поищемъ корову, и пусть она пасется возлѣ кургана и при вашихъ людяхъ доятъ ее». Поздно вечеромъ, когда я ложился спать, пришелъ ко мнѣ джузъ–баша съ тарелкой кавурдака и почему–то былъ болѣе обыкновеннаго разговорчивъ. Говоря о Якубъ–бекъ, онъ приписывалъ ему милосердіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпредѣльную жестокость. Я узналъ отъ него, что для Якубъ–бека нѣтъ человѣка, съ которымъ бы онъ не сдѣлалъ что захочетъ, если человѣкъ ему не нравится. Между прочимъ джузъ– баша сказалъ мнѣ, что Якубъ–бекъ убилъ своего роднаго сына и ни съ кѣмъ не церемонится. Въ концѣ концовъ, желая мнѣ покойной ночи, онъ замѣтилъ, что мною Якубъ–бекъ недоволенъ и позоветъ–ли къ себѣ неизвѣстно, а равно и то, когда я отсюда уѣду.

Пятый день не отличался отъ прочихъ почти ничѣмъ. Небо было

ясно и воздухъ тепелъ, курганъ мой выметенъ, лошади накормлены и напоены. Я уже пересталъ браться за книгу, а отъ скуки ходилъ взадъ и впередъ передъ юртой, по вытоптанной мною дорожкѣ.

Предположенія, самыя разнообразныя и неутѣшительныя, приходили мнѣ въ голову. Мысли мои неслись по временамъ на Богушты, и я воображалъ себѣ, какъ снѣгъ заваливаетъ теперь этотъ проходъ и строитъ мнѣ непреодолимыя барикады. Пройдетъ еще нѣсколько дней—и я, благодаря уже одному снѣгу, буду плѣнникомъ до весны.

Вотъ когда тяжелая рука судьбы давала мнѣ себя чувствовать. Умри Шади-мирза въ Россіи, хотя бы даже отъ случайной болѣзни и хотя бы среди самыхъ родительскихъ заботъ о немъ со стороны русскихъ, подозрительный Якубъ-бекъ приписалъ бы смерть его насилію и, конечно, мнѣ было бы мѣсто на висѣлицѣ. Душевныя страданія, которымъ я не видѣлъ конца, не внушали мнѣ этотъ разъ желанія Шади-мирзѣ благополучнаго пути, что имѣло непосредственное вліяніе и на мое благополучіе. Я скорѣй желалъ, чтобы онъ провалился гдѣ-нибудь сквозь землю и потянулъ бы туда и меня. Мнѣ кажется, никогда я не былъ бы въ состояніи встрѣтить смерть такъ спокойно, какъ тогда. Въ юрту къ себѣ я почти не заглядывалъ, а когда уставалъ ходить, садился на тумбу, отдыхалъ нѣсколько минутъ, и снова гулялъ по дорожкѣ. Джузъ-баша, проходя нѣсколько разъ по двору, поглядывалъ на меня, но не рѣшался заговорить; я первый прервалъ молчаніе, спросивъ: покажутъ ли мнѣ наконецъ русскаго прикащика?

— Отдыхайте, отдыхайте, сказалъ онъ мнѣ на это; вы еще недавно пріѣхали сюда. Отчего это вы все ходите: скучно вамъ или на кого сердитесь?

— Надоѣло сидѣть поджавши подъ себя ноги, сказалъ я, а потому гуляю.

Какъ дотянулся день до вечера, не помню. Уже давно проиграли зорю, погасъ мой костеръ, и я, ворочаясь съ боку на бокъ, мучился безсонницей, зажигалъ и гасилъ безпрестанно свѣчу, брался за книгу и бросалъ ее, когда чувствовалъ, что вѣки тяжелѣютъ и сонъ какъ будто овладѣваетъ мною. Послышались вблизи шаги нѣсколькихъ лошадей, затѣмъ брякнуло оружіе, я прислушался и не сомнѣвался, что кто-то подъѣхалъ къ калиткѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ, голосъ джузъ-баши, смѣшиваясь со стукомъ отъ человѣческихъ шаговъ и побрякиваніемъ оружія, приближался къ юртѣ. Я зажегъ свѣчу и приподнялся въ постели.

Въ юрту вошли четыре человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ джузъ-баша, двое одѣтые воинами, въ высокихъ шапкахъ, съ ружьями, шашками и щитами, и еще одинъ, по костюму котораго трудно было опредѣлить націю, къ которой онъ принадлежалъ. Первые три оставались у порога, а послѣдній подошелъ къ моей постели и проговорилъ чистымъ русскимъ языкомъ:—«Здравствуйте! Честь имѣю рекомендоваться, повѣренный купца Хлудова, Кривошеинъ». Я вскочилъ отъ радости, видя передъ собой живымъ человѣка, котораго считалъ уже на томъ свѣтѣ. Я не зналъ прежде Кривошеина, но въ эту минуту не допускалъ мысли о какомъ нибудь подлогѣ. Радость моя была непродолжительна. Г. Кривошеинъ не далъ мнѣ даже разинуть рта, чтобы пригласить его сѣсть, какъ началъ, стоя посреди юрты, довольно длинную рѣчь слѣдующаго содержанія и почти слово въ слово: «Какъ я счастливъ! Аталыкъ (*) скупилъ у меня весь товаръ очень выгодно, и теперь ужь я оканчиваю наборъ шелка и на дняхъ буду готовъ въ дорогу. Мнѣ поручено вамъ сказать, что вы человѣкъ гордый, требовательный, и что это Якубъ-беку не нравится, а потому будьте осторожны; если у него поднялась рука на роднаго сына, то съ вами онъ не поцеремонится».

Проговоря это, г. Кривошеинъ сѣлъ возлѣ меня и уже въ полголоса, съ умоляющимъ видомъ, просилъ меня пожалѣть если не себя, то хоть тѣхъ русскихъ, которые въ то время находились въ Кашгарѣ. Я не зналъ что отвѣчать ему: обвиненія были для меня неясны, и потому не было возможности сообразить, въ состояніи-ли я исправить дѣло, если такъ испортилъ его. Люди, стоявшіе у порога, сѣли и внимательно слѣдили за нами. Г. Кривошеинъ, переведя духъ, продолжалъ:—«Зачѣмъ вы не такъ какъ слѣдуетъ сидѣли передъ Якубъ-бекомъ? зачѣмъ вы въ то время сморкались? зачѣмъ настаивали на свиданіи со мною? зачѣмъ спрашивали позволенія казакамъ гулять по городу? зачѣмъ просили отправить ваше письмо въ г. Вѣрный и, наконецъ, зачѣмъ хвалили Худояръ-хана?...»

Вмѣсто отвѣта, я замѣтилъ г. Кривошеину, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, не посѣтивъ меня тотчасъ же, когда я его приглашалъ, чрезъ что и поставилъ меня въ необходимость справляться о его существованіи и настаивать на свиданіи съ нимъ. Г. Кривошеинъ извинялся, что не имѣлъ времени до сихъ поръ навѣстить меня. Онъ былъ какъ растерянный и безпрестанно упрашивалъ меня пожалѣть русскихъ. Разговаривать намъ въ присутствіи постороннихъ

(*) Правитель Кашгара, Якубъ-бекъ.

лицъ было больше не о чемъ. Молчаніе прерывалось только короткими вопросами и отвѣтами, въ родѣ того: «Останетесь здѣсь ночевать?» спросилъ я? «Не знаю», отвѣчалъ онъ.

Вѣрно онъ хорошо исполнилъ возложенное на него порученіе: воины и джузъ-баша вышли изъ юрты поговорить о чемъ-то и мы остались вдвоемъ.

— Ради Бога, что вы дѣлаете! говорилъ мнѣ оживленно г. Кривошеинъ.—И безъ того мы здѣсь на волоскѣ висимъ. Меня къ вамъ не пускали, и не пустили бы, если бы не такое поведеніе ваше. Ситецъ мнѣ приказали продавать не дороже 16 копѣекъ за аршинъ, а иначе предложили идти назадъ. Я также запертъ, какъ и вы, но ужь терплю, чтобы только выпустили. Свободы въ торговлѣ мнѣ также нѣтъ: Якубъ-бекъ забралъ ситецъ и только за день до вашего пріѣзда началъ мнѣ платить шелкомъ. Ихъ никакъ не поймешь: пошлину я давалъ—не взяли, а верблюды мои мнѣ нужны: 30 штукъ отобрали и заплатили по 60 рублей, тогда какъ они мнѣ самому стоютъ по 75 рублей каждый.

Тутъ опять вошли въ юрту кашгарцы, и г. Кривошеинъ началъ краснорѣчиво хвалить Якубъ-бека и его государственнаго казначея, указывая на одного изъ двухъ воиновъ, составлявшихъ его конвой. Я узналъ въ казначеѣ того самаго пахала, который безцеремонно торопилъ меня въ день пріѣзда въ Кашгаръ на аудіенцію Якубъ-бека. Когда казначей снялъ съ себя оружіе и, преобразовавшись въ мирнаго гражданина, легъ возлѣ моего костра, лѣниво копая лучиночкой въ пеплѣ, мнѣ показалось фигура его знакомой, и скоро я припомнилъ, что это тотъ самый, который приходилъ ко мнѣ сказать, что Якубъ-бекъ Худояръ-хана не боится. Г. Кривошеинъ называлъ казначея своимъ другомъ и при немъ же совѣтывалъ и мнѣ съ нимъ подружиться, какъ съ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ. Я протянулъ казначею руку.... физіономія его сдѣлалась нѣсколько веселѣй. Г. Кривошеина удивляло, что я, живя въ Кашгарѣ пять дней, не сошелся еще съ такимъ человѣкомъ и этому приписывалъ скуку мою и неудовольствіе на меня Якубъ-бека. Переводчикъ Кривошеина—нашъ татаринъ—тоже шепталъ мнѣ: «нужный человѣкъ, подарить его надо, но только безъ свидѣтелей». Пошептавшись съ казначеемъ, онъ добавилъ мнѣ тихонько: «онъ завтра къ вамъ въ гости придетъ, приготовьте гостинецъ».

Благодаря своей дружбѣ съ казначеемъ, г. Кривошеинъ выпросился переночевать въ моей юртѣ. Насъ оставили вдвоемъ. Отсутствіе посторонихъ дало возможность только попенять на Якубъ-бека,

такъ какъ намъ, жившимъ взаперти и поэтому ничего не знавшимъ такого, что стоило бы передавать другъ другу, говорить было не о чемъ. Мы заснули въ увѣренности, что увидимся еще завтра, но ошиблись въ расчетѣ. На разсвѣтѣ г. Кривошеина разбудили и, не давъ проститься со мною, увезли куда-то. Съ тѣхъ поръ я его уже не видѣлъ въ Кашгарѣ. Посѣщеніе Кривошеина освѣжило меня и развѣяло много моихъ мрачныхъ мыслей. Что касается неудовольствія на меня Якубъ-бека, то кое въ чемъ я успѣлъ уже отчасти оправдаться: такъ, напримѣръ, я объяснилъ, что штрипки и шпоры мѣшали мнѣ сидѣть на полу, поджавъ подъ себя ноги, почему я и сидѣлъ скрестивъ ихъ передъ собой; а что касается прочаго, то я уже и безъ того не повторялъ своихъ требованій. Погода стояла прекрасная и трудно было представить себѣ, что это былъ конецъ октября. Къ обѣду мнѣ принесли молодую курицу и свѣжіе фрукты, а также объявили, что за стѣнами моего двора пасется якъ (тибетская корова), предназначенная мнѣ для пользованія молокомъ. Въ этотъ день все шло нѣсколько иначе: джузъ-баша казался веселѣй и походка его оживленнѣе; онъ напомнилъ мнѣ желаніе мое, высказанное еще дорогой въ Кашгаръ, пріобрѣсть аргамака, и хотя не указалъ способовъ къ покупкѣ, но далъ легкій намекъ, что это не невозможно. Онъ даже объяснилъ мнѣ одну изъ причинъ, почему казакамъ непозволено гулять по базару: «чтобы ихъ тамъ не обидѣли». Видя, что дѣло налаживается, я уже не возражалъ. Похваливъ джузъ-башу, можетъ быть и не кстати, за молодцоватую осанку, которой, впрочемъ, вовсе не было замѣтно, я усадилъ его возлѣ себя и попытался распросить о томъ, какъ кашгарцы поработили китайцевъ. Я зналъ уже его слабую струнку, а потому и началъ съ рубца на его головѣ, выглядывавшаго изъ подъ аракчина. Услышавъ уже не въ первый разъ отъ него, что рубецъ этотъ пріобрѣтенъ имъ за мирныя добродѣтели—усмиреніе буйнаго товарища еще въ дѣтствѣ—я сознался въ ошибочномъ предположеніи, что это слѣдъ китайской шашки.

— Гдѣ имъ дуракамъ достать мою голову! проговорилъ онъ, вполнѣ извиняя мою ошибку и дѣлая, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрительную гримасу, относившуюся къ китайцамъ.

Мало по малу онъ высказался болѣе, чѣмъ я слышалъ отъ него прежде.

— Дѣло вышло просто изъ-за пустяковъ, говорилъ онъ: мы стали китайцевъ въ свою вѣру звать, а они не соглашались; ну, вотъ мы ихъ и перерѣзали.

Въ это время два кашгарца внесли въ юрту дрова. Одинъ изъ нихъ, почтенныхъ лѣтъ, постоянно раскладывавшій у меня огонь, занялся раздуваньемъ углей, еще съ утра лежавшихъ подъ пепломъ, а другой присѣлъ возлѣ на корточкахъ. Я досадовалъ, что они мѣшаютъ джузъ-башѣ высказаться, но приходъ ихъ на этотъ разъ былъ къ лучшему. Старшій изъ нихъ, раздувъ огонь, подсѣлъ ко мнѣ и замѣтилъ, что если бы дзянь-дзюнь (*) не поссорился съ коканскимъ губернаторомъ, то ничего бы не было.—Дзянъ-дзюнъ, говорилъ онъ, жилъ въ Джанго-Шарѣ, гдѣ теперь живетъ Якубъ-бекъ, а коканскій губернаторъ въ городѣ. Сперва они были дружны, а потомъ, когда коканцевъ въ Кашгарѣ стало много, они поссорились.

— Отчего же поссорились? спросилъ я.

— Да мы стали китайцевъ въ свою вѣру звать, а они не хотѣли. Тогда пришелъ Якубъ-бекъ съ пятью стами человѣкъ войска. Мы всѣ пристали къ нему и у него на другой же день стало десять тысячъ.

— Тутъ-то мы имъ задали! прервалъ его джузъ-баша, дѣлая воинственные жесты.

— Кто же до этой рѣзни былъ въ Кашгарѣ хозяиномъ: китайцы или коканцы? спросилъ я.

Отвѣтили всѣ трое вмѣстѣ, но всѣ различно.

— А кого было больше, тѣ были и хозяева, рѣшилъ джузъ-баша: сперва китайцы, а потомъ мы.

— Да у васъ кто былъ начальникомъ?

— Коканскій губернаторъ.

— А на чьей землѣ вы жили: на коканской или на китайской?

— Да какъ насъ здѣсь стало много, такъ и земля стала наша, а до того была китайская.

— Кого вы признавали своимъ государемъ, когда начали приглашать китайцевъ въ свою вѣру: китайскаго богдыхана, или хана коканскаго?

— Конечно, хана коканскаго, отвѣтилъ джузъ-баша.

— Не понимаю, сказалъ я. Если вы жили на китайской землѣ, то какъ же могли подчиняться коканскому хану?

Джузъ-баша ухмыльнулся.

— Да вотъ хоть-бы у васъ, въ Алматахъ (**), живутъ наши люди, такъ развѣ для нихъ царемъ Акъ-паша (***), а не Якубъ-бекъ?

(*) Китайскій генералъ-губернаторъ.
(**) Г. Вѣрный, расположенный на рѣкѣ Алматы.
(***) Т. е. Бѣлый Царь—Государь Императоръ.

Такъ и тутъ: мы знали только своего хана, но пока насъ было мало, мы не стѣсняли китайцевъ въ ихъ вѣрѣ, а когда насъ прибыло, то.... На этомъ «то» и остановился разговоръ.

Старикъ ушелъ; джузъ-баша тоже, помолчавъ недолго, вышелъ, а третье лицо, остававшееся въ юртѣ, прикусило языкъ, и напрасно я задавалъ ему нѣсколько вопросовъ—они всѣ остались безъ отвѣтовъ.

Солнце закатывалось. Послышалась со всѣхъ сторонъ обычная молитва. Голосъ джузъ-баши, молившагося у калитки, казался громче и пронзительнѣе всѣхъ. Стало утихать кругомъ и время приближалось, по моимъ часамъ, къ шести. Я ждалъ зори. Музыка ея не переставала мнѣ нравиться, и каждый разъ, какъ я слышалъ ее, я сожалѣлъ, что не обладаю способностями музыканта и не могу переложить ее на ноты. Стихли ея послѣдніе звуки и мнѣ ждать ужь было нечего. Хотя я не забылъ, что государственный казначей хотѣлъ быть у меня въ этотъ день и что я долженъ былъ ему подарить что-нибудь, но почему-то мнѣ казалось, что онъ не придетъ сегодня.

Валяясь на ватныхъ матрацахъ и приноравливаясь, какъ бы улечься поудобнѣе, чтобы и отъ костра меня не пекло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освѣщало бы книгу, за которую я снова принялся, я не замѣтилъ, какъ очутился возлѣ меня джузъ-баша.

— Вы не забыли своего обѣщанія? сказалъ онъ мнѣ застѣнчиво.

Я въ первую минуту не могъ припомнить, что обѣщалъ ему.

— Часы, робко добавилъ онъ.

Я обрадовался и готовъ былъ даже обнять его, предполагая, что дѣла мои поправляются, если онъ рѣшается взять отъ меня подарокъ.

Вынувъ поспѣшно изъ чемодана новые серебряные часы, которые я дарилъ ему еще на послѣднемъ ночлегѣ передъ Кашгаромъ и которые онъ не принялъ тамъ, я сунулъ ихъ ему въ руку. Подержавъ ихъ нѣсколько секундъ, онъ выронилъ ихъ на матрацъ, точно испугавшись чего-нибудь.

— Нѣтъ, не надо.... боюсь! сказалъ онъ, всталъ и хотѣлъ выйти—открылъ уже пологъ моей юрты, постоялъ тамъ съ секунду и снова вернулся ко мнѣ.

— Возьму.... давайте!

Онъ медленно протянулъ руку къ часамъ, прошепталъ что-то, что я объяснилъ себѣ такъ: «ну, Господи, благослови».

Джузъ-баша ушелъ. Я лежалъ въ раздумьѣ, не рѣшаясь дать

себѣ положительнаго объясненія той связи, которая существовала между этимъ ничтожнымъ въ сущности обстоятельствомъ и моей участью. У калитки раздался топотъ лошадей, брякнуло оружіе, къ юртѣ моей приближались шаги. Скоро затѣмъ костеръ пылалъ еще ярче.... возлѣ меня сидѣли казначей, татаринъ и джузъ-баша. Мы ѣли кавурдакъ—я изъ своей тарелки ложкою, а прочіе господа изъ миски пальцами. Опорожнивъ миску, гости отерли свои руки о сапоги, а затѣмъ о полы халатовъ, рыгнули и повалились на бокъ.

— Что же подарите казначею? сказалъ шопотомъ татаринъ, когда джузъ-баша вышелъ изъ юрты съ посудой.

— Пусть беретъ все, что видитъ. Я отдамъ все, что онъ спроситъ.

Татаринъ перевелъ эти слова казначею.

— Якши, якши (*)! промычалъ казначей мигая.

Настало молчаніе. Казначей неторопливо повелъ глазами по стѣнкамъ юрты, осматривая всякую вещь тамъ висѣвшую. Я слѣдилъ за его взоромъ, переходившимъ по порядку отъ сюртука къ мундиру, кителю, пальто теплому, пальто лѣтнему, зеленому халату, подаренному мнѣ Якубъ-бекомъ, саблѣ, портупеѣ, револьверу, барометру, развѣшеннымъ по стѣнѣ, во избѣжаніе сырости въ чемоданахъ, или для того, чтобы имѣть всегда подъ руками. Когда взоръ казначея останавливался на револьверѣ или на барометрѣ, меня начинало коробить, пока вниманіе его не переходило на другой предметъ. Я только и желалъ, чтобы онъ остановился на чемоданахъ и ящикахъ, гдѣ были вещи, предназначенныя собственно для подарковъ. Но прежде чѣмъ добраться до нихъ, казначей указалъ рукою на мою енотовую шубу. Признаюсь, меня такъ и обдало жаромъ. Услужливый татаринъ снялъ ее съ вѣшалки и положилъ передъ нимъ. Казначей повелъ рукою по мѣху и спросилъ: что это за животное, не волкъ-ли? Мнѣ представлялся отличный случай сказать, что это дѣйствительно волчій мѣхъ и тѣмъ избавить шубу отъ вѣчнаго плѣна; но опасаясь, чтобы этимъ самымъ не привлечь еще большій интересъ казначея къ рѣдкостнымъ волкамъ, я молчалъ и обдумывалъ: не сказать-ли, что мнѣ безъ шубы будетъ холодно въ дорогѣ. Я уже готовъ былъ произнести это, какъ мнѣ представилась вся несостоятельность такой отговорки; онъ могъ мнѣ отвѣчать: «мы вамъ дадимъ на дорогу теплый бараній халатъ». Тогда дѣло было бы совсѣмъ дрянь. Потряхивая полой моей шубы, казначей все больше и больше любовался мѣхомъ. Не получая отвѣта на вопросъ, онъ

(*) Якши значитъ хорошо.

повторилъ: «не волки-ли это? или я самъ не знаю, что это за животное?»

Молчать далѣе уже не приходилось.

— Это не волкъ, сказалъ я, а особенная порода дикой свиньи.

Едва татаринъ успѣлъ перевести этотъ отвѣтъ, какъ шуба была уже далеко отъ казначея: онъ отодвинулъ ее прочь.

— Развѣ не нравится мѣхъ? спросилъ я. А какой теплый!

— Слишкомъ тяжелъ, отвѣтилъ онъ, дѣлая такую гримасу, будто только что принялъ порошокъ хины.

На стѣнкахъ юрты больше ничего не висѣло, а на опрокинутомъ пустомъ ящикѣ, покрытомъ салфеткой и замѣнявшемъ собою столикъ, стояли двѣ свѣчи въ накладнаго серебра подсвѣчникахъ и лежали мои карманные часы.

— Много-ли у васъ свѣчей? спросилъ казначей черезъ татарина.

Я отвѣтилъ, что безъ малаго пудъ.

— Если вы скоро увѣдете отсюда, то на что вамъ эти свѣчи? Въ Алматахъ, я думаю, у васъ еще есть такія....

Я догадался къ чему клонится вопросъ и обѣщалъ передъ отъѣздомъ оставить казначею и свѣчи, и подсвѣчники. Затѣмъ приказалъ слугѣ раскрыть ящики и чемоданы. Казначей съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривалъ каждую вещь, откладывая нѣкоторыя въ сторону. Я удивился его скромности, когда вещи болѣе цѣнныя, которыя ему очень нравились, онъ клалъ отъ себя подальше, давая этимъ понять, что притязанія на нихъ не имѣетъ. Переборка кончилась. Онъ придвинулъ себѣ нѣсколько вещицъ, въ числѣ которыхъ два фонарика съ увеличительными стеклами, шкатулку, коробку конфектъ и т. п.

— Вотъ это мнѣ нравится, сказалъ онъ. А эти болѣе цѣнныя вещи нужно подарить Якубъ-беку.

Я никакъ не ожидалъ, что у меня найдутся вещи достойныя повелителя Алтышара; но ихъ оказалось довольно много: все новое столовое бѣлье, кусокъ шелковаго репса, недорогіе золотые перстни, ящикъ конфектъ, бинокль, часы съ будильникомъ, термометръ, флаконъ духовъ, разные порт-монэ, фонарь и т. п.

— Если къ этому добавите еще револьверъ съ кабуромъ и шнуромъ, да складную желѣзную кровать, Якубъ-бекъ будетъ очень доволенъ, и то, что вы просили русскаго, повѣреннаго купца Хлудова, купить для васъ, онъ подаритъ вамъ.

Я радовался, что вещи мои получали такое высокое назначеніе,

но считалъ неловкимъ присоединить къ нимъ кровать, тикъ которой успѣлъ уже нѣсколько загрязниться въ дорогѣ.

— Ничего, сказалъ онъ, у Якубъ-бека нѣтъ такой кровати; у него есть похожая на эту, но такая тяжелая, что два человѣка насилу поднимаютъ.

Я предложилъ повременить одинъ день, чтобы обтянуть ее новой матеріей, и въ тотъ же вечеръ написалъ записку г. Кривошеину, прося прислать мнѣ краснаго сукна и чего-нибудь еще для замѣны тика и подкладки у моей кровати.

Казначей всталъ, чтобы идти, но пріостановился.

— Еще бы подарилъ мнѣ часы, сказалъ онъ татарину.

Я понялъ и, не дожидаясь перевода фразы, подалъ ему свои часы вмѣстѣ съ цѣпочкой. Они уже были не новы.

— А нѣтъ-ли новыхъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, и мнѣ объяснилось, почему джузъ-баша поторопился взять отъ меня часы ему обѣщанные.

Этимъ закончился вечеръ. Гости мои ушли, а я легъ спать послѣдній разъ на своей кровати. Предъ уходомъ татаринъ передалъ мнѣ отъ казначея, что онъ похлопочетъ о скорѣйшемъ отправленіи меня изъ Кашгара.

Казаки, слышавшіе кое-что происходившее въ юртѣ, догадывались о предстоящей перемѣнѣ къ лучшему, и долго въ ту ночь разговоръ ихъ не умолкалъ. Снова послышались ихъ безпечный смѣхъ и шутки.

На другое утро я всталъ съ совершенно здоровой душой.

Джузъ-баша, по обыкновенію ждавшій, когда я проснусь, спросилъ: не хочу-ли я видѣть ихъ воинское ученье, присовокупляя, что казначей пріѣзжалъ уже приглашать меня. Въ знакъ особаго расположенія, я изъявилъ желаніе. Это до того обрадовало джузъ-башу, что онъ не зналъ, сидѣть-ли ему со мною за чаемъ или бѣжать куда-нибудь. Позвавъ къ себѣ сразу нѣсколько человѣкъ, онъ разослалъ ихъ въ разныя стороны, а самъ нарѣзывалъ мнѣ мясо, наливалъ въ чашку молоко, обчищалъ яблоки и анары. Я не предполагалъ увидѣть на ученьѣ что-нибудь новое, такъ какъ уже зналъ о воинскомъ образованіи кашгарскаго войска изъ словъ казаковъ, по моему порученію добросовѣстно наблюдавшихъ за мельчайшими подробностями ученье въ продолженіе всѣхъ дней пребыванія нашего въ Кашгарѣ. Но все-таки видѣть самому войско Якубъ-бека, и видѣть не одинъ разъ, было моей задачей, исполненіе которой я откладывалъ однако до благопріятнаго случая, чтобы не навлечь подозрѣнія, что

меня это интересуетъ. Лучшаго случая, чѣмъ теперь, когда я могъ показать видъ, что рѣшаюсь смотрѣть воинскія упражненія единственно изъ желанія доставить удовольствіе казначею, ждать было бы напрасно.

Этотъ день было назначено ученье китайскому войску, состоящему изъ китайскихъ подданныхъ, порабощенныхъ кашгарцами (*). Это сообщилъ мнѣ джузъ-баша, добавляя, что и вчера училось китайское же войско, но только тѣ китайцы составляютъ другую армію, квартирующую въ старомъ городѣ. Цѣль объясненія была, какъ я узналъ послѣ, дать мнѣ ложное понятіе о числѣ этого войска.

Чтобы видѣть ученье, мнѣ нужно было выйдти изъ своего двора черезъ калитку и обойдти съ лѣвой стороны дворъ, имѣвшій назначеніе казармы или караульни и называемый почему-то пикетомъ. За дворомъ была канава съ тихо-протекающей водой, а за канавой большой плацъ, слѣва примыкающій къ Джанга-Шару, а справа и спереди сливавшійся на далекомъ разстояніи съ буграми и слѣдами развалинъ. Нужно полагать, что плаца этого прежде не было, но, при осадѣ Джанга-Шара, онъ образовался вслѣдствіе разрушенія стоявшихъ на томъ мѣстѣ домовъ. Возлѣ канавы былъ разостланъ для меня коверъ. Когда я сѣлъ на него, войско только начинало собираться. Китайцы, въ желтыхъ курточкахъ, одинъ за однимъ тянулись изъ-за Джанга-Шара, сохраняя дистанцію около трехъ шаговъ. Изъ пяти шедшихъ одинъ за другимъ, двое несли на плечахъ одно ружье, третій держалъ въ рукѣ что-то въ родѣ пальника, четвертый пику, пятый значекъ, и такъ далѣе, въ томъ же порядкѣ. Подвигались они къ плацу медленно. За канавой, нѣсколько правѣе того мѣста гдѣ я сидѣлъ, стояла толпа народу, изъ которой торчали цвѣтные значки, а назади ея лежало что-то въ родѣ пожарной бочки. Это, какъ я узналъ послѣ, была свита обучающаго генерала и музыка. Когда войско начало входить на плацъ, нѣкоторые значки въ толпѣ обучающаго поднялись и музыка заиграла. То, что казалось мнѣ бочкой, исполняло назначеніе барабана. Въ хорѣ всего больше дѣйствовали пастушій рогъ, флейта и еще что-то, по настоящее время мнѣ неизвѣстное. Заунывнѣе и непріятнѣе этой музыки я ничего никогда не слышалъ. Если бы такая музыка играла близко отъ меня на пятый день моего пребыванія въ Кашгарѣ, день для меня самый тяжелый, я подумалъ бы, что это похоронный

(*) Изъ числа этихъ воиновъ и были двое еще въ первый день моего пребыванія въ Кашгарѣ, явившіеся къ моему конвою на задній дворъ, съ вопросомъ: скоро ли мы прійдемъ ихъ выручать.

маршъ, нарочно выдуманный, чтобы подъ его звуки меня повѣсить. Теперь же она какъ нельзя лучше согласовалась со всѣми сонливыми и неохотными движеніями китайцевъ, шедшихъ на ученье. Лишь только раздалась музыка и замахали значками, дошедшіе до плаца остановились, а другіе продолжали идти, образуя боковой фасъ каре; слѣдующіе образовали другой боковой, а ближайшіе къ обучающему составили передній. Углы каре заняли орудія на двухъ колесныхъ повозкахъ, запряженныхъ одной лошадью или муломъ. Орудій было на двухъ углахъ до пятнадцати. Прежде чѣмъ успѣли выстроить передній фасъ каре, музыка затихла. Когда каре было построено, въ свитѣ обучающаго снова замахали значками и опять заиграла музыка, только иначе, чѣмъ сперва. Люди начали перестраиваться въ глубокія колоны въ два человѣка, причемъ передніе ряды были заняты людьми вооруженными пиками. Такихъ колонъ я насчиталъ до двадцати пяти. Интервалы позволяли развернуть фронтъ въ двѣ шеренги.

Музыканты остались на своемъ мѣстѣ, а генералъ со свитой отправился къ войску. Обойдя его спереди и сзади, онъ вернулся на прежнее мѣсто. Въ то же время, передъ нѣсколькими колонами стало по одному человѣку съ красными значками, да впереди этихъ людей еще нѣсколько человѣкъ тоже со значками. Между этими послѣдними и генераломъ было разстояніе около версты. До сихъ поръ ученье еще не начиналось, а только шло построеніе. Ударили нѣсколько разъ въ барабанъ и разомъ прекратилось въ колонахъ всякое движеніе: люди видимо ожидали команды. Возлѣ генерала поднялся значекъ; стоявшіе передъ колонами приняли этотъ сигналъ и замахали своими значками. Тогда первые ряды колонъ выскочили впередъ, наблюдая интервалы, остановились и начали колоть пиками впередъ, при каждомъ движеніи издавая что-то среднее между крикомъ и визгомъ и поднимая поочередно одну изъ ногъ. Это продолжалось съ четверть часа. Значекъ обучающаго опустился, и люди съ тѣмъ же визгомъ убѣжали за послѣдніе ряды. Значекъ опять поднялся; началась пальба изъ длинныхъ ружей. Сдѣлавши по одному выстрѣлу, передніе ряды ушли за послѣдніе, давая возможность стрѣлять стоявшимъ за ними. Залпы были согласны; ряды, сдѣлавшіе выстрѣлы, уходили за колоны одновременно и скоро, такъ что выстрѣлъ за выстрѣломъ шелъ безъ замедленія. Ружья при стрѣльбѣ, должно быть, не наводятся, или наводить ихъ не совсѣмъ удобно, такъ какъ стрѣляютъ изъ нихъ съ плечъ. Вслѣдствіе этого, при стрѣльбѣ было нѣсколько случаевъ, что часть холостаго заряда попадала въ стоявшихъ впереди съ значками, причемъ одежда на нихъ вспыхивала, и они, не знаю раненые или убитые, уносились за колоны. Построивъ развернутый фронтъ и затѣмъ опять колоны, и продѣлавъ нѣсколько разъ одно и тоже, обучающій опустилъ значекъ и далъ волю музыкѣ, которая съ такой яростью принялась за какой-то маршъ, что даже отчаянный барабанъ не могъ ее заглушить, хотя былъ, кажется, этотъ разъ въ ударѣ. Отвратительная флейта, чего только она не вплетала въ этотъ маршъ! Я каждый день слышалъ ее, но не могъ привыкнуть къ ея фальши. Ученье кончилось. Артилерія, которая все время была незамѣтна, потянулась за Джанга-Шаръ, а пѣхота перестроилась опять въ каре. Обучающій подошелъ къ войску, сказалъ что-то, должно быть «хорошо»; ему отвѣчали хотя несогласно, но отъ души, кто кивая головой, кто присѣдая, а кто крича что-то во все горло. Затѣмъ были вызваны впередъ гимнасты: одни боролись, другіе дрались на палкахъ, третьи кувыркались, четвертые плясали. Къ концу ученья подъѣхалъ ко мнѣ государственный казначей съ татариномъ и передалъ поклонъ отъ Якубъ-бека и то, что мнѣ будетъ завтра ауденція. Мы пошли въ мою юрту закусывать. Съ казначеемъ былъ еще одинъ человѣкъ мнѣ незнакомый; судя по бумагамъ, которыя онъ держалъ въ книжной оберткѣ вмѣсто портфеля, и по письменному прибору, торчавшему изъ-за пазухи, нужно было полагать, что онъ занимаетъ какую нибудь официяльную должность при Якубъ-бекѣ. Татаринъ шепнулъ мнѣ въ юртѣ: «этого человѣка подарить надо, человѣкъ очень важный, письменный».

— Что же подарить, когда вы, сами знаете, вчера уже разсортировали всѣ мои вещи: осталось только кое-что для прислуги.

— А надо, непремѣнно надо. За этимъ и пришелъ сюда.

— Отвратительный обычай, подумалъ я; первый разъ вижу человѣка, и дарить ему долженъ. Пока я припоминалъ, что у меня остается, татаринъ сказалъ мнѣ: «видите, на что онъ смотритъ: ему бы эту ложку, вилку да ножикъ серебряные».

Мнѣ оставалось только повиноваться.

Письменный человѣкъ, пошептавшись съ татариномъ и съѣвши свою порцію кавурдака, отеръ ложку, вилку и ножикъ о полу халата, сунулъ ихъ себѣ за пазуху и, какъ ни въ чемъ не бывало, ушелъ. Съ тѣхъ поръ я не только не видѣлъ его никогда, но и не могъ добиться, кто онъ такой. Въ юртѣ остались только я, казначей, да татаринъ. Въ поведеніи казначея я замѣтилъ большую разницу: онъ сдѣлался ко мнѣ вѣжливъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Онъ вста-

валъ, когда я поднимался съ мѣста и весь разговоръ свой клонилъ къ тому, чтобы задобрить меня сколько возможно. Татаринъ шепнулъ мнѣ: «его устами говоритъ вамъ самъ Якубъ-бекъ», а потому я старался не пропускать ни одного его слова. Чѣмъ бы онъ ни начиналъ разговоръ, а сводилъ на то, что, кромѣ дружбы Алтышара съ Россіею, Якубъ-бекъ ничего не желаетъ. Просилъ меня не отзываться объ Якубъ-бекѣ дурно передъ губернаторомъ. Спрашивалъ пытливо, какого я мнѣнія о его повелителѣ, оцѣнилъ ли я достаточно его доброту и вниманіе ко мнѣ?

Этотъ разъ политическій разговоръ кончился тѣмъ, что казначей попросилъ меня подарить одну изъ казачьихъ лошадей, которая ему больше понравилась. Я сказалъ, что дарить чужую собственность не имѣю права. Это удивило его; онъ не переставалъ настаивать. Урядникъ, которому принадлежала лошадь, съ своей стороны готовъ былъ мнѣ ее продать, съ тѣмъ, чтобы я далъ ему одну изъ своихъ доѣхать до мѣста.

Я купилъ лошадь и подарилъ казначею.

Прощаясь, онъ повторилъ мнѣ, что завтра я буду приглашенъ къ Якубъ-беку.

Съ этого дня намъ разрѣшено было собираться въ дорогу, т. е. покупать принадлежности для вьючки лошадей, ремни и проч., вслѣдствіе чего нашъ дворъ оживился: стали показываться на немъ торговые люди съ сѣдельными подпругами, корджунами, халатами и даже съ фруктами.

Я упаковывалъ въ чистую бумагу вещи, предназначавшіяся отъ меня въ подарокъ Якубъ-беку, и поджидалъ прихода портнаго, что бы обшить кровать новою матеріей. Но вѣрно отыскать портнаго было нелегко, потому что джузъ-баша началъ хлопотать объ этомъ еще съ прошедшаго вечера и до полудня другаго дня не имѣлъ успѣха. Гонцы его рыскали по разнымъ сторонамъ города и каждый разъ увѣдомляли, что, кромѣ китайцевъ, портныхъ нѣтъ, а китайцевъ почему-то избѣгалъ посылать ко мнѣ джузъ-баша. Почти передъ закатомъ солнца во дворъ ввалила толпа кашгарцевъ, окружавшая одного китайца; по ножницамъ въ его рукѣ я догадался, что это портной.

— Чурчутъ (*)! отрекомендовалъ мнѣ его джузъ-баша.

— Съ ними, съ чурчутами, надобно быть построже: народъ нехорошій, лѣнивый. Ни къ чему у нихъ охоты нѣтъ, только бы все лежалъ. Я за этимъ присматривать прикажу, добавилъ онъ.

(*) Чурчутами называютъ въ Кашгарѣ китайцевъ.

Не знаю, приписывалъ ли джузъ-баша эти качества китайцамъ по сравненію, въ трудолюбіи ихъ, съ кашгарцами, или просто хотѣлъ имѣть предлогъ окружить его своими людьми, чтобы тѣмъ помѣшать ему разговаривать съ нами. Какъ бы то ни было, но тотчасъ же разстаѣили на насыпи мою кровать и начали отмѣривать по ней красное сукно и тикъ, присланные мнѣ г. Кривошеинымъ. Казаки тоже вооружились иглами и работа пошла быстро. Чурчутъ не былъ изъ хорошихъ портныхъ; мнѣ кажется, что онъ взялся за дѣло, чтобы только побывать у меня въ курганѣ. Зѣвакамъ, приставленнымъ къ китайцу джузъ-башею, надоѣло стоять у кровати, и они мало по малу разбрелись по двору; нѣкоторые изъ нихъ заглядывали въ мою юрту и въ палатку, другіе, что поголоднѣе, интересовались больше кухней, гдѣ висѣли подъ потолкомъ оставшіеся отъ прошлаго дня куски сыраго мяса. Чурчутъ, наклонившись низко надъ работой, посматривалъ изъ-подлобья, нѣтъ ли по близости кого нибудь изъ подозрительныхъ людей, и пользовался всякимъ удобнымъ моментомъ, чтобы перекинуть словомъ съ казаками.

Я ходилъ по дорожкѣ, вытоптанной мною во время пребыванія въ этомъ курганѣ, и рисовалъ себѣ пріятную минуту, когда снова сяду на лошадь, покидая Кашгаръ. Посреди двора, на небольшомъ войлокѣ, лежалъ Тумъ и ухмылялся. Я случайно обратилъ на него вниманіе и спросилъ, что ему смѣшно. Онъ отвѣчалъ:

— Если бы тюре (*), съ тѣхъ поръ какъ живетъ въ Кашгарѣ, вмѣсто того чтобы ходить все взадъ и впередъ по этой тропинкѣ, шелъ бы все впередъ, то былъ бы теперь уже подъ Атпаши.

— Ты что-то больно веселъ, замѣтилъ я ему.

— Да чего мнѣ бояться! только вотъ на базаръ не пускаютъ, а то лежишь.

Тумъ подобралъ свою кошемку и ушелъ на задній дворъ. Я тоже пошелъ посмотрѣть все ли тамъ исправно. Въ нѣкоторыхъ стойлахъ грунтъ былъ мягче, чѣмъ въ другихъ, а потому сырость не позволяла держать въ нихъ лошадей: онѣ были переставлены на средину двора и привязаны къ кольямъ.

— Это что за лошадь? спросилъ я, указывая на тощую до чрезвычайности савраску, бродившую между лошадьми.

— Артилерійская, сказали казаки. — Никакъ нельзя отъ нея отдѣлаться: только выгонимъ, а она опять перелѣзетъ черезъ плетень. Вотъ она сходила на ученье, да опять пришла сюда; видно ее никто не кормитъ.

(*) Господинъ.

Я почти не замѣтилъ, какъ наступилъ вечеръ, и юрта моя наполнилась опять гостями. Казначей былъ мраченъ, какъ никогда; я обратилъ на это вниманіе и спросилъ татарина о причинѣ этого.

— Тоскуетъ, сказалъ онъ мнѣ.

— Отчего? допытывался я.

— Послѣ все разскажу.

Этотъ отвѣтъ меня испугалъ. Ужь не много ли взялъ на себя казначей, дѣйствуя на меня отъ имени Якубъ-бека, и не предстоитъ ли ему за это расчетъ съ его повелителемъ.... вотъ что прежде всего пришло мнѣ въ голову. Присутствіе новыхъ лицъ въ юртѣ не позволяло мнѣ тотчасъ же объясниться съ татариномъ, который, помолчавъ нѣсколько, добавилъ въ полголоса: «однако васъ завтра еще не позоветъ Якубъ-бекъ».

— А эти зачѣмъ пришли? спросилъ я, указывая на незнакомыхъ мнѣ людей, бывшихъ вовсе не кстати.

— Сами знаете, подарить надо.

Такая наглость меня просто взбѣсила.

«Измѣнникъ, подумалъ я про татарина: онъ нарочно подводитъ, чтобы домучить меня здѣсь до конца.»

— У меня ужь нечего дарить, возразилъ я; остались только деньги.

— Этимъ не надо много; можно ихъ обдарить по малости, сами знаете чѣмъ, успокоивалъ меня татаринъ. Ну, хоть ложку съ вилкою и ножемъ... этотъ стаканъ съ подставкой... вотъ у васъ еще дюжина новыхъ ножей есть....

Этого ужь было достаточно, чтобы прогнать мое сносное настроеніе и представить мнѣ нескончаемую перспективу дней, въ которые мнѣ будутъ только обѣщать аудіенцію и выѣздъ, а между тѣмъ станутъ осаждать меня новыя лица, которымъ что-нибудь подарить нужно.

— Да будетъ-ли этому конецъ? спросилъ я.

Вмѣсто отвѣта татаринъ наклонился ко мнѣ и сказалъ шепотомъ:—«Вы подарили письменному человѣку ножикъ; тотъ ножикъ увидалъ Якубъ-бекъ и самъ рѣзалъ имъ мясо, шибко похвалилъ и, кажется, подослалъ этого человѣка, чтобы вы еще подарили такой же ножикъ, либо больше: ему не надо съ серебряной ручкой, а только чтобы лезвіе было. Шибко ему ножикъ понравился; онъ, видите-ли, тонкій, имъ ловко мясо рѣзать; извѣстно, самому Якубъ-беку стыдно у васъ попросить».

Узнавъ, что столовые ножи здѣсь въ такой цѣнѣ, я раздѣлилъ

оставшуюся у меня дюжину между казначеемъ и тѣмъ человѣкомъ, на котораго мнѣ указалъ татаринъ. Засунувъ за-пазуху подарокъ, незнакомый мнѣ человѣкъ какъ дымъ вылетѣлъ изъ юрты, а казначей не обнаружилъ никакой радости.

Должно быть у него большое горе, подумалъ я; у Якубъ-бека расправа коротка: сегодня въ милости, а завтра безъ головы.

Казначей былъ теперь въ небогатомъ, уже поношенномъ халатѣ и безъ чалмы поверхъ аракчина. Онъ сидѣлъ повѣся голову и только изрѣдка обводилъ мутнымъ взоромъ по стѣнкамъ юрты и впадалъ затѣмъ въ дремоту.

Состоянію этого человѣка, дѣйствительно, нельзя было подобрать болѣе точнаго опредѣленія, какъ назвавши «тоской», и даже безутѣшной. Пока гости мои еще сидѣли въ юртѣ и я не могъ получить отъ татарина обѣщаннаго объясненія причины тоски казначея, я спросилъ: «здорова-ли его жена и дѣти?» Когда татаринъ перевелъ ему этотъ вопросъ, онъ вскинулъ на меня взглядъ полный удивленія, что меня это интересуетъ, и, плюнувъ черезъ зубы, пробормоталъ что-то, что мнѣ перевели такъ: «съ ними, то есть съ женою и дѣтьми, что развѣ дѣлается?» Гости мои, задавшись мыслью получить отъ меня подарки, и не думали о томъ, чтобы отправляться, хотя разговоръ у насъ совсѣмъ не вязался. Нечего дѣлать: чтобы избавиться отъ нихъ и остаться наединѣ съ казначеемъ и татариномъ, я роздалъ имъ послѣднія вещи.

— Скажите скорѣе, что случилось съ казначеемъ? обратился я къ татарину, когда мы остались втроемъ.

— Все равно, не поможете: дѣло уже сдѣлано. Вы все испортили.... Однако вамъ отсюда скоро не уѣхать—говорилъ онъ въ полголоса.

Не понять никогда татарину, какой ударъ нанесъ онъ мнѣ своими словами.

Казначей наклонилъ еще больше голову и закрылъ руками глаза.

— Видите, убивается, какъ малое дитя, а онъ человѣкъ нужный.

— Да что же я сдѣлалъ? спросилъ я.

— Сами знаете.... Вотъ, не посовѣтовались со мною, и вышло плохо.

— Говорите же наконецъ, что случилось съ казначеемъ.

Я начиналъ уже выходить изъ себя.

— А зачѣмъ вы подарили новые серебряные часы джузъ-башѣ?

— Послушайте, вы меня просто мучите: все про одно и про одно.... про подарки. Кончите объ этомъ, и скажите мнѣ, пожалуйста:

что я сдѣлалъ худаго? чѣмъ я испортилъ дѣло? что грозитъ казначею?

— Я говорю вамъ, зачѣмъ подарили ему старые часы, а джузъ-башѣ новые? Вотъ и обижается этимъ и тоскуетъ, и вамъ плохо будетъ.

Конечно, на свѣтѣ нѣтъ народа подлѣе кашгарцевъ; бухарцевъ я не знаю, они тоже хороши. Но какъ должно было страдать мое самолюбіе отъ мысли, что отъ такого ничтожнаго обстоятельства—подарка часовъ—зависитъ болѣе или менѣе продолжительная пытка проживать въ Кашгарѣ. Тутъ только я понялъ на чемъ было основано предположеніе татарина, что меня «не позоветъ къ себѣ завтра Якубъ-бекъ», какъ обѣщалъ черезъ того же казначая, и я предположилъ, что этимъ не ограничится обиженный казначей, а надѣлаетъ мнѣ еще немало непріятностей. Также повѣрилъ я, что и поправить дѣло нельзя, потому что отобрать отъ джузъ-баши мой подарокъ для того, чтобы отдать его казначею, я не рѣшился бы, а другихъ новыхъ серебряныхъ часовъ у меня уже не было.

— Пусть себѣ что хочетъ, то и дѣлаетъ. Если онъ такой ребенокъ, такъ мнѣ съ нимъ объясняться нечего. Кому что подарилъ, того назадъ не беру, сказалъ я и вышелъ изъ юрты.

Мелькнула у меня мысль пообѣщать казначею пожаловаться на него Якубъ-беку, но хорошо, что я этого не сказалъ, а то, конечно, онъ нашелъ бы возможность устроить дѣло такъ, что я Якубъ-бека никогда бы и не увидѣлъ.

Пока я ходилъ взадъ и впередъ по своей дорожкѣ, татаринъ переговорилъ о чемъ-то съ казначеемъ и вышелъ ко мнѣ.

Прежде чѣмъ онъ началъ мнѣ что-то говорить, я предупредилъ его просьбой—сказать казначею, что я такихъ комедій не люблю и тоски изъ того, что у джузъ-баши есть новые часы, а у него старые, не понимаю, а что касается отмѣны аудіенціи и моего выѣзда отсюда, то это уже его дѣло. Татаринъ, сколько я замѣтилъ, держалъ и ту, и другую сторону, по долгу мусульманина и русскаго подданнаго.

Изъ желанія все уладить, онъ просилъ меня не сердиться и позволить казначею самому отобрать отъ джузъ-баши часы. Какъ онъ ихъ отберетъ, это ужь его дѣло. На такую просьбу у меня не находилось даже отвѣта, а я повторилъ только, что мнѣ все равно, какъ не распорядятся моими подарками тѣ, кто ихъ получили.

Въ этихъ преніяхъ я не замѣтилъ, какъ проиграли зорю и спустилась ночь. У меня шла голова кругомъ. Утромъ я считалъ

завтрашній день предпослѣднимъ моего пребыванія въ Кашгарѣ, а теперь, когда будетъ этотъ предпослѣдній день? Едва ушелъ казначей, какъ я повалился на матрацъ и не зналъ, что дѣлать, что предпринимать. Стало свѣжо; я крикнулъ джузъ-башу, чтобы онъ приказалъ разложить огонь въ юртѣ. Джузъ-баша пришелъ красный какъ ракъ; я догадался, что онъ если не боролся сейчасъ, то спорилъ до поту. Онъ держалъ въ рукѣ часы. Видъ этихъ часовъ составлялъ для меня уже немалую пытку.

— Возьмите ихъ, сказалъ онъ: у меня ихъ отбираютъ, а иначе обѣщаютъ голову долой. Онъ говорилъ скоро, такъ что я самъ не могъ его понять, а потому позвалъ переводчика.

Дѣло было вотъ въ чемъ:

Безъ позволенія Якубъ-бека никто не имѣлъ права получать отъ меня подарки. Казначей же, получивъ ихъ, пошелъ къ Якубъ-беку и показалъ или, лучше, преподнесъ ему; тотъ посмотрѣлъ, кое-что оставилъ у себя, а остальное возвратилъ. Джузъ-баша не поступилъ такъ съ моими часами; сперва онъ ихъ пряталъ, а потомъ, когда увидѣлъ, что казначей получилъ отъ меня подарки, показалъ и свои часы—мой подарокъ.

Казначей узналъ, что часы эти не были предъявлены Якубъ-беку и запугивалъ несчастнаго джузъ-башу, что донесетъ на него и подведетъ подъ висѣлицу.

Я не слушалъ бы джузъ-башу, если бы не сознавалъ, что онъ больше всѣхъ заслужилъ отъ меня награды, какъ спутникъ отъ самой границы.

— Чѣмъ же я могу помочь? спросилъ я.

— Тѣмъ, что возьмете часы и скажете, что давали мнѣ ихъ только попосить. Иначе меня казнятъ.

Онъ положилъ часы возлѣ меня.

— А если я подарю тебѣ лошадь? возьмешь ее? спросилъ я.

— Очень буду радъ. Я приведу ее къ Якубъ-беку и скажу, что мнѣ подарили: позволитъ-ли принять?

Дѣло отчасти покончилось. Какъ только очутились у меня часы, снова явились казначей и татаринъ. Я ужь догадывался, зачѣмъ они тутъ, и разговоръ съ ними былъ коротокъ. Казначей надѣлъ на себя часы и, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, сказалъ, что завтра м ня непремѣнно позоветъ Якубъ-бекъ, а послѣ завтра я поѣду домой. Опять свалилась у меня гора съ плечъ. Я поджидалъ, когда догорятъ дрова и можно будетъ закрыть тюндюкъ (*), чтобы улечься

(*) Войлокъ, закрывающій верхнюю часть юрты.

спать. Въ воображеніи моемъ, какъ въ панорамѣ, протягивались рѣки Артышъ, Теректы, Богушты, Нарынъ и городъ Вѣрный, и затѣмъ Богъ знаетъ куда унеслись мои мысли. И долго не вернулись бы онѣ къ настоящему, если бы въ юрту не вошелъ невысокій человѣкъ, мнѣ хорошо знакомый, потому что онъ каждое утро и вечеръ раскладывалъ у меня огонь. Онъ былъ тоже красный, или ужь мнѣ такъ всѣ казались красными. Онъ что-то говорилъ, но скоро, или я до того отупѣлъ въ этотъ день, что никого не могъ понимать иначе, какъ на русскомъ языкѣ. Я позвалъ переводчика.

— Жалуется, ваше благородіе, перевелъ мнѣ казакъ, что видалъ у васъ часы и хотѣлъ выпросить себѣ, а вы ихъ изволили кому-то подарить.

— Мой Богъ! простоналъ я уже не помня себя; опять часы, опять часы!

Мнѣ даже тошно стало

— Что же онъ хочетъ? спросилъ я, приходя въ себя: чтобы я отобралъ отъ казначея свой подарокъ и отдалъ ему?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно послѣ казначея получить что-нибудь, я такъ только....

— Каково!... Такъ только, безъ всякой даже пользы для себя!... Что я имъ дался за несчастный!

— Вотъ, если бы таксыръ (*) отобралъ отъ черноватаго человѣка часы, да отдалъ бы мнѣ...

Чтобы покончить съ часами въ одинъ день, я крикнулъ своего слугу, котораго, не знаю почему, назвали черноватымъ, развѣ только за черный цвѣтъ сюртука, и, купивши у него немудреныя часы, подарилъ кашгарцу.

Цѣлую ночь потомъ мнѣ снились часы, но, славу Богу, съ утра уже ничего больше не напоминало про этотъ злосчастный инструментъ.

На другое утро, 26-го октября, пользуясь приглашеніемъ джузъ-баши посмотрѣть ученье сарбазовъ (пѣхоты собственно изъ мусульманъ), я отправился опять на то же мѣсто, откуда смотрѣлъ ученье китайцевъ. Сарбазы были въ красныхъ халатахъ и въ мѣховыхъ шапкахъ. Всѣ они вооружены фитильными винтовками, одинаковой величины. Ученье ихъ во многомъ схоже съ нашимъ: они маршируютъ довольно согласно, дѣлаютъ разныя построенія и стрѣляютъ рядами и залпами. Сарбазы имѣютъ свою музыку, далеко лучшую, чѣмъ при

(*) Господинъ.

китайскомъ войскѣ. Артилерія состоитъ изъ пушекъ на двухколесныхъ повозкахъ, запряженныхъ четырьмя лошадьми, на каждой изъ которыхъ сидитъ по человѣку; на каждое орудіе по два человѣка пѣшей прислуги; всѣ пушки и повозки для нихъ разныхъ величинъ и фасоновъ. Стрѣльба была холостыми зарядами, а потому производилась на ходу, безъ выпрягиванія лошадей (*). Если это тѣ пушки, которыя я видѣлъ въ одномъ изъ дворовъ Джанга-Шара, то хоботомъ лафета служатъ концы оглобель чрезвычайно толстыхъ и окованныхъ желѣзомъ. Кавалерія училась вдали, а потому, кромѣ густыхъ массъ всадниковъ, ничего нельзя было разобрать. Ко мнѣ опять подъѣхалъ государственный казначей и передалъ отъ Якубъ-бека поклонъ и приглашеніе вечеромъ быть у него, чтобы проститься передъ отъѣздомъ. Казначей чувствовалъ какую-то неловкость въ моемъ присутствіи. Сказавши: «мы еще увидимся сегодня», онъ поѣхалъ въ сторону, гдѣ училась кавалерія.

День этотъ прошелъ для меня въ томительномъ ожиданіи вечера. Я обдумывалъ что говорить Якубъ-беку на вопросы, которые ожидалъ отъ него услышать, припоминалъ сдѣланныя мнѣ замѣчанія, желая этотъ разъ избѣжать новыхъ его неудовольствій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не показать, что я его боюсь.

Цѣлый день я ходилъ, по обыкновенію, въ кителѣ, а къ вечеру, когда становилось прохладнѣе, надѣвалъ сюртукъ, къ зорѣ же сверхъ того и лѣтнее пальто. Такъ и этотъ разъ: посолъ съ приглашеніемъ отъ Якубъ-бека засталъ меня въ сюртукѣ и въ пальто. Натурально, этотъ костюмъ не годился для визита къ повелителю Алтышара, а потому я снялъ его съ себя и нарядился въ халатъ, подаренный мнѣ Якубъ-бекомъ на первой аудіенціи. Шпоръ на сапогахъ моихъ не было, а что касается штрипокъ, мѣшавшихъ сидѣть поджавши ноги, то, пока я придумывалъ, какъ поступить съ ними, мнѣ было подано нѣсколько предложеній: со стороны урядника—отпороть и оставить ихъ дома, а со стороны казначея и джузъ-баши—не только штрипки, но и самые панталоны оставить дома, а идти налегкѣ по-мусульмански, прикрывшись халатикомъ.

Мнѣ подали лошадь и я, какъ въ первый визитъ, доѣхалъ на ней только до воротъ Джанга-Шара. Подарки отъ меня Якубъ-беку унесли впередъ. При приближеніи моемъ къ воротамъ, забрякали ключи, послышался визгъ запоровъ и ворота были настежь. Въ нишѣ воротъ горѣлъ жирникъ. Тутъ присоединились къ намъ два конвойныхъ. Дворы были освѣщены кострами и вдоль стѣнъ ихъ си-

(*) Не думаю, чтобы и боевыми зарядами стрѣляли не выпрягая лошадей.

дѣли люди съ ружьями въ рукахъ. Пройдя дворъ, гдѣ стоятъ пушки и гдѣ былъ сосредоточенъ ночной караулъ, мы пошли дальше уже не той дорогой, что въ первый разъ, а свернули въ темный переулокъ, образованный заборами, черезъ которые свѣшивались вѣтви деревъ. Переулокъ этотъ былъ совершенно теменъ, такъ что не видно было подъ ногами земли. Вдали, на другомъ концѣ переулка, слабо мерцалъ огонекъ—должно быть жирникъ. Не доходя до него, мы повернули налѣво въ такой же переулокъ, затѣмъ черезъ невысокую калитку вошли во дворъ. Тутъ остановили меня на первыхъ шагахъ, а казначей пошелъ дальше. Это былъ тотъ самый дворъ, на который выходилъ фасадъ дома, гдѣ въ первый разъ принималъ меня Якубъ-бекъ, сидя у крайней двери, теперь запертой, какъ и всѣ остальныя. Я не успѣлъ осмотрѣться и узнать этого мѣста, какъ казначей вернулся и мы пошли дальше. Хотя во дворѣ горѣли четыре жирника, но этого освѣщенія было весьма недостаточно. Остановясь на срединѣ двора, на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго я увидѣлъ первый разъ Якубъ-бека сидящимъ у двери на бѣломъ войлокѣ, теперь я не различалъ кругомъ себя ровно ничего и не могъ даже приблизительно опредѣлить куда меня потащатъ дальше и гдѣ я его увижу, такъ какъ всѣ двери домовъ, составлявшихъ своими фасадами этотъ дворъ, были заперты или, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ не виднѣлось нигдѣ свѣта. Во мракѣ этомъ царствовала тишина; казначей и татаринъ, дорогой разговаривавшіе между собой, хранили теперь глубокое молчаніе и изрѣдка только подергивали меня за халатъ, если я озирался или поворачивался къ нимъ, желая спросить что-нибудь.

Вѣрно Якубъ-бекъ гдѣ нибудь близко, подумалъ я, и все вниманіе устремилъ къ отдаленному жирнику, возлѣ котораго бродила какая-то тѣнь. Мы остановились, но зачѣмъ—я догадался только тогда, когда казначей съ одной стороны меня и татаринъ съ другой, скрестивъ на груди руки, отвѣсили по поклону и надъ моимъ ухомъ раздалось едва слышно «кланись» (*). Я все еще никого не видѣлъ, но, повинуясь этикету, поклонился, и мы пошли затѣмъ къ углу ближайшаго флигеля. Отойдя до пяти шаговъ, я испыталъ то же, что охотникъ, нечаянно наткнувшись на звѣря, котораго предполагалъ встрѣтить гораздо дальше. То, что казалось мнѣ со средины двора какимъ-нибудь тюкомъ или спящимъ, прислонясь къ стѣнкѣ, карауьщикомъ, былъ самъ Якубъ-бекъ. Онъ сидѣлъ у наружнаго угла флигеля. Даже наткнувшись на него я не узналъ бы, что это онъ,

(*) Исковерканное русское слово „кланяйтесь“.

если бы спутники мои опять не отвѣсили по поклону и не выдвинули меня впередъ, по направленію протянутой мнѣ Якубъ-бекомъ руки. Я пожалъ ее и получилъ приглашеніе сѣсть противъ него. Татаринъ, въ качествѣ моего переводчика, сѣлъ нѣсколько сзади меня, а казначей отошелъ въ сторону и черезъ нѣсколько шаговъ его уже не было видно въ темнотѣ. Я сидѣлъ съ Якубъ-бекомъ на одномъ коврѣ, и только благодаря тому, что свѣтъ жирника, освѣщавшаго мнѣ спину, въ то же время падалъ и на лицо кашгарскаго повелителя, я могъ его разсмотрѣть и узнать въ немъ того же самаго господина, что и на первой аудіенціи. Этотъ разъ Якубъ-бекъ казался толще, потому что былъ, по причинѣ прохладнаго времени, въ шубѣ, или въ нѣсколькихъ халатахъ. Верхній халатъ, или шуба, лоснилась, и при движеніяхъ Якубъ-бека я разсмотрѣлъ, что это темная шелковая китайская матерія, изъ весьма плотныхъ, съ узорами въ видѣ круговъ, правильно расположенныхъ. На головѣ его была бѣлая пышная чалма. Я молчалъ; онъ первый спросилъ меня: «хорошо-ли мнѣ живется въ Кашгарѣ?» Я отвѣтилъ что, благодаря его гостепріимству и заботъ обо мнѣ, мнѣ въ Кашгарѣ хорошо. На мою долю пришлось мало говорить. Якубъ-бекъ не умолкалъ. Весь разговоръ его вертѣлся на томъ, что онъ человѣкъ небольшой, а потому уважаетъ сильнаго Бѣлаго Царя, и всякому русскому оказываетъ гостепріимство.—«Сами видите», говорилъ онъ, «сколько объ васъ было заботъ. Если бы у меня не было на умѣ поддерживать съ русскими дружбы, я держалъ бы себя не такъ; а то я сдѣлалъ и то, и то, и то (онъ пересчитывалъ тѣ самыя обстоятельства, на которыя налегалъ и на первой аудіенціи). Пока я живъ, моей постоянной заботой будетъ сохранять миръ съ русскими».—Я больше молчалъ и только, пользуясь продолжительной паузой, замѣтилъ, что «поддерживать миръ съ сосѣдями—это единственное желаніе туркестанскаго генералъ-губернатора». Якубъ-бекъ крикнулъ казначея и посадилъ его тутъ же. Мнѣ и переводчику подали чай.

Во вторую половину аудіенціи, Якубъ-бекъ повторилъ то же самое, что уже говорилъ нѣсколько разъ, съ тою разницею, что ничтожество свое уподобилъ соринкѣ, поднятой имъ съ ковра, и за особой Его Императорскаго Величества призналъ силу и величіе повелителя полъ-міра, предъ которымъ его собственная особа совершенно исчезаетъ.

Не давъ мнѣ произнести слова, онъ окончилъ на эту тему и перешелъ къ тому, что онъ подаритъ мнѣ лошадь (аргамака), яка (тибетскую корову), качира (помѣсь лошади съ осломъ) и еще раз-

ныя мелочи. Затѣмъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути и просилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе туркестанскому генералъ-губернатору и семирѣченскому военному губернатору.

Въ отъѣздѣ моемъ уже нельзя было сомнѣваться, но, тѣмъ неменѣе, не скажу, чтобы я былъ спокоенъ и увѣренъ, что не отыщется какого-нибудь обстоятельства, которое повредитъ мнѣ сильно или, по крайней мѣрѣ, задержитъ выѣздъ.

Казначей и татаринъ проводили меня до моей юрты; я пригласилъ ихъ закусить и, не подавая вида особенной радости, спрашивалъ, когда же можно будетъ уѣхать изъ Кашгара.

— Не знаю, сказалъ казначей.

— Теперь, что вамъ хлопотать: черезъ нѣсколько дней уѣдете, отвѣтилъ татаринъ.—Задержки никакой не будетъ.

— Однако черезъ нѣсколько дней, а отчего бы не завтра? замѣтилъ я. Отъ кого же это зависитъ?

Татаринъ показалъ глазами на казначея, а потомъ добавилъ потихоньку: «у него къ вамъ еще дѣло есть; Якубъ-бекъ поручилъ поговорить съ вами».

— Такъ пусть сейчасъ же бы сказалъ, что нужно.

Татаринъ пожалъ плечами.

— Ужь не подарить-ли ему что? спросилъ я.

— А это самое лучшее.

На другое утро въ калитку нашу едва пролѣзли тюки съ подарками. Самая объемистая вещь была трехспальное ватное одѣяло, чрезвычайно толстое, покрытое сверху «шаги» (*), а снизу ситцемъ, и къ нему цилиндрообразная ватная же подушка. Это предназначалось мнѣ. Затѣмъ тюки съ халатами изъ парчи (**), съ чамбарами (***) бумажной матеріи и рубашками изъ бязи (****) для казаковъ, для Тума и еще для четырехъ нашихъ киргизовъ, задержанныхъ на Джалтантасѣ. Въ халатахъ, въ чамбарахъ и даже на рубашкахъ были надѣланы карманы, на что джузъ-баша обратилъ наше вниманіе, какъ на предупредительность Якубъ-бека, знающаго, что русскіе любятъ имѣть въ каждомъ платьѣ по нѣсколько кармановъ. Затѣмъ явился тюкъ съ тремя коврами, изъ которыхъ одинъ довольно большой, и съ халатомъ парчевымъ на хотанскихъ мерлушкахъ, для меня. То же, что меня наиболѣе интересовало, именно аргамакъ, еще не показывался,

(*) Шелковая азіятская матерія.
(**) Шелкъ пополамъ съ бумагой.
(***) Панталоны.
(****) Бязь—грубая бумажная ткань.

равно какъ и якъ, и качиръ. Юрта моя была завалена вещами, и когда пришелъ государственный казначей, мнѣ посадить его было негдѣ. Я вышелъ съ нимъ во дворъ, и тамъ, сидя на насыпи, испытывалъ своего рода пытку: казначей расказывалъ мнѣ, съ какимъ почетомъ и радостью меня встрѣтили въ Кашгарѣ, какъ хорошо содержали, сколько заботились о томъ, чтобы мнѣ было весело, сколько надарили мнѣ разныхъ вещей, и все это потому, что Якубъ-бекъ уважаетъ русскихъ и хочетъ жить съ ними въ мирѣ. Онъ просилъ, чтобы я, съ своей стороны, не упустилъ что нибудь сказать губернатору въ пользу Якубъ-бека.

— Только пять лѣтъ пусть насъ не безпокоитъ.... А ужь если прійдетъ русскимъ желаніе взять Кашгаръ, пусть скажутъ заблаговременно: можетъ быть Якубъ-бекъ отдастъ этотъ городъ и безъ боя.

Когда смерклось, двое кашгарцевъ привели мнѣ двухъ аргамаковъ, закутанныхъ въ старыя попоны, и предложили одного взять себѣ, а другаго отвести военному губернатору въ подарокъ отъ Якубъ-бека. Я могъ разсмотрѣть въ темнотѣ только почтенный ростъ лошадей, а то, что обѣ были тощи и съ попорченными спинами, что одинъ аргамакъ кромѣ того разбитъ на ноги, я увидѣлъ уже на другое утро.

Тридцатаго октября для меня насталъ праздниковъ праздникъ. Еще рано утромъ поднялись казаки, сняли палатку, принарядились по походному и ждали только моего пробужденія, чтобы, благословясь, тронуться въ обратный путь. Казначей уже былъ въ моемъ дворѣ. Онъ тоже ждалъ, когда я проснусь, чтобы снова разсказывать мнѣ о томъ, съ какимъ почетомъ и радостью меня здѣсь встрѣтили, какъ хорошо содержали, и просить, чтобы я, въ докладѣ своемъ военному губернатору, какъ можно больше хвалилъ Якубъ-бека. Что касалось просьбы казначея, чтобы русскіе не безпокоили Якубъ-бека, я не могъ не считать ее вполнѣ искренней. Онъ не просилъ уже, а просто умолялъ передать моему начальству, что Якубъ-бекъ далекъ отъ мысли когда нибудь завязывать съ нами ссору, и чтобы военный губернаторъ, если ему будутъ доносить о приготовленіяхъ Якубъ-бека къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, не вѣрилъ бы тому и самъ бы противъ него ничего не предпринималъ.

Все утро, пока я не сѣлъ на лошадь, со мною возились какъ съ сырымъ яйцомъ: осторожно и деликатно. Гонецъ за гонцомъ являлся ко мнѣ отъ Якубъ-бека, одинъ съ фунтомъ чаю на дорогу, другой съ теплымъ мерлущатымъ халатомъ, третій узнать о здоровьѣ, четвертый пожелать счатливаго пути; казначей распинался въ изъ-

явленіяхъ любви и уваженія ко мнѣ. Словомъ, я пожалѣлъ, что не съ этого началось мое пребываніе въ Кашгарѣ, и, вспоминая самый мучительный для меня пятый день жизни тамъ, не могъ не подозрѣвать, что въ этотъ промежутокъ времени что нибудь случилось въ политикѣ кашгарскаго правителя, но что именно я и по настоящее время угадать не могу. Не думаю впрочемъ, чтобы кашгарцы были на столько тупоумны, чтобы надѣялись изгладить изъ моей памяти всѣ стѣсненія, сдѣланныя мнѣ, и заставить меня, какъ попугая, повторять военному губерватору то, чему училъ меня казначей: о радости и почетѣ, съ которыми меня встрѣтили, и объ удовольствіяхъ, которыми будто бы я былъ окруженъ. На сколько-же искренно Якубъ-бекъ желалъ мира, этотъ вопросъ разрѣшитъ одно только время.... Говорю «одно только время» потому, что, сколько можно понять политику туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана, съ нашей стороны нельзя предвидѣть никакого повода къ непріязни.

П. Р.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 г.—Обзоръ русскихъ военныхъ журналовъ: „Артилерійскій Журналъ“.—Die Heeresmacht Russland's, ihre Neugestaltung und ihre politische Bedeutung.—Oesterreich's Heeresmacht.

Очеркъ медицинской и госпитальной части русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 годахъ. *Приложеніе къ описанію обороны Севастополя. Составилъ професоръ университета св. Владиміра* Х. Гюббенетъ.

Благая цѣль автора — раскрыть изнанку боеваго дѣла и тѣмъ, въ будущемъ, хотя отчасти способствовать принятію мѣръ для облегченія страданій и лишеній, которымъ подвергается солдатъ въ военное время—не можетъ не вызвать полнаго сочувствія. При всей неполнотѣ труда и односторонности проведеннаго взгляда, за авторомъ остается все-таки заслуга почина въ этомъ дѣлѣ. Полезная дѣятельность г. Гюббенета, какъ хирурга, на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, имѣла рѣшительное вліяніе и на характеръ его сочиненія: дѣйствія на перевязочныхъ пунктахъ выставлены очень рельефно, а часто и съ такими подробностями, которыя, будучи очень интересны для врача, могли бы занимать мѣсто въ какомъ нибудь спеціяльномъ изданіи, напримѣръ результаты операцій. Впрочемъ, это еще не составило бы важнаго неудобства, если бы, съ подобною же обстоятельностью, была раскрыта и та сторона госпитальнаго дѣла, которая обыкновенно не отражается въ реляціяхъ. Мы говоримъ о санитарномъ состояніи арміи. Неоспоримая истина, что болѣзненность въ военное время болѣе ослабляетъ ряды, чѣмъ огонь и штыкъ непріятеля; поэтому главной причинѣ потерь не мѣшало бы отвести и болѣе видное мѣсто въ «Очеркахъ».

Въ настоящее время, говоритъ Лабулэ (*), возродилась новая наука—гигіена, легко предупреждающая болѣзни, неподдающіяся леченію. Наука эта о сохраненіи здоровья нигдѣ болѣе не у мѣста, какъ при большомъ сосредоточеніи людей, составляющихъ армію. Пренебреженіе гигіеническими условіями не только въ военное, но и

(*) Revue des deux mondes, 15 decembre 1869. La médecine militaire.